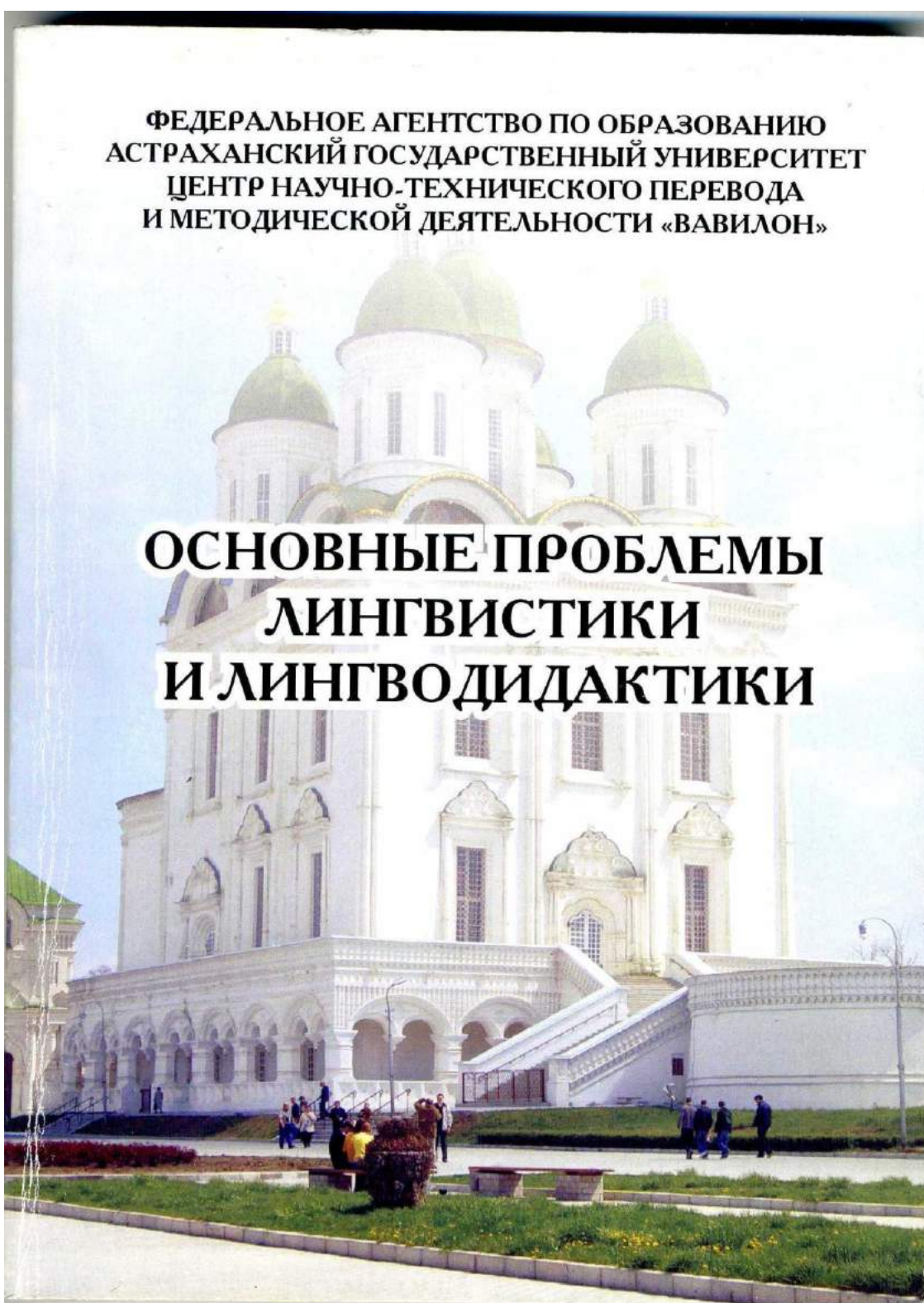

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА
И МЕТОДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ВАВИЛОН»**

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЛИНГВИСТИКИ
И ЛИНГВОДИДАКТИКИ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «БАВИЛОН»

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ
И ЛИНГВОДИДАКТИКИ**

Сборник статей III Международной
научно-практической конференции

15 ДЕКАБРЯ 2008 г.

г. Астрахань – 2009

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ВАВИЛОН»

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ
И ЛИНГВОДИДАКТИКИ**

*Сборник статей III Международной
научно-практической конференции*

15 ДЕКАБРЯ 2008 г.

УДК 80
ББК 81.00
0752

Редакционная коллегия:

Г.В. Рябичкина (гл. редактор), Н.И. Кривых (зам. гл. редактора),
Л.И. Балашова, Л.Д. Кривых, О.Б. Смирнова

0752 **Основные проблемы лингвистики и лингводидактики** [Текст]:
сборник статей международной научно-практической конференции. 15 декабря
2008 г., г. Астрахань / сост. Е. Ю. Бубнова. – Астрахань: Издательство: Сорокин
Роман Васильевич, 2009. – 127 с.

ISBN 978-5-903285-49-5

В сборник включены материалы III Международной научно-практической конференции «Основные проблемы лингвистики и лингводидактики», посвященной изучению наиболее актуальных и значимых проблем лингвистической науки: лингвистики текста и речевого дискурса, лингвистически в начале XXI века, как одного из перспективных направлений, обучения иностранным языкам и др.

Может быть полезен лингвистам, педагогам, студентам и аспирантам.

© Издательство: Сорокин Роман Васильевич, 2009
© Бубнова Е. Ю., составление, 2009

Уважаемые коллеги!

Мы рады приветствовать Вас, участников III Международной научно-практической конференции «Основные проблемы лингвистики и лингводидактики» в преддверии Нового 2009 Года! От лица всех сотрудников ЦНТИМД «Вавилон» Астраханского Государственного Университета и от себя лично, выражаю искренние пожелания крепкого здоровья, счастья, радости, творческих успехов.

Очень хочется надеяться, что Новый год принесет только процветание и успех!

Пользуясь случаем, приглашаем Вас принять участие в наших конференциях.

Директор ЦНТИМД «Вавилон»

Г.В. Рыбичкина

СЕКЦИЯ 1. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И РЕЧЕВОГО ДИСКУРСА

МИМИЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Власова Т.М.

Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток

Основной формой коммуникации является устное общение, в котором происходит обмен не только вербально выраженной информацией, но и массой невербальных сообщений. М.М.Ананьска пишет: «Американский профессор Бердсвилл утверждает, что словесное общение в беседе занимает менее 35%, а более 65 % передается с помощью невербальных средств общения» [3: 19]. В книге А.Пиза находим: исследования показали, что невербальные сигналы несут в 5 раз больше информации, чем вербальные. Поэтому люди больше полагаются на невербальную информацию, предпочитают ее словесной [6: 17]. Действительно, описывая ситуацию общения, автор уделяет порой гораздо большее внимание невербальным реакциям, чем вербально выраженным, например:

- "All Teresa has to do is call."
Elena shook her head. "She can't." Her face was tensed; her eyes were shut. The tears began to run down one side of her face. [RP, 451]

Вербально выраженная реакция описывается автором в одном предложении, а невербальные – в четырех, т.к. именно они помогают передать эмоциональное состояние ребенка – отчаяние и страх.

Дискурс всегда предполагает наличие двух сторон: источника информации и ее получателя. В диалогическом дискурсе, который и является материалом данного исследования, всегда есть обратная связь, под которой понимается реакция получателя на сообщение источника. При обратной связи коммуникация становится двусторонним процессом, позволяя обеим сторонам корректировать свои цели и свое поведение по отношению друг к другу. Именно благодаря обратной связи источник информации узнает, достигнут ли желаемый результат коммуникации (тогда можно говорить о положительной обратной связи); если же он не достигнут, или сообщение вызвало не ту реакцию, на которую рассчитывал источник, можно говорить об отрицательной обратной связи. Для повышения эффективности коммуникации отрицательная обратная связь имеет даже большее значение, чем положительная [5: 149].

Для адекватного общения чрезвычайно важны жесты и мимика [4: 323]. Мимика – это движение мышц лица, отражающее состояние человека и его эмоции. Лицо человека – самый мощный передатчик информации, поскольку мышцы быстро сокращаются и расслабляются в соответствии с состоянием человека, создавая различные выражения [5: 315]. Некоторые лингвисты считают, что «выражения лица, которые служат для передачи различных

эмоций, едны для всех человеческих существ вне зависимости от культуры, расы и вероисповедания. [7: 29]

Нередко участники дискурса внимательно следят за реакцией партнеров, пытаются прочитать по лицам их действительные эмоции и отношение к обсуждаемому предмету или говорящему, например:

• The old woman looked at Miriam with a *strange expression*. Miriam stared back, trying to read the face. She looked as if she were pitying Miriam. This was a sensation so strange that Miriam felt almost offended. [PG, 77]

Для Мириам важно понять мысли старой женщины, она пытается по выражению лица прочитать, что та о ней думает. Ей это удается.

В художественном тексте реакции, связанные с выражением лица и мимикой, описываются следующим образом:

1) словом *face* с прилагательным (например, *radiant, alight*) или глаголом (например, *to brighten, to darken, to go cold*), характеризующими выражение лица в целом, например:

- "Then if we like it, we can get married."
- "That's a novel idea," she said, *her face radiant*. [ES, 35]
- "Don't ever hit her," she tells her father... Ramon's *face darkens*. [RP, 371]

• "I believe you work at home."

"I do." Richie's *face became alight with pleasure*. [RP, 320]

2) глаголами или существительными типа *frown, grimace* (to make an ugly expression), *scowl* (to twist your face into an expression that shows that you are angry), *pout* (push out lips to show that a person is angry or annoyed), и т.п., например:

- "You can't tell me anything?" The doctor *frowned*. [RP, 338]
- "Toñi, I haven't got time to explain." She *scowled*. [ES, 73]
- "I'm afraid I live a very dull life compared to you."

"I wouldn't say that," her father said, *pouting*. [ES, 65]

Слово *grimace*, хотя и содержит уже в дефиниции указание на то, что это некрасивое, искаженное выражение лица, может использоваться с уточняющими эту мимическую реакцию словами, например:

- "She's his one excuse for not working."
- Chris gave a *grimace of disgust*. [RP, 318]

Слово *disgust* прямо указывает на эмоцию, вызвавшую реакцию-гримасу.

3) словами *look, air, expression, to seem* в сочетании с определителями, показывающими эмоциональное состояние говорящего или его отношение к обсуждаемому объекту или собеседнику, например, *puzzled, stung, apprehensive, curious, indignant, shocked, impressed, etc.*, например:

- "Are your noticeboards offensive?"
- The professor *looked amazed*. "How can they be?" he asked. [PG, 161]
- "...Ms Velez, do you like red wine?"

For a moment Velez *looked bemused*. "Sometimes," she said. [RP, 467]

Интересен пример описания общего вида человека со сравнительным оборотом:

• "I gave it to him when I got a new one."

Salinas, Terri *saw with satisfaction, looked as if he had been shot*. [RP, 445]

Использованное автором сравнение показывает, что потрясение Салинаса было настолько сильным, что изменилось не только его выражение лица, но и взгляд, положение тела, т.е. весь его облик.

4) словосочетаниями, отражающими мимическое поведение отдельных частей лица, такими как *to furrow one's brow(s)*, *one's jaw dropped, to raise one's eyebrows, to purse one's lips, etc.*, например:

• "How long were you gone?"

Carlo's *brow furrowed*. "Forty-five minutes, maybe." [RP, 365]

Нахмуренные брови выдают недоумение, слабочелюсть, неуверенность.

• "Our patient is Thomas Deely Hartnell." Adam's *jaw dropped*. [ES, 19]

Мимика Адама выражает крайнюю степень изумления.

• Finally Adam managed. "Well, the crisis is over."

She *looked at him with eyebrows raised*. "Is it?" [ES, 81]

Поднятые брови отражают реакцию недоверия.

• "And where is your department...relative to Mr. Arias?"

Keller *pursed her lips*. "I'm at the end of the hall." [RP, 457]

Считается, что губы человека особенно экспрессивны. Плотно сжатые, они выражают решимость, упорство, сдержанность. Изогнутые – сарказм.

Отвисшая челюсть – удивление, расслабление, неспособность принять решение [5: 312].

Самой популярной мимической реакцией (также связанной с губами) является улыбка, передаваемая в английском тексте словами *smile, to beam* (to smile widely because you are very happy), *grin* (a big smile, showing one's teeth).

Герои книг англоязычных авторов постоянно улыбаются; слово *smile* может использоваться автором несколько раз на одной странице. Остановимся на этом виде реакции подробнее. В книге «Язык жестов» говорится, что «в Америке давно поняли, что всегда улыбаться – выгодно». Автор, однако, считает, что это искусственная улыбка, фуляр, в котором может быть все, что угодно» [7: 232].

Обычно улыбка – реакция на комплименты, хорошие новости, приятный сюрприз, например:

• "A young thing like you!" she exclaimed.

Miriam *smiled*. "I'm not so very young. I'm thirty." [PG, 77]

• "That's absolutely brilliant." Isabel *beamed*. [ES, 124]

Когда человек доволен собой, когда у него хорошее настроение, он может улыбаться самому себе; и эта улыбка является реакцией не на внешний стимул, а на внутренний – радостные мысли, счастливое расположение духа:

• Watching, Paget saw Victor Salinas *smile to himself*. [RP, 404]

Чаще всего улыбка выражает позитивную реакцию на речевое поведение собеседника. Однако, она бывает и ехидной, неприязненной, недружелюбной, саркастической, "кривой", например:

- "Chris would never lie to me."

Salinas' smile became *cynical*. "Of course. He's far too honest." [RP, 443]

Улыбка может описываться такими словами как *apologetic, grim, small, tiny, hostile, edgy, delayed, skeptical, ironic, superior, mischievous(ly), slight(ly), broad(ly), coldly, etc.*, например:

- "Fine," the elder Pracht agreed, and Terry *smiled broadly*. [ES, 123]
- Softly Terri asked, "How did you do it, Mom?"
- Rosa *smiled coldly*. [RP, 481]

Говорящий порой рассчитывает, что собеседник улыбнется в ответ на его шутку, но тому представленная ситуация не кажется забавной, и автор особо это отмечает:

- "...I was representing a murderer I liked rather more than I should."
Paget didn't smile. [RP, 491]

Паджету не кажется смешным, что его адвокат, при всем хорошем к нему отношении, считала его убийцей.

Л. Броснахан считает, что мимика может использоваться, чтобы обмануть собеседника: "the face is generally considered the most effective liar among the NVC modes, and, therefore, on the scale of credibility, the least trustworthy of nonverbal signals" [1: 76]. Действительно, мимические возможности коммуникации при желании можно использовать осознанно, намеренно придавая лицу то или иное выражение, не всегда отражающее внутреннее состояние, например:

- "I'm not well," Rose said.
Toby *composed his face into an expression of sincere concern*. [PG, 100]
- "You bring neither of them any good at all."
Toby *gritted his teeth and kept the smile on his face*. [PG, 132]

Отмеченная вначале реакция (сжатые до скрежета зубы) выдают неинтенциональную, неконтролируемую отрицательную реакцию героя на слова собеседницы; однако, внешняя, интенциональная реакция в виде улыбки демонстрирует положительное отношение к партнеру.

Иногда имитация улыбки, как выражения положительных эмоций, удается лишь частично, например:

- "And did you spend yours crying?"
Richie looked startled and then *tried a puzzled half smile*. [RP, 307]

Ричи напуган и сбит с толку неожиданным вопросом жены, поэтому он не в состоянии полностью контролировать свои невербальные реакции.

- "It's not very long, my dear, before you're dead and buried and all you'll have done is worry about other people's troubles."
Miriam shook her head *trying to keep the smile on her face*. [PG, 77]

Мириам неприятно слышать слова старой женщины, но она не подает вида и по профессиональной привычке «держит удар», сохраняя улыбку на лице, хотя это дается ей с трудом.

Говорящий может считать, что ему лучше не проявлять испытываемых эмоций; в этом случае он сохраняет беспристрастное, «каменное» выражение лица, например:

- "Can you tell me who's head of production as of this morning?" "Oh," said Mitch *with a poker face*. "Mr. Raven. Mr. Sidney Raven." [ES, 150]

Часто, однако, мимические реакции произвольны и не поддаются контролю, например:

- "Besides, he deserves it."
Her father *could not suppress a grin*. [ES, 155]

В ходе дискурса выражение лиц партнеров постоянно меняется, и автор может специально указывать на это с помощью глагола *to turn* в сочетании со словом *face* и прилагательным, обозначающим выражение лица:

- "I asked where Monk was." The cop's youthful *face turned cold*. [RP, 374]

Человек устроен так, что его сознание и тело постоянно реагируют на любую воспринимаемую им информацию: "...the body and mind respond immediately and directly to every iota of info or energy that comes its way, through sound, smell, sight, or touch..." [2: 187]. Поэтому авторы, в произведениях которых находит свое отражение дискурс, не могут не описывать этих реакций. Достаточно большое внимание уделяется мимическим реакциям, лексические средства выражения которых отличаются разнообразием.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Brosnahan L. (1998) Russian and English Nonverbal Communication. – Moscow: Bilingua, 120 p.
2. De Mente, B.L. NTC's Dictionary of China's Cultural Code Words. – Lincolnwood: NTC Publishing Group, 1996, 506 p.
3. Аланьева М.М. Использование невербальных средств общения на уроках английского языка. – ИЯШ, 1999, № 5, с.19-25.
4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003, 374 с.
5. Основы теории коммуникации. Под ред. М.В.Василека. – М.: Гардарики, 2003, 616 с.
6. Пиз А. Язык телодвижений. – Санкт-Петербург: Изд. дом Гутенберг, 2000, 182 с.
7. Язык жестов. Сост. А. Мельник. – М.: Терра – Книжный клуб, 2003, 448 с.

Цитируемые источники

ES – E.Segal. Prizes. // Reader's Digest Condensed Books. Vol. 3. – New York: the Reader's Digest Association, Inc., 1995, p. 7-160.

PG - Ph. Gregory. Perfectly Correct. - London: HarperCollinsPublishers, 1997, 294 p.

RP - R.N.Patterson. Eyes of a Child. // Reader's Digest Condensed Books. Vol. 3. - New York: the Reader's Digest Association, Inc., 1995, p. 299-496.

К ВОПРОСУ О ПОПОЛНЕНИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА (НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНСКОЙ ЛАНДШАФТНОЙ ЛЕКСИКИ)

О.В. Гавриленко

Дальневосточный государственный университет г. Владивосток

Территория США велика и разнообразна, ее природные богатства неисчерпаемы (geographic bounty; America's geographic good fortune [8; 44]). П.Льюис отмечает, что в отличие от Европы, где приспособление и освоение окружающей среды шло постепенно и практически незаметно, «столкновение» американцев с природой (землей) требовало огромных усилий, захвативших все воображение будущей нации [8; 43].

В самом начале освоения «природа несла в себе опасность для пуританина, препятствие честному труду во спасение души, пугала непредсказуемостью, раздражала бессмысленной расточительностью» [3]. По большому числу людей стремилось в Новый Свет в поисках лучшей жизни, поэтому ожидания переселенцев были довольно оптимистичны [8; 43].

Старый Свет обрел другую жизнь на новой территории. Как отмечает Ф.Дж. Тернер, «мало-помалу он (колонист) преобразует окружающую дикость, но на выходе получается не старая Европа ... перед нами новое явление - американец» [4]. И, если в начале дикая местность (wilderness) была отличительной чертой нового, зарождающегося народа, то в дальнейшем она становится предметом национальной гордости, характеристикой «родной земли» [6].

Богатство и разнообразие территории объективировано в языке. Объект нашего исследования - американский вариант английского языка, в словах которого «нашли свое отражение новые условия жизни первых английских колонистов в Америке» [5; 20-21].

В данной статье мы рассмотрим источники пополнения лексико-семантической группы слов, номинирующих ландшафт американской территории. Материал для исследования отбирался методом сплошной выборки из ряда словарей [11], [13], [10]. Корпус материала для анализа составили единицы, имеющие помету «Americanism», «Originally US», «Local US», а также слова, обозначающие ландшафт, свойственный США и отсутствующий в Британии (например, прерии, пустыни и т.д.).

Нами было отобрано 103 слова, обозначающих элементы сухопутного ландшафта (горы и холмы, ущелья и долины, открытые ровные пространства,

береговые зоны, лес), водные объекты (море, реки, озера) и болота (занимают промежуточное положение). Это далеко не все номинации ландшафтного разнообразия США - остальные единицы входят в общий для британского и американского вариантов слой лексики (исследование такого рода слов лежит за рамками данной статьи).

Как отмечает А.Д. Швейцер, пополнение словарного состава английского языка в Америке шло двумя путями: а) за счет образования новых слов и устойчивых словосочетаний и переосмысления старых и б) методом заимствований из других языков [5; 21]. Данный процесс происходил с XVII в. вплоть до конца XIX в. за исключением слова *beachfront*, дата первого употребления которого, по данным Оксфордского словаря приходится на 1925 г. [11].

а) Образование новых слов и устойчивых словосочетаний и переосмысление старых.

В исследуемом материале 25 сложных слов, возникших на базе лексики раннеанглийского языка путем субстантивации словосочетаний типа:

- «существительное + существительное» (backwoods, beachfront, brushland, creek-bottom, foothill, grassland, kiss tank, lakefront, oxbow, oxbow lake, swampland, tide-water, timberland, waterfront, water gap, wind-gap);

- «прилагательное + существительное» (badlands, coastal plain, cut-off, downcountry, everglade, flatland, underbrush);

- «причастие + существительное» (walled lake, cutbank).

В ходе анализа мы выявили несколько случаев образования существительного от глагола (т.е. конверсии): divide (a ridge or line of high ground forming the division between two river valleys or systems [11] < to divide), gulch (a narrow and deep ravine, with steep sides, marking the course of a torrent [11] < to gulp, to gush), run (a small stream, rivulet [13] < to run), sink (a flat, low-lying area, basin, etc. where waters collect and form a bog, marsh, or pool, or disappear by sinking or evaporation [11]) и т.д., а также субстантивации прилагательных (bald, barren, dismal, narrow и т.д.).

В американском варианте некоторые слова обретают новое значение. Так, например, в самом начале освоения Нового Света единцей *creek* обозначались небольшие речные притоки и бухточки (a recess or inlet in the shore of the sea [13]). При дальнейшем исследовании территории оказалось, что притоки могут быть значительной величины, но слово уже вошло в употребление, и данный факт закрепился в его значении отличным от британского варианта (a branch of a main river, a tributary river [11]).

Значение слова может сужаться: plat в британском варианте обозначается любой участок земли (a plot of ground - BrE), в американском - только относительно плоский (a flat country, a plateau or table-land - AmE [11]).

В ходе анализа нами были обнаружены единицы, которые вышли из употребления на территории Британии и считаются архаичными (reach - a headland or promontory [11]), а также обиходные американизмы, которые становятся терминами в британском варианте (cuesta - a hill or ridge with one

face steep and the opposite side gently sloping. Originally local US; adopted as a term in Physical Geography [11].

В исследуемой нами группе ландшафтной лексики нередким является появление нового значения на основе метафорического употребления какого-либо слова. В качестве примера А.Д. Швейцер приводит слова *fork* (the point at which a river divides into two, or the point of junction of two rivers; a branch or tributary [COED]) и *branch* (a small stream or brook [COED]) [5; 26]. К единицам такого рода можно добавить следующие: *bay* (an arm of a prairie extending into, and partly surrounded by woods [11]), *bald* (a mountain summit or region naturally bare of forest [11]), *ballena* (remnant conglomerate humps, which resemble the backs of immense whales breaching in unison [9]), *cutbank* (a nearly vertical cliff produced by erosion of the banks of a stream [13]), *drink* (a river or body of water [11]), *island* (a piece of woodland surrounded by prairie or flat open country [11]), *sink* (a flat, low-lying area, basin, etc, where waters collect and form a bog, marsh, or pool, or disappear by sinking or evaporation [11]) и т.д.

б) Заимствования из других языков

Американская нация с самого начала складывалась из различных этнических компонентов и столетиями находилась под влиянием значительного притока новых элементов [1].

С этимологической точки зрения группа ландшафтной лексики представлена довольно разнообразно. Примерно одна треть анализируемых слов является исконно английской: индоевропейского (6 слов: *bald*, *bottom*, *foothill*, *oasis*, *reach*, *waterfront*) и общегерманского происхождения (28 слов: *badland*, *creek*, *grassland*, *hummock*, *knob*, *prong*, *sink* и т.д.). Помимо этого, нами было выявлено несколько сложных слов, одна основа которых является индоевропейской, другая – общегерманской (*flatland*, *backwoods*, *timberland*, *creek-bottom*, *tide-waters*, *cut-off*).

В некоторых сложных словах одна основа может быть исконной, а другая – заимствованной, в нашем случае, из языков романской группы: *downcountry*, *oxbow lake*, *underbrush*, *wind-gap* (country, lake, brush, wind являются заимствованными).

Из общего количества материала происхождение следующих слов неизвестно: *bluff*, *everglade*, *slash*, *swale*. Также в этой группе обнаруживается единица *beachfront* (the sea front beside a beach [11]), первая основа которого неизвестного происхождения, вторая – индоевропейского.

В XVII веке английские поселенцы прибыли на новый континент, имея за плечами довольно богатый языковой опыт, в котором ландшафт Британии был уже давно освоен. Все разнообразие новой земли, раскинувшейся на большой территории, при имеющейся коммуникативной необходимости не могло быть полностью актуализировано имеющимися словами. Возникшие языковые лакуны при имеющихся релевантных понятиях не могли остаться незаполненными, так как, по замечанию Л.П. Крысина, «одним из факторов заимствования и активного вхождения иноязычного слова в речевой оборот является коммуникативная актуальность обозначаемого им понятия» [2].

Из 103 исследуемых единиц 48 слов являются заимствованными из французского (26 слов, включая 12 единиц латинского происхождения), испанского (13 слов), индейских диалектов (3 слова), голландского языка (3 слова), латинского (через английский язык – 2 слова) и русского (1 слово). Рассмотрим некоторые примеры заимствований подробнее.

Самой многочисленной является группа заимствований из французского языка. Так, поселенцы из французской части Канады называли словом *butte* (an isolated hill or peak rising abruptly; из фр. *but* – “steep hill”) отдельно стоящие холмы Великих Равнин, которые помогали ориентироваться на местности [7; 20].

Интересна история слова *prairie* (a tract of level or undulating grass-land, without trees, and usually of great extent; applied chiefly to the grassy plains of Northern America [11]). Данное слово попало в старофранцузский из латинского языка и обнаруживается в среднеанглийском языке, где было утеряно в дальнейшем и заимствовано повторно для обозначения своеобразных американских равнин [12].

Французские работники Hudson's Bay Company обозначали стремнины, где реки переходили в узкий длинный поток, словом *dalles* (the rapids of a river running between the walls of a canyon or gorge [13]). Такие потоки обычно протекают по дну каньонов, отвесных ущелий и узких долин.

Французские охотники, ставшие капканы (трапперы) в Орегоне, использовали слово *coulee* (a deep ravine or gulch scooped out by heavy rain or melting snow, but dry in summer [11]) для обозначения глубоких оврагов и высохших русел эфемерных рек. Эфемерные реки, своеобразная реалья США, представляют собой реки, которые временно наполнены водой (например, после дождя).

Испанские поселенцы называли одну из своеобразных природных достопримечательностей словом «каньон», заимствованным из испанского языка: *canyon* (a deep gorge or ravine at the bottom of which a river or stream flows between high and often vertical sides [11]).

Данный природный феномен представлен в языке рядом синонимов: *gorge*, *gully*, *pass*, *ravine* (относятся к общему слою лексики британского и американского вариантов), *arroyo*, *coulee*, *gap* (американизмы). Долина, подвергаясь воздействию речного потока, протекающего по ее дну, постепенно превращается в глубокое ущелье с отвесными стенами – такое ущелье находится в горной местности (номинаруется словами *gorge*, *gully*, *ravine*, *gap*), отличается особой сложностью преодоления (*pass*), по дну протекает временный, эфемерный, поток (арройо, *coulee*). Если, в дополнение к вышеперечисленным условиям, стены ландшафтного объекта вертикальные, то такая долина является каньоном.

Из испанского языка было заимствовано слово *mesa* для номинации столовой горы, плоского холма останца (a land formation having a flat top and steep rock walls; common in arid and semiarid parts of the USA and Mexico [13]). Столовые горы обнаруживаются на равнинах (подобно круглым холмам - *buttes*),

в безводных пустынях, в долинах среди гор, на различных плато и действительно напоминают стол [7; 22].

Голландский язык был источником трех заимствований - *gap*, *beim*, *kill*. Так, слово *gap* обозначает провалы в длинной горной цепи (a low place between two higher parts of a mountain [13]) и закрепилось в различных топонимах. Словом *beim* (the bank of a canal [11]) носители американского варианта называют откосы на берегу реки в штатах Индиана, Огайо, Пенсильвания и Западная Виргиния. Единица *kill* (a stream, "creek", or tributary river [11]) использовалась голландскими поселенцами для обозначения реки или ее притока (особенно в штате Нью-Йорк). В наши дни это слово чаще употребляется в топонимике.

Ряд словарей фиксирует тот факт, что два слова *canal* и *fork* восходят к латинскому языку как источнику заимствования. В американский вариант данное слово проникло через английский язык: слово *fork* было заимствовано в древнеанглийский период, слово *canal* - в самом конце среднеанглийского периода. На американской территории данные слова приобрели отличные от британских значения: *fork* - the point or part at which a river divides into branches [13]; *canal* - a large narrow arm of the sea penetrating far inland [11].

В группе ландшафтной лексики мы выявили три слова, заимствованные из языков индейских племен, населявших Северную Америку. Так, слово *muskeg* (a bog of northern North America, commonly having sphagnum mosses, sedge, and sometimes stunted black spruce and tamarack trees [13]) было заимствовано из языка кри для номинации болот, лежащих в непосредственной близости с прериями. Источник единицы *pocosen* (a tract of low swampy ground, usually wooded [11]) - восточно-алгонкинский язык. Данным словом первые поселенцы Виргинии, Мэриленда, Делавэра, Северной и Южной Каролины обозначали заболоченные низкие местности, на которых произрастают деревья [10]. Наконец, слово *bayou* (the marshy off-shoots and overflowings of lakes and rivers [11]) было заимствовано из языка чокто через луизианский французский и употребляется только на территории штатов Миссисипи и Луизиана.

Для обозначения особого рода местности из русского языка было заимствовано слово *tundra* (one of the vast, nearly level, treeless plains of the arctic regions of Europe, Asia and North America [13]). В русский язык, в свою очередь, данное слово попало из саамского, лопарского, языков.

Таким образом, несмотря на свое доминирующее положение на новой территории, английский язык вобрал в себя необходимые слова различных этнических общностей, а также сам претерпел некоторые изменения. Единицы, пополнившие словарный состав, явились следствием коммуникативной необходимости объективировать посредством языка окружающую их действительность (своеобразный ландшафт). Исследованные нами слова являются одной из тех особенностей, которые позволяют говорить об американской лингвокультурной специфике.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Казак Е.А. Заимствования как отражение культурных контактов: на материале иноязычных заимствований в американском варианте английского языка // Язык и культура / под ред. Е.О. Опариной. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/140.Original>
2. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.nspu.net/fileadmin/library/books/>
3. Печерский М. Цивилизация и природа: Красота. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://if.russ/issue/12/20030320_pch.html
4. Тернер Ф.Дж. Роль границы в американской истории. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://amstd.spb.ru/Library.htm#6>
5. Швейцер А.Д. Очерк современного английского языка в США. - М., 1963. - 216 с.
6. Johns J. A Brief History of Nature and the American Consciousness. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://xroads.virginia.edu/~CAP/NATURE/cap2.html>
7. Fenton. The Land We Live On. - 89 p.
8. Lewis P. America's Natural Landscapes // Making America. The Society and Culture of the United States. - Washington, D.C.: US Information Agency. - pp. 43 - 80.
9. Nielsen J. Writers Preserve American Landscape Words. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=6497654>
10. The American Heritage Dictionary. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://dictionary.reference.com>
11. The Compact Oxford English Dictionary - 2nd ed. - Oxford: Clarendon Press, 1996.
12. The Online Etymological Dictionary. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.etymonline.com>
13. The Random House Unabridged Dictionary. 2nd edition, 1993.

ЯЗЫК КАК ЗЕРКАЛО МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ: ПАНК, ХЭВИ-МЕТАЛЛ, ЭЛЕКТРОНИКА, РЭП

М.Б. Дожева

Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток

На данный момент названия популярных музыкальных групп являются недостаточно изученными в качестве языковых единиц, хотя процесс номинации играет ключевую роль в мировой популярной культуре [14; 203]. Этот лингвистический материал позволяет исследовать определенную взаимосвязь между современной культурой (молодежной музыкальной культурой) и языком (названия популярных музыкальных групп США и

Великобритании). Наше исследование показало, что названия музыкальных групп (НМГ) часто выступают в качестве рекламы определенного музыкального направления и, шире, культуры в целом. Таким образом, НМГ обычно отражает музыкальный стиль, исполняемый группой или, по крайней мере, намекает на него. Более того, хорошо подобранное имя может указывать на образ жизни музыкантов, их взгляды, мировоззрение и философию.

В этом смысле НМГ функционируют в качестве торговых марок, сообщающих информацию о продукте, предлагающих покупателям приобрести новый продукт и стимулирующих продажи [10; 26]. Наше исследование показало, что большинство НМГ обладают типичными чертами торговой марки: они эмоционально привлекательны, запоминающиеся, чрезвычайно оригинальные, создают яркие образы и нередко используют графические выразительные средства [13, 5, 6, 7]. Но также они несут наиболее важный компонент рекламы – информацию о продукте, а именно – информацию о музыке, которую группа исполняет и хочет продать. Наличие вышеперечисленных характеристик НМГ объясняется тем, что современная музыка стала частью прибыльного многомиллионного бизнеса, где необходимо продать ... группу. Таким образом, НМГ можно рассматривать как минимальный рекламный текст.

Анализ некоторых музыкальных стилей, популярных с 1950х до сегодняшнего дня, показывает, что между НМГ и характером исполняемой музыки существует определенная связь. Корпус исследования составил 717 однословных названий музыкальных групп США и Великобритании, созданных с 1950 г. по настоящий момент и полученных методом сплошной выборки из «Рок энциклопедии Ровесник» [3], подшивки журнала The Rolling Stone за 2004-2008гг, а также Интернет ресурса.

Рассмотрим основные направления современной музыки и то, какое отражение они находят в названиях соответствующих групп.

Punk rock – изначально это была музыка, которую играли любители, во многом «сырая» и хаотичная, возникшая в ответ на прилаженную, искусственно синтезируемую музыку диско с одной стороны, и коммерциализированный прогрессивный рок, с другой [15; 319]. В целом для панков была характерна «оттупивающая внешность: причудливые тени вокруг глаз, звериное выражение лица, всякого рода цепи, острые стальные кройки, украшения в виде колокольчиков и режущих предметов» [8; 189], «кресла на цепочках, бритвы вместо украшений, разорванные майки и причёски месяцами не мытых беспризорников» [4; 7], а также «лорекс, старая школьная форма, пластиковые мусорные мешки, булавки, туалетные щепочки» и т.д. [2; 26].

Музыка данного направления отличалась особой политизированностью и была далека от профессиональной: «три аккорда, три минуты» [17; 452]. Многим группам, игравшим в этом стиле, был свойственен минимализм и некоторый примитивизм исполнения [11; 603].

На настоящий момент понятие панк-музыки включает в себя целую группу стилей, границы между которыми отличаются крайней неопределенностью. Мы не считаем целесообразным отдельно рассматривать

эти подстили и будем изучать их в рамках общего широко понимаемого нами направления панк, новинированного 82 НМГ.

Ни одно другое направление рок-музыки не дает нам такое количество имен с политическим и социальным подтекстом, что является прямым отражением задач этого стиля: *Guttermouth, Pauper, Exploited, Levellers, The Police, Interpol, 999* (номер МЧС в Великобритании). Количество подобных названий составляет 10,4% и достаточно точно передает политическую позицию музыкантов и их положение в обществе: выходцы из городских трущоб, бедняки, пытающиеся бороться с социальным неравенством, безработицей, новые Робин Гуды, презирующие государственные институты, а особенно полицию, в которой они видят лишь инструмент угнетения самых незащищенных слоев. К этой группе имен близко примыкают названия, отражающие различные социальные девиации: *Suicide, Stranglers, Squeeze, Sponge, Underworld, Vandals, Heartbreakers, Discharge, The Explosion, Cross, The Damned, Rancid, Pennywise, The Alarm, The Avengers* и др. В этих названиях ясно прочитывается значение насилия, но это не слепая разрушающая сила, а ненависть, направленная на расшатывание устоев общества, на уничтожение основных его устоев: культуры, религии, морали, семьи, образования и т.д. Тенденция к подобной номинации проявляется в одинаковой степени как в США, так и в Англии (25,4% НМГ).

Протест против «прилаженной», коммерчески успешной музыки также отразился в названиях. Эпатаж панк-культуры начинается с имен групп, в основе которых зачастую сленг, разговорная или сниженная лексика, а также табуированные выражения: *Adverts, Cramps* (Am. sl. for period pains), *The Vibrators, Slits, Seeds, NOFX* (no f**ks), *Fugazi* (Vietnam war slang), *Pogues* (от галл. *pogue mahony* = kiss my ass). Нужно отметить, что «у панков не было недостатка в грубых вульгарных выражениях, а порой и просто площадной бранью» [8; 191]: они обязательно присутствуют в афишах, интервью, песнях и названиях альбомов [2; 26]. Подобные имена составляют 11,9%, что значительно превышает аналогичные показатели других направлений. Не случайно, именно панки стали мастерами эпатажа, в том числе и лингвистического. Также нужно обратить внимание, что политизированность проникает и сюда, отметим, что в качестве основы номинации выбирается именно сленг времен войны во Вьетнаме.

Что касается имен, непосредственно связанных с музыкой и творчеством, то они вполне в духе панка: *Professionals* – яркий пример самоиронии, учитывая общий чрезвычайно низкий исполнительский уровень панков. В названиях групп *Ultravox* (“the greatest amount of voice”) и *Shriekback* подчеркивается громкость исполнения, причем именно вокала. Характерную для панка резкость передает имя *The Knack* (щелчок, треск). Околонузыкальные названия групп составляют 7,5%, что значительно меньше названий с политическими или социальными коннотациями. Это достаточно показательно, так как музыка для панков была лишь средством громко (как правило, в прямом смысле этого слова) заявить о себе, о своей политической позиции.

Большое внимание панки уделяют телевидению, выбирая в качестве названий своих групп как сам телевизор, так и различные телевизионные продукты: *Jawbox* (from a derisive term for TV) [9], *Television*, *Mudhoney*, *Misfits*, *Offspring*. Помимо кино и телевидения панки интересуются газетами: так, группы *The Cult* и *Clash* взяли свои имена из газетных заголовков. Помимо общих источников, большинство вышеуказанных имен характеризуется и общностью тематики, типичной для панка в целом, – политика, социальная дискриминация, эпатаж.

Отличительной чертой панк-музыкантов является стремление дать своим группам «говорящие» имена. Даже если это название преседентно, его преседентность уходит на второй план, так как для панков чрезвычайно важен смысл имени, через него они пытаются донести свое послание обществу. Не случайно среди панк-коллективов чрезвычайно низок процент заимствованных имен и имен с неясной семантикой – всего 3,5% от общего числа. Панки умеют сочетать в названиях своих групп несочетаемое (*Mudhoney*), обыгрывать многозначность исходных слов (*Fluffy* – 1. пушистый 2. сл. забавчивый, пьяный), использовать в своих целях наследие культуры, пусть и популярной, при этом оставаясь неизменно агрессивными и самороничными.

Основная ценность панка – протест – выражена достаточно ярко независимо от даты и страны создания группы. 61% всех панк-групп характеризуются в большей или меньшей степени выраженными отрицательными коннотациями, нейтральные имена составляют 30%, а положительные – лишь 9%. Здесь следует еще раз подчеркнуть, что негативность этих имен носит повседневный, политический, социальный характер, а не мистический, как, например, в хэви-металл роке.

Heavy metal – это музыкальный стиль, который характеризуется мощными гитарными рифмами, виртуозными соло, тяжелыми ударными, отсутствием импровизации. Для текстов хэви-металл типична проблематика секса, наркотиков, насилия, оккультизма. За последние тридцать лет в рамках этого стиля возникло множество более узких направлений, но в данной работе все группы, относящиеся к вышеперечисленным направлениям – 93 НМГ, будут рассмотрены вместе, в рамках стиля хэви-металл.

Для стиля хэви-металл характерно нарастание «тяжести», нагнетание мрачной атмосферы. Этот факт находит отражение в огромном количестве групп с негативными названиями. Условно среди них можно выделить имена, актуализирующие следующие семантические области: смерть – *Killers*, *Mortician*, *Megadeth*, *Massacre*, *Death*, *Slaughter*, *Slayer*, *Obituary* и т.д.; война – *Manowar*, *M.O.D.* (*Method of Destruction*), *Helmet*, *Warrior*, *Onslaught*; страдания – *G.B.H.* (*grievous bodily harm*), *Suffocation*, *Impaler*; ненависть – *Malice*, *Violence*, *Repulsion*, *Monstrosity*, *Terrorizer*; оккультизм – *Immolation* (жертвоприношение), *Hexx* (ам. разг. hex – ведьма, колдунья, злые чары), *Omen*, *Phantasm*, *Pentagram*; аморальное поведение – *Orgy*, *S.O.D.* (*sod = sodomite*), *Dope*, *P.O.D.* (*pod – сл. марихуана*) и многие другие. Имена подобного плана составляют 42,2%, что является существенным количественным показателем. Действительно, независимо от источника номинации (фамилия лидера,

музыкальное произведение, неологизм, заимствование и т.д.), большинство имен хэви-металлических коллективов отличается крайне агрессивными негативными значениями. Так, имя *Slaughter* на деле оказывается фамилией вокалиста группы, *Dope* – фамилией братьев, организовавших группу, *Killers* – названием альбома предыдущей группы одного из участников, а *Terrorvision* – популярным в 1960-е гг. фильмом ужасов. Другая характерная черта вышеперечисленных названий – многозначность и возможность двоякой (тройной) трактовки: *P.O.D.* – 1. payable on death 2. payable on delivery 3. пагуба; *S.O.D.* – 1. stormtroopers of death 2. sodomite, *Juggernaut* – 1. статуя Кристины 2. безжалостная разрушительная сила 3. военный корабль 4. очень сильная команда 5. оружие большой мощности, *Hatebreed* – hatred + breed 1. поколение ненависти 2. потомство ненависти 3. культивирование ненависти.

Любопытен тот факт, что подобные названия групп противоречат одному из нерушимых правил рекламного дела – запрету на негативные ассоциации. То есть в данном случае для музыкантов желание указать на стиль группы становится основополагающим фактором выбора названия. И нужно отметить, что подобный прием работает практически бесотказно: названия групп хэви-металл легко узнают среди других названий, что помогает ориентироваться их поклонникам.

Паряду с целым рядом имен, связанных с оккультизмом и различными потусторонними силами, существуют названия групп, в основе которых – христианские и прочие религиозные термины: *Nazareth*, *Exodus*, *Hades*, *Godhead*, *Anathema*, *Benediction*, *Cathedral*, *Testament*, *Satan*, *Sabbat* и т.д. Среди этих названий отчетливо проявляются имена с отрицательным, с точки зрения христианства, значением. Кроме этого, ряд музыкантов использует религиозные термины для осмеяния и унижения верующих: *Helstar*, *Angelwitch*, *Godsmack* (*smack – вкус, поцелуй, шлепок, героин!*), *Deicide* (смерть Бога), *Ludichrist* – *ludicrous* (нелепый, смешной) + *Christ*. Имена, так или иначе отражающие тему религии, составляют 16,3%, что значительно превышает аналогичный показатель в других музыкальных стилях. Кроме того, среди хэви-металлистов использование религиозных терминов продиктовано желанием отвергнуть догматы церкви, бросить мощный вызов обществу и привлечь на себя внимание. В то же время стоит иметь в виду законы рекламы, действующие в НМГ независимо от исполняемого стиля: «использование религиозной тематики или атрибутики поднимает «товарность» образа <...>. Повышается престижность товара» [1; 54].

Аналогично некоторым другим музыкальным направлениям, хэви-металл группы используют в качестве названий имена птиц, животных и явлений природы. Однако, и здесь проявляется характерная лишь для этого направления тенденция: большинство подобных названий также обладает явными негативными коннотациями. Так, среди животных преобладают хищные, плотоядные и опасные: *Leatherwolf*, *Venom*, *Carnivore* (плотоядное животное или насекомоядное растение), *Raven*, *Rat*, *Pantera*. В качестве названий хэви-металл групп зафиксированы *Korn* (от corn) и *Mushroomhead*, причем, первое

обозначает не только зерно, кукурузу, но и кукурузную водку, пошлость, денюхата. В целом, названия групп, связанные с природой, составляют 8.1%.

Названия групп хэви-металл характеризуются в первую очередь агрессивной негативной семантикой, выраженной в большинстве случаев эксплицитно, а иногда в виде отрицательных коннотаций. Названия с абсолютно положительными значениями встречаются в единичных НМГ, не превышающих порога в несколько процентов от общего количества групп. Нейтральная лексика также представлена нешироко. Второй особенностью является тяготение к многозначной трактовке названий, что достигается за счет использования многозначных слов, неологизмов, а также сленгизмов и разговорной лексики. В качестве третьей тенденции можно выделить стремление подвергнуть осмеянию и снижению религиозные ценности, что достигается в результате использования христианских терминов для номинации. Таким образом, все вышеперечисленные тенденции способствуют рекламе исследуемого музыкального стиля и служат для идентификации групп, его придерживающихся.

Electronica – музыкальное направление, под которым понимают танцевальную по структуре и гармонии музыку, предназначенную не только для танца, но в первую очередь именно для этого. В электронном роке велико значение эксперимента и импровизации, а также заимствование приемов из самых различных направлений современной музыки.

66.7% названий групп – из общего количества 34 НМГ – являются техническими терминами, причем 14.8% из них имеют непосредственное отношение к электронике как разделу науки и техники. Сюда относятся такие имена как *Ladytron*, *Cybotron*, *Electroids*, *Electronic*. Остальные названия относятся к различным областям человеческой деятельности, но являются уже специальными терминами: *Coldcut* – «произведенный путем растворения одного ингредиента в другом без применения тепла» [16], *Orbital*, *The Orb*, *Ectomorph* – «характеризующийся преобладанием структур, развившихся из эктодермального слоя зародыша – кожи, нервов, органов чувств и мозга» [16], *Leffield* – «часть бейсбольного внешнего поля назово от площадки; позиция игрока, защищающего левое поле» [16], *Dopplereffect* и т.д. Вышеперечисленные и подобные им названия групп подчеркивают безличностный характер музыки, ее технологичность. Некоторые имена, такие как *Orbital* и *The Orb*, содержат сему круга, кольца, что также отражает сущность электронной музыки: изначально она исполнялась диджеем на «вертушке», с использованием круглого винилового диска, а в записи часто представлена в виде закольцованных музыкальных фраз.

14.8% названий используют в качестве основы географические имена, причем делают это достаточно оригинально: *Berlin* (группа из США), *Phoenicia*, *Drexifia*, *Lycia*. Обращает на себя внимание тот факт, что три из вышеперечисленных названий имеют схожую морфологическую структуру и, если не являются заимствованными в прямом смысле этого слова, то подчеркивают иноязычность происхождения. В определенном плане это

приближает данные имена к техническим терминам, среди которых доля латинских и греческих заимствований весьма велика.

Таким образом, названия электронных групп являются ярким примером удачного воплощения концепции стиля и, как следствие, рекламных способных имен.

Рэп – это форма танцевальной музыки, для которой характерны ровный ритм, простые гармонии и короткие музыкальные фразы, «закольцованные» в непрерывный рефрен. Вокал, как таковой, отсутствует, его заменяет речитатив [3; 604]. В текстовом плане для рэпа характерно наличие неформальной и нецензурной лексики. «Рэп имеет дело с городскими темами, особенно с социальным протестом и комментарием и отражает глубокое и спорное чувство расовой злобы и разочарования» [17; 459].

Как и большинство других направлений, рэп распадается на множество под-стилей, которые будут рассмотрены нами в рамках одного движения, номинированного 22 НМГ.

Рэперских групп не так много, поскольку музыканты этого направления предпочитают работать соло. Но и те примеры, которыми мы располагаем, позволяют судить о том, как концепция рэпа отражается в языке. Заявление социального протеста и потенциальной угрозы зачастую содержится уже в названии группы: *Biohazard*. Другая группа этого направления – *Fugees*, сокращение от *refugee* – «кто-то, кого вынудили покинуть свою страну по политическим причинам или во время войны» [12]. В этом названии также есть прямое указание на социальную проблематику творчества группы в рамках заданного стиля. Своеобразной декларацией собственных прав и экзистенции являются имена групп *NWA* (*Niggaz With Attitude*) и *BWP* (*Bitches With Problems*). Причем, если в состав первого коллектива входят только американцы африканского происхождения, то во втором играют только представительницы слабого пола. Таким образом, социальные имена составляют 26.7% от общего числа.

Настоящим фирменным знаком в названии рэперских групп стало использование различного рода сокращений, аббревиатур и намеренного искажения орфографии. Подобная тенденция прослеживается для 60% имен: *Shovel* (*shovel*), *Gorillaz* (*s > z*), *Whodini* (*whodunit > who's done it – "a detective story presented as a novel, a play or a motion picture"*) [16], *EPMD* (*members: Double E + Pee MD*), *UNKLE* (*e > k*) и другие. При этом в большинстве случаев написание названий стремится к упрощению, краткости и тяготит к разговорному языку.

При словообразовательном анализе названий групп этого направления было обнаружено, что 73.3% из них не зафиксированы в современных словарях английского языка. Это явление полностью согласуется с постмодернистской природой рэпа: из уже известного музыкального (в случае названий – лингвистического) материала создается новый продукт, наполненный иным содержанием. С другой стороны, не было зафиксировано ни одного прецедентного имени, что не встречалось ни в одном другом исследуемом музыкальном стиле.

В целом, названия рэп-коллективов стремятся быть более близкими и понятными простым людям, зарабатывающим на жизнь физическим трудом и живущим в рабочих кварталах больших городов – именно это и была первоначальная аудитория рока. Рассмотренные названия как нельзя более полно отражают эту концепцию, чему способствуют сокращения, упрощение орфографии, отсутствие прецедентных имен и социальная тематика некоторых из них. Несмотря на то, что большинство исполнителей выражает в своем творчестве протест против различных общественных и политических явлений, названия групп в общей массе достаточно нейтральные: лишь 20% имен содержат негативные коннотации или обладают отрицательным значением. Также не было зафиксировано ни одного названия, в основе которого лежала бы нецензурная лексика, что входит в явное противоречие с широкими представлениями об этом музыкальном стиле.

По своей природе НМГ – это номинация социальной практики, самоидентификация. Через название музыканты стремятся утвердиться, сообщить информацию, привлечь сторонников, эпатировать публику и т.д. Отсюда – особые функции НМГ: привлечение внимания, создание имиджа и сообщение информации о музыкальном продукте. В большинстве случаев эти функции отражаются в лексическом значении мотивирующей основы НМГ и заключаются в лексикализации особых областей семантики в зависимости от того, в каком стиле играет та или иная группа: каждый стиль создает свои смысловые рамки, которые детерминируют последующие НМГ. Можно констатировать тот факт, что НМГ, подчиняясь основным законам функционирования рекламы и имея множество характеристик, присутствующих в этой сфере, сами являются своеобразной рекламой творчества и образа жизни музыкантов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Забродин, Г.Д., Александров, Б.А. Рок: искусство или болезнь? / Г.Д. Забродин, Б.А. Александров. - М.: Сов. Россия, 1990. - 96с.
2. Западные молодежные субкультуры 80-х годов. - М.: ИНИОН, 1990. - 32с.
3. Кастильский, С. Рок-энциклопедия. / С. Кастильский. - М.: Ровесник, 2003. - 883с.
4. Корзун, Н.В. Рок, игры, мода, реклама. / Н.В. Корзун. - М.: Сов. Россия, 1989. - 136с.
5. Мокшанцев, Р. И. Психология рекламы. / Р. И. Мокшанцев. - М.: ИНФА-М, Новосибирск: Сибирское соглашение, 2001. - 230с.
6. Музыкант, В.Л. Реклама: международный опыт и российские традиции. / В.Л. Музыкант. - М.: Право и Закон, 1996. - 222с.
7. Фильчикова, Н.Б. Реклама в прессе. / Н.Б. Фильчикова. - М.: Высшая школа, 1977. - 166с.
8. Хижняк, И. Парадоксы рок-музыки: мифы и реальность. / И. Хижняк. - Киев: Молодь, 1989. - 296с.
9. Origins of band names. - URL: www.heathenworld.com/bandname. - Дата обращения 25.11.2005.

10. Bovee, C.L. Thill, J.V. Business Communication Today. / C.L. Bovee, J.V. Thill. - NY: McGraw-Hill, Inc., 1992. - 659p.
11. Friedlander, P. Rock Music / P. Friedlander // Americana. - Danbury: Grolier, 1999. - Volume 23. - p. 596-601d.
12. Longman Dictionary of Contemporary English. - L.: Longman, 1987. - 1229p.
13. McGill, K. American Advertising in the EFL Classroom / K. McGill // Американская культура на занятиях по английскому языку: материалы международной конференции. - Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1997. - с. 193-199.
14. Omoniyi, T. Hip-hop through the world Englishes lens: a response to globalization / T. Omoniyi // World Englishes, Vol. 25, No. 2. 2006. - p. 195-208.
15. The Cultural Theory. The Key Concepts/ Edited by Edgar A., Sedgwick P. - L and NY: Routledge, 2003. - 506p.
16. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. - NY: Random House, 1989. - 1854p.
17. Zhukova, I.N., Lebedko, M.G. American Quilt: A Reference Book on American Culture. / I.N. Zhukova, M.G. Lebedko. - Владивосток, Изд-во ДВГУ, 1999. - 760с.

ТИПЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЖЕНСКИХ ПРОМИССИВОВ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Н.М. Колоколова

Астраханский государственный университет

В классификации высказываний с позиции теории речевых актов выделяется речевой акт обещания или промиссива, который относится к коммиссивным речевым актам, т.е. актам принятия обязательства. Промиссив соотносится с контекстом диалога. Для обеспечения его корректности обещаемое должно быть чем-то, чего слушающий хочет, в чем он заинтересован, или что он считает предпочтительным, а говорящий должен сознавать или полагать, что это так. [1: 170—194]

По типу высказывания речевые акты обещания могут быть повествовательными или восклицательными.

Н.С. Валгина определяет повествовательные предложения как предложения, заключающие в себе сообщение о каком-либо утверждаемом или отрицаемом факте действительности, явлении, событии и т.д., разнообразные по своему содержанию и структуре и отличающиеся законченностью мысли, которая передается специфической повествовательной интонацией и на письме точкой в конце предложения. Восклицательными она называет предложения эмоционально окрашенные, что в устной речи передается специальной

восклицательной интонацией, а на письме восклицательным знаком в конце предложения [2: 212].

В русском и во французском языках в обиходно-бытовом и в институциональном стилях речи большинство женских промиссивов имеют повествовательную конструкцию, что опровергает мнение Е.И. Горюшко [3: 28-41] о том, что женщины часто используют восклицательные и вопросительные предложения. В повествовательных промиссивах утверждается факт принятия обязательства:

- *Обещание я выдалю.* [Т. Пожильцова, *Ёжик forever*, 2006, с.497]
- *Je reviendrais après m'asseoir à votre chevet, et nous parlerons allemand jusqu'à ce que le sommeil nous vienne.* [G. Sand, *Constuelo*, *электр. ресурс*]
Здесь обе героини употребляют повествовательные конструкции промиссивов, чтобы подтвердить принятые ими обязательства.

- *В Вене тоже будете об этом говорить?*
- *Обязательно. Наша делегация намерена призвать Ассамблею принять резолюцию и оценить подобные действия эстонских парламентариев.* [Электр. ресурс]

- *Et puis nous réunirons très vite la conférence nationale sur les salaires pour décider rapidement de la revalorisation du smic, des petites retraites et aussi des bas salaires afin que la hiérarchie des salaires ne soit pas écrasée.* [Электр. ресурс]
Л. Спекта, первый вице-спикер Госдумы от фракции «Единая Россия», и С. Руцкая, в прошлом претендент на должность президента Франции, используют повествовательную конструкцию для своих обещаний, подтверждая, тем самым, те действия, которые они обязуются выполнять на благо граждан страны.

Исследование стилистических различий женской речи показало, что повествовательные промиссивы используются чаще в институциональной речи, чем в бытовой, т.к. в деловой и политической сферах демонстрация эмоций, как известно, признается не соответствующей ситуации общения. Кроме того, речь женщины-функционера заранее подготовлена и продумана с точки зрения достижения прагматической цели высказывания – добиться веры адресата в результат ее действий, что, в конечном итоге, положительно скажется на ее имидже, как спокойного и рассудительного профессионала в своей области.

Вместе с тем, француженки используют повествовательные конструкции чаще и в бытовой, и в статусной речи. Это объясняется тем, что для эмоциональной окраски своего обещания француженки чаще русских используют другие лексические средства: восклицатели, междометия, модальные глаголы, оценочная лексика и указатели на эмоцию и др.

Для выражения эмоций, переживаний, чувств, отношения к предмету речи в женских промиссивах используется восклицательная конструкция:

- *Буду разделять!* - *кивала Вера.* - *Буду разделять курят!* [Ю. Герман, *Дорогой мой человек*, 1988]

- *La dame de l'hôtel de Guise: «Bien, bien, brave cavalier! bien! je vous envoie du secours!»* [A. Dumas, *La reine Margot*, *электр. ресурс*]

- *Моя не дам вам заниматься клоунадой на заседании!* - *пообещала Л. Савика.* [Электр. ресурс]

- *Anika Hage: «Ne soyez pas trop durs avec mon travail, je promets de m'améliorer!»* [Электр. ресурс]

В приведенных примерах бытовых и институциональных промиссивов используется восклицательная конструкция, чтобы достигнуть нужного иллюкутивного эффекта - более убедительно воздействовать на адресата.

Восклицательные промиссивы в бытовой речи русских женщин составляют 16,2%, а француженок - 10,8%. В статусных промиссивах они используются реже в обоих языках: 9% в русском и 5,5% во французском языке.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует об использовании женщинами обеих культур как повествовательных, так и восклицательных конструкций и в институциональных, и бытовых промиссивах, что соответствует общезыковым нормам. Повествовательные обещания составляют большинство промиссивов независимо от стиля речи и от национальности, что опровергает гендерный стереотип о «вечной восклицательности» женских высказываний. Более частое использование русскими женщинами восклицательных конструкций и в обиходно-бытовых и в статусных обещаниях позволяет им демонстрировать свои эмоции, чувства, переживания, не привлекая для этой цели другие эмоциональные компоненты.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Серь, Дж.Р. Классификация иллюкутивных актов [Текст] / Дж.Р. Серь // Новое в зарубежной лингвистике - Вып. 17. — М.: Прогресс, 1986. — 424 с., С. 170—194.
2. Валгина, Н.С., Розенталь, Д.Э., Фомина, М.И. Современный русский язык: Учебник [Текст] / Под редакцией Н.С. Валгиной. - 6-е изд., перераб. и доп., Москва: Логос, 2002. - 528 с., С. 212. ISBN 5-94010-008-2
3. Горюшко, Е.И. Особенности мужского и женского стиля письма [Текст] / Е.И. Горюшко // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. - С. 28-41.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИСКУССИЙ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ О СУДЬБЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Е.В.Кузнецова
Астраханский Государственный Университет

Изучение творчества того или иного представителя эмигрантской литературы, на наш взгляд, неразрывно связано с теми процессами, историческими, политическими и социальными, современниками которых они были и которые, безусловно, влияли на их становление и как писателей, и как личностей. Обращение к анализу критической литературы на страницах газет и

журналов русского зарубежья помогает воссоздать картину атмосферы, царившей в том обществе, понять те проблемы, которые волновали писателей, принадлежавших к разным поколениям. Публицистическая деятельность писателей, дополненная силой их голосов позволяла им с собственным темпераментом бороться активнее, чем это мог сделать любой другой художественный жанр.

Наиболее заметно в культурной жизни русского зарубежья (прежде всего русского Парижа, как центра эмиграции) развивалась литература. К 1921 году из известных до революции писателей за пределами России оказались А.Т.Аверченко, М.А.Алданов, К.Д.Бальмонт, И.А.Бунин, З.И.Гиппиус, Дон-Аминадо, А.И.Куприн, Д.С.Мережковский, Н.А.Тэффи, Л.И.Шестов и др. За 1921-1923 гг. в эмиграциях оказались Г.В.Адамович, А.В.Амфиитеatrov, Б.К.Зайцев, Г.И.Иванов, Н.А.Оцуп, А.М.Ремизов, В.Ф.Ходасевич, М.И.Цветаева, И.С.Шмелев и др. (мы говорим здесь только о парижской эмиграции).

Главной целью эмиграции и всего русского рассеяния в послереволюционные годы являлось сохранение своей национальной особенности и целостности культуры, языка для свободной в будущем от большинства России. Но необходимо было и осознание самими эмигрантами *эмиграции* как особого явления.

Наряду с этой целью, главными вопросами дискуссий в литературном зарубежье становятся и проблемы сохранения, распространения русской культуры на Западе, выявление причин произошедшей катастрофы через литературу и поиск путей выхода из этой ситуации и из духовного кризиса эмигрантов. Мы постараемся дать оценку этим явлениям с позиций сегодняшнего времени.

С периодом расцвета зарубежной литературы совпал и период наиболее ожесточенных споров о ней, о самом её бытии и смысле, сомнении в возможности и необходимости её существования.

Свое отношение к художественному творчеству в эмиграции З.Н. Гиппиус высказала в одной из первых своих литературно-критических статей «Полет в Европу», напечатанной в 1924 г. в «Современных записках» и подписанной старым критическим псевдонимом Антон Крайний. В ней проводилась мысль о том, что в России литературы не осталось, что «русская современная литература (в лице главных ее писателей) из России выплеснута в Европу» и что после 1917 г. в России «нет литературы, нет писателей, нет ничего: темный провал» [Крайний А.: 1924. 123-138]. Далее З. Гиппиус писала: «Как, в самом деле, выдумывать, когда честность подсказывает, что всякая выдумка будет бледнее действительности? Да и о каких людях писать, а главное — о какой жизни, если всякая жизнь разрушена, а лица людей искажены? <...> Не можно говорить о прошлом... К этому и приходят малопомалу русские писатели, оправляясь от пережитого: ведь они все-таки писатели и недаром же не погибли (там же).

Эта статья и стала точкой отсчета спора о двух направлениях в литературе. Гайто Газданов приехал в Париж в 1923 г. и оказался совсем один в

тяжелой ситуации, единственным выходом из которой и спасением для себя он считал литературу. Понятно, что в эмиграции оказались представители иной формации, чем те, кто остался в России. Г.Струве писал: «Эта зарубежная русская литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, который — придет время — вольется в общее русло этой литературы. И воды этого отдельного, текущего за рубежами России потока, пожалуй, больше будут содействовать обогащению этого общего русла, чем воды внутрисосийские. Много ли может советская русская литература противопоставить «Жизни Арсеньева» Бунина, зарубежному творчеству Ремизова, лучшим вещам Шмелева, историко-философским романам Алданова, поэзии Ходасевича и Цветастовой, да и многим из молодых поэтов, и оригинальнейшим романам Набокова?». Гайто Газданов находился между этими потоками и «пил» из двух источников.

В эмигрантской критике 1920-1930-х гг. неоднократно высказывалось мнение о том, что русская литература неомогонна, что она распалась на две различные литературы, объединенные лишь русским языком. Такой раскол русской литературы начала XX века на два направления, стал предметом самого существенного и наиболее продолжительного спора, в который были вовлечены ведущие критики и писатели эмиграции. Два противоположных лагеря в литературе, традиционно идущих еще от середины XIX века, таких, как славянофильство и западничество, тонко намечались в русской литературе зарубежья. Молодой прозаик Гайто Газданов не участвовал в споре о двух литературах и напрямую не высказывал свои взгляды на советскую литературу, но в его ранних рассказах прослеживается стилистика «Одесских рассказов» Исаака Бабеля. А наличие в первых рассказах «эпопической пробы пера» свидетельствует о влиянии советских поэтов.

Основным различием этих лагерей был взгляд на путь возрождения России, но только теперь уже в новых условиях. В связи с революционными событиями в зарубежье, по аналогии с покинутой страной, писатели и мыслители делились теперь на «правых» и «левых». Национальная пресса русского зарубежья опасалась «ската вправо», так как большинство русских, оказавшихся за рубежом, все же тяготело к левому крылу. Подобная позиция не могла не сказаться на судьбе некоторых рукописей, а следовательно, и писателей. Это имело непосредственное отношение, прежде всего к И.С.Шмелеву и к И.А.Бунину. Эти писатели, бывшие яркими западниками в России до революционных событий, в условиях эмиграции неожиданно для самих себя принимают славянофильские позиции, что, безусловно, оправдывается их стремлением сохранить исконную «русскость».

Газеты и журналы парижского зарубежья, конечно, отражали на своих страницах развернувшуюся полемику. Таким образом, появилось два лагеря. С одной стороны, сторонники эмигрантской литературы (З.Гиппиус, Д.С.Мережковский, И.Л.Бунин, Г.В.Адамович, Г.Иванов, С.Савельев, В.Ф.Ходасевич и др.), с другой, защитники советской литературы (М.Слоним, Д.П.Святополь-Мирский и др.).

Гайто Газданов не примкнул ни к одному из них, но он активно участвовал с самого начала своей парижской эмиграции в литературной жизни, он посещал различные литературные объединения, кружки (вспомним «Зеленую лампу»), где принимал участие в дискуссиях.

Характеризуя литературу «первой волны» эмиграции, следует сразу отметить одну важную особенность: ее крайнюю политизированность. Гражданская война как общенациональная трагедия стала причиной того, что каждый (за ничтожным исключением) писатель русского зарубежья вынужденно сделался еще и политическим публицистом, что политика вторгалась в художественное слово, придавая ему особую подстветку и размывая грань между «язычной словесностью» и обвинительным документом. Только «русское слово» позволяло эмигрантам продолжать активную творческую деятельность, обеспечивая тем самым развитие их интеллектуальной и культурной жизни и возможность «срастворения» и обезличивания в чужой среде. Гайто Газданов старался быть вне политики, как и многие молодые писатели-эмигранты.

Главным вопросом эмиграции оставалась судьба России и отношение к большевикам, что нашло свое отражение в творчестве И.А. Бунина, И.С. Шмелёва, А.Ремизова и др. В полемике с эмигрантскими и советскими оппонентами И.Бунина обнаруживается блестящий сатирический дар, не находивший применения в его художественных произведениях.

Также И.Бунин выступал против печатания в зарубежных журналах произведений советских писателей и поэтов, у которых он полностью отрицал талант и которым он дал очень невысокую оценку. Такое отношение писателя было не только к литературе, но и вообще, ко всему советскому. До конца своей жизни И.Бунин остался непримиримым врагом большевизма.

Гайто Газданов не высказывался напрямую в прессе против большевизма, как Бунин, но в одном из выступлений на Франко-русских собраниях он позволил себе высказаться по поводу значения и роли революции в России: «Очень трудно нам, другим современникам, понять до конца происходящие события. Зайцеву революция кажется огромным событием. В действительности же, не настолько она и огромна. По крайней мере, не нужно говорить, что событие это – самое важное из когда-либо имевших место быть. Это вовсе не так. Были в истории периоды намного интереснее и происходившие с большим размахом нежели те, что мы только что пережили. Русская революция – это событие местного масштаба» (перевод с франц. Е.К. с. 142) [Robert Sebastian et Wsevolod de Vogt: 1929-1930.142]. Здесь, согласно стенограмме в зале возник шум и возгласы протеста присутствующих. Итак, по словам самого Газданова, все, что ему пришлось пережить, не имеет мирового значения и не сыграло своей роли в дальнейшей истории, не повлекло за собой значительных последствий. Но с позиций сегодняшнего времени можно не согласиться с молодым тогда писателем. Это событие перевернуло не только его жизнь.

Для одних приверженцев эмигрантской литературы, основным мотивом творчества стало трагическое переживание оторванности от России, оторванности от русских корней, гибель прежней культуры. Для других,

например, для Г.Газданова, доминантой стало стремление к новым, неизведанным, новаторским традициям в литературе, но мотив одиночества и потери Родины проходит лейтмотивом через все его творчество.

В первые годы после революции, советская литература и литература эмиграции находилась в качественно неравном соотношении. Русская литература в изгнании находилась в «састывшемся» состоянии. Позволим себе прибегнуть к метафоре, представив эмигрантскую литературу в начале эмиграции как умирающее, опустошенное, статичное существо (это можно объяснить: растерянность людей, выброшенных из собственного дома), а литературу молодого советского государства живым, бурлящим энергией организмом.

Мысль о том, что в 20-е гг. советская литература была интереснее, живеннее и достойнее внимания, чем зарубежная, но что к 30-м годам это соотношение изменилось в пользу эмигрантской литературы, была высказана таким далеким идейно от «Волы России» и беспристрастным критиком и историком литературы, как А. Л. Бем, который сотрудничал в «Волы России» лишь в самом начале ее существования. С ходом времени правильность этой мысли получила дальнейшее подтверждение в высказываниях М. Слонима, Г. Адамовича и др. В период становления советской литературы писатели были охвачены энтузиазмом творить новое искусство. Гайто Газданов также был знаком с произведениями советских писателей. Подтверждение этого мы находим в поэтике его ранних рассказов. Это выглядит и как протест против зарубежной литературы «стариков», и как поиск своего пути самовыражения в творчестве, благодаря синтезу двух литератур. Но позднее ситуация в советской литературе кардинально изменилась. Среди главных условий отсутствия «настоящей» жизни в советской литературе, следует назвать цензуру, которая, безусловно, присутствует и основная функция которой, запретительная, а полную идеологизацию литературы, воздействие коммунистической партии на нее. В то время как привилегия положений писателей зарубежья была в том, что только в эмиграции у писателя была свобода для самовыражения.

Проходило время, и в процессе этой полемики постепенно русская эмиграция осознавалась как новый культурный феномен.

Уже в конце 30-х годов появились статьи, в которых публицисты, литераторы попытались подвести некоторые итоги спору в самой первой его стадии. Царило скептическое отношение к появлению достойной смены старшему поколению писателей, отмечалось отсутствие диалога с Советской Россией, единого устремления эмигрантской словесности, книг на эмигрантские темы у молодых писателей: в первую очередь, из-за отсутствия языковой среды, а также – условий для их появления (тяжелый физический труд). Этот упрек относился и к Гайто Газданову, который не ставил в своей прозе какие-либо фундаментальные проблемы русской эмиграции. Он остается тонким, пронзительным и разочарованным наблюдателем, уделяя мало внимания действию. Он не писал романы и статьи о героической борьбе за существование и о победе над жизнью, он писал о внутренних переживаниях

отдельного человека. Он, как и многие другие молодые люди в эмиграции, пережил трагедию, сломавшую и изменившую его жизнь. Потребуется годы, чтобы изменилась поэтика его прозы. Только в поздней, послевоенной прозе появляются другие мотивы, другие герои.

Гайто Газданов проработал долгое время на заводе Рено, как и тысячи других русских эмигрантов. В своем романе «История одного путешествия» он через персонаж Артура Томсона дает нелицеприятную характеристику атмосферы Монпарнаса. Кафе «Ротонда» и «Кулол» (они находятся как раз друг напротив друга на бульваре Распай в Париже на Монпарнасе) – места, где собирались русские эмигранты.

В начале эмиграции было много разговоров о «миссии» эмиграции, о ее «исповедничестве». У многих старших писателей это сознание осталось, но в их художественном творчестве оно не нашло отражения. Молодые же писатели Зарубежья предпочитали говорить о той цене, которую за изгнание им приходилось платить, уходить в себя или уходить совсем от современности и ее назойливых проблем.

Лишь напечатанный в 1930 г. в «Современных Записках» роман Н. И. Берберовой «Последние и первые» можно рассматривать как первое большое литературное произведение на эмигрантскую тему, из трудовой эмигрантской жизни. Большинство настоящих молодых прозаиков вошло в зарубежную литературу лишь в конце 20-х гг. и в начале 30-х. Между 1920 и 1925 гг. отдельными книгами прозы обратили на себя некоторое внимание четыре писателя: Дроздов, Алексеев, Гуль и Лукаш. Из них первые трое оказались сменевщиками, причем Дроздов и Алексеев тогда же уехали назад в Россию, а Роман Гуль много позднее вернулся в эмигрантскую литературу.

Конец 20-х и начало 30-х годов были, несомненно, периодом расцвета зарубежной литературы. В этот период большинством старших писателей были созданы наиболее значительные, и, во всяком случае, самые крупные, их вещи. Между 1925 и 1935 гг. Бунин издал «Митину любовь», «Солнечный удар», «Дело корнета Елагина», «Божье древо» и «Жизнь Арсеньева». За то же время выпустили: Б. Зайцев – «Преподобного Сергея Радонежского», «Странное путешествие», «Афону», «Анну», «Дом в Пасси», «Жизнь Тургенева»; Шмелев – «Про одну старуху», «Свет разумам», «Историю любовную», «Няню из Москвы», «Богомль», «Лето Господне»; Ремизов – «Оско», «Звезду Надвезную», «По карнизам», «Три серпа», «Образ Николая Чудотворца»; Мережковский – «Мессии», «Тайну Запада», «Наполеона», «Иисуса Незнаемого»; Тэффи (прим.) – «Геродок», «Воспоминания», «Авантюрный роман», «Кингу-люнь»; Алданов – «Чортков мост», «Ключ», «Бегство», «Десятую симфонию», «Земли и люди», «Портреты»; Куприн – «Колесо времени», «Юнкеров»; Цетлин – «Декабристов». На это же период падает выход «Собрания стихов» и «Державин» Ходасевича, появление в журналах некоторых лучших прозаических вещей Цветаевой, первые беллетристические произведения Осоргина («Сивцев вражек», «Свидетель истории», «Книга о конках»), первые шесть романов и книга рассказов Набокова-Сирина, первые романы молодых прозаиков – Берберовой, Болдырева, Газданова, Зурова,

Одоевской, Фельзена, Шаршуна, Яновского (прим.). Бунин решительно протестовал против утверждения, будто бы писатель не может творить в отрыве от родины. Его эмигрантское творчество – лучшее доказательство его правоты.

Другим вопросом, волновавшим литературную эмигрантскую среду, в котором активное участие принял уже ставший известным в литературных кругах эмиграции, Гайто Газданов, был вопрос о положении молодых писателей – эмигрантов. В 1930-х гг. «молодая» эмигрантская литература привлекала всеобщее внимание к произведениям молодых писателей, отличавшимся от традиционных воззрений на художественную литературу по своим задачам, содержанию и форме. Проблема взаимоотношения различных литературных поколенийшла отражение на страницах печатных изданий русского зарубежья, в частности в журнале «Современные записки». По мнению Ходасевича «<...>задача эмиграции – ее (русскую литературную традицию, Е.К.) сохранить и передать будущим поколениям». Эта проблема продолжала оставаться одной из наиболее острых в 1920-1930-е годы, когда туда были привлечены молодые литераторы, снискавшие известность уже в эмиграции, такие как: В. Сирин, Г. Газданов, В. Яновский, Б. Поплавский, Н. Берберова и др. Отношения между писателями первой волны и младоэмигрантами не были простыми.

Марк Слоним не раз нападал на эмигрантскую критику как такую, обвиняя ее в кумовстве, в отсутствии метода, в полном и сознательном пренебрежении к советской литературе, в замалчивании талантливых молодых писателей Зарубежья или в выдвигании ничтожеств по соображениям личных отношений или политического единомыслия [Струве: 1984. 69].

Многие критики писали о «музейном» характере русской эмиграции. Так Постников С. пишет о том, что «старикам», успевшим выехать из России уже в ранге писателей, было проще проложить путь к читателям, чем молодым, прибывшим в литературу в ограниченном кругу соотечественников на страницах журналов, которые неохотно имели дело с неизвестными именами. «Старики» намеренно консервировали свои бывшие достижения ради сохранения традиции, как они ее понимали. А молодые писатели, зажатые ограниченностью читательской аудитории и специфическим взглядом «академиков» на должный путь развития отечественной литературы, слабо им подражали [Постников: 1927. 217].

Г. Адамович писал по поводу положения «детей эмиграции»: «Некоторые молодые писатели чувствуют здесь «неблагополучие» своего положения очень остро, – только до сих пор эти настроения, со всеми неизбежными из них следствиями, выводами и догадками, редко и скупо отражаются в печати. Это больше – предмет нескончаемых эмигрантских литературных разговоров, как бы компенсирующих здесь скудость иной гласности...». Он придерживается того же мнения, что и М. Цетлин, по поводу отсутствия произведений на эмигрантские темы. Далее он укоряет писателей старшего поколения в невнимании и в отстраненности от происходящих событий: «<...> «Дети» предоставлены самим себе; они с отцами несравненно нежнее, чем были предыдущие поколения, но они не знают о чем с ними говорить. Мира

рушится, - а те все описывают природу, как ни в чем не бывало, или рассказывают о былом житье - бытье. У Жюль Верна или у Пруста можно все-таки найти кое-что другое. Еще больше можно было бы найти в России, вернее - у нас. Но России нет». [Адамович Г.: 1932. 339].

И. Бунин в ответе на статью Г. Адамовича, опубликованной в газете «Последние новости», о разнице между французской и русской душой, справедливо указывает, что ведь и для передачи внутренних переживаний надо их изобразить, описать, и для всего этого недостаточно восклицаний или нечленораздельных звуков. Здесь бесспорны утверждения Бунина: независимо от того, что описывается и какое место в творчестве того или иного писателя занимают вещи, природа, мир телесный, необходима **изобразительность**, т. е. способность вызвать в читателе ощущение бытия и **видимости** описываемого [Бунин И.: 1929. 119].

Г. Струве, однако, находит такую оценку ситуации критиками, несомненно, преувеличенной, но, тем не менее, «молодежь», например, в первых двадцати шести номерах «Современных записок» почти отсутствовала. Но с начала 30-х годов произошло расширение литературно-художественного отдела за счет привлечения «молодежи». В журнале были напечатаны романы и рассказы В. Сирина, Н. Берберовой, Гайто Газданова, Л. Зурова, В. Яновского и др. А в «Воле России» молодые прозаики появились еще в 1923-25 гг. Между 1926 и 1929 гг. были опубликованы на страницах «Воли России» рассказы парижан Б. Сосинского, Г. Газданова, В. Андреева и Н. Героденской. Как пишет Г. Струве, наиболее известный из них в дальнейшем, Г. Газданов, появился в «Современных Записках» только в 1931 г.

С 1930 г. начинает выходить журнал «Числа», уделявший внимание не только литературе, но и искусствам не словесным - живописи, скульптуре, музыке, танцам, что его отличало от остальных изданий. Игнорирование политики из «Чисел» вызвало полемику внутри самого журнала. Среди молодых писателей аполитичность вызвала сочувствие. Следует отметить, что Г. Газданов старался избегать политических высказываний, идейная идеологическая составляющая вообще не проявлялась в его прозе, он не писал социальных произведений.

В отделе беллетристики преобладали молодые писатели, которые уже успели зарекомендовать себя на страницах других журналов или отдельными книгами (Газданов, Варшавский, Одоевцева, Яновский, Сосинский, Буткевич). А в обширном отделе критики и философской публицистики наряду с «маститыми» критиками (З. Н. Гиппиус, Г. Адамович, Н. Оцуп, Фелотон, Шестов, Башкили, В. В. Вейде и др.), привали деятельное участие младшие поэты и беллетристы (Терпиано, Фельзен, Попляевский, Газданов, Варшавский, Ю. Мандельштам и др.) - как общими статьями о литературе, искусстве и философии, так и многочисленными и, часто интересными рецензиями на русские и иностранные книги.

Таким образом, анализ критической литературы о положении зарубежной русской литературы, показал, что спор о двух направлениях русской

литературы нашел свое завершение только со сменой политического строя в России, когда упал «железный занавес» и появились возможности общения.

Сегодня произошло воссоединение русской литературы и оппозиция «Столица русской литературы - Париж» и «Бунину следует учиться у Фадеева» потеряла актуальность, русская литература стала единым явлением, обогащенным наследием писателей эмигрантов. Специфической чертой восприятия литературными критиками «русского Парижа» художественного процесса эмиграции и Советской России являлось осознание кризисного состояния обеих ветвей русской литературы. В первом случае причина усматривалась в отрыве от русской действительности, во втором - в отсутствии свободы творчества. На оценку современного литературного процесса ведущими эмигрантскими критиками и писателями наложился отпечаток художественно-эстетические принципы Серебряного века, под влиянием которых были сформированы их собственные литературно-критические концепции.

Деятельность в журналах и газетах «русского Парижа» привела к появлению целой плеяды блестящих литературных критиков. Г. Газданов активно публиковался не только как беллетрист, но и как литературный критик. На страницах периодики формировались критические концепции, разворачивались дискуссии и споры, имевшие масштабы центральных событий литературной жизни диаспоры. Очень важное значение в процессе формирования литературной критики «русского Парижа» имели литературные полемик, так как на протяжении 1920-1930-х гг. практически все периодические издания, литературы и деятели культуры эмиграции оказывались вовлеченными в тот или иной спор, а Г. Газданов и сам начинал полемику. Одним из споров, ставших главным содержанием литературно-критического процесса «русского Парижа», следует назвать спор о двух ветвях русской литературы XX в. и о молодом литературном поколении, о творческой самостоятельности отдельных поэтов и писателей.

Регулярные выступления литературных критиков и писателей на страницах журналов и газет внесли существенные коррективы в ход развития эмигрантской словесности. Следует отметить значительную роль в формировании литературно-критической мысли «русского Парижа», которую сыграли издания, отличавшиеся определенной регулярностью и долговечностью: «Последние новости», «Возрождение», «Современные записки», «Звено», «Числа». Все эти издания печатали произведения Г. Газданова.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Крайний А. (Гиппиус З.) Полет в Европу // Современные записки. 1924. № 18.
2. Robert Sebastien et Wsevolod de Vogt. Rencontres, Cahier de la quinzaine, Soirées franco-russe 1929-1930. Paris
3. Струве Г. Русская литература в изгнании. YMCA - Press, Paris, 1984.

4. Поетников С. О молодой эмигрантской литературе // Воля России.- Прага, 1927. №5-6.
5. Адамович Г. О литературе в эмиграции // Современные Записки. №60, 1932, Париж.
6. Бунин И. Бунин молодым писателям // Воля России. 1929. № 1.

МОТИВ СМЕРТИ В РАССКАЗАХ Г.ГАЗДАНОВА: КОНТЕКСТ РУССКОЙ И ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Е.В.Кузнецова

Астраханский Государственный Университет

В поэтике прозы Г.Газданова начального периода, как и в поздней прозе, прослеживаются общие мотивы: мотив смерти, мотив одиночества и скитаний, нашедшие свое продолжение и развитие как тема «путешествия» в дальнейшем творчестве, которая перекликается с судьбой автора - скитальца, оторванным от родных корней, сначала осетинских, а затем и русских.

Мотив Смерти проходит лейтмотивом через все творчество писателя. Он провозглашает абсурдность смерти молодых, красивых, здоровых людей («Татьяна Брак»). Прибегая к натуралистическим приемам описания трагических сцен, он акцентирует свое внимание на несовместности Красоты и Смерти (описание трупа Татьяны Брак в одноименном рассказе). Смерть естественна показана в рассказах: «Нипшиль», «Вечерний спутник», «Ошибки», «Панихида», «Письма Иллариона», «Княжна Мэри», «Гавайские гитары», «Когда я вспоминаю об Ольге» и др. Смерть как самоубийство представлена в рассказах: «Черные лебеди», «Железный Лорд», «Мартын Расколинос», «Великий музыкант», «Быстро» и др.

Единство Смерти и Жизни он пытается найти, описывая моменты близкие к смерти через впечатления персонажей, по описаниям которых смерть нестрашна, это что-то прекрасно-спокойное, умиротворенное с лицом умерших близких людей. Это как логическое продолжение жизни, смысл которой как раз и состоит в ее конце, завершении («Преображение», «Судьба Саломеи» и др.). Но физическая оболочка ее ужасна (описание тела Татьяны Брак и мадам Шумман в «Повести о трех неудачах»). «Своих шели ставень проходил свет, у наших ног лежало тело мадам Шумман с рассеченной головой. Рядом с ним – бесстыдно обнаженные ноги Маруси, у которой юбка была завязана крепким узлом над головой. Развязанная Маруся посмотрела вокруг, сказала по-еврейски – какой стыд! – и заплакала, обнимая застывший жир материнского тела» [Газданов: 1996. 23]. Г.Газданову удалось в нескольких фразах передать трагизм момента: надругательство над дочерью на глазах матери и смерть вступившей за дочь матери.

Но Г.Газданов не выстраивает образ смерти как торжествующий над человечеством. В некоторых рассказах 30-х гг. и в поздней прозе мы слышим

мотив умиротворения, смерть предстает как итог, избавление от земных мук («Преображение», «Черные лебеди»). Вкусив ближнего спокойствия и чувства свободы от всего земного и суетного, герои Г.Газданова жалуют о том, что выжили и вынуждены владеть дальше этот мучительный для них земной путь: «Я состарился потому, что я знаю смерть. Я могу поздороваться с ней, как со старым знакомым. Я зову ее по имени, но она не приходит. И почему вы думаете, – презрительно спросил он, – что она женщина? Смерть – мужчина. До меня это некоторые поняли: Бодлер, например. Вы ничего не понимаете» [Газданов: 1996. 90].

Как пишет Ю.Лотман: «Поведение человека осмысленно. < > Понятие цели неизбежно включает в себя представления о некоем конце событий» [Лотман: 1994.417]. Далее он продолжает: «То, что не имеет конца – не имеет и смысла. Осмысление связано с сегментацией нелинейного пространства». С этим связано, по словам Ю.Лотмана, два существенных последствия: первое объясняется особой смысловой ролью смерти в жизни человека, второе определяет собой доминантную роль начал и концов. И далее: «Обычный процесс осмысления действительности связан с перенесением на нее дискретных членений, в частности, литературных сюжетов, неравномерно связанным с понятием конца и начала» [Лотман: 1994.418].

Таким образом, идея смерти в произведениях Газданова представляет логическую законченность, придает сюжету смысловую завершенность. Начало и конец (смерть) позволяют понять жизненную реальность, как нечто осмысленное. Но если смерть связана с представлениями о молодости, здоровье, красоте, то речь идет о насильственной смерти и для того, чтобы ситуация не потеряла смысл, она должна восприниматься как противоречащая естественному порядку вещей.

Ю.Лотман заявляет: «Стремление сохранить жизнь – неестественное чувство всего живого» [Лотман: 1994.420]. Как пример, рассказ «Судьба Саломеи», роман «Эвелина и ее друзья». Добавление признака добровольности придает этой теме максимальную смысловую нагрузку (рассказы «Железный Лорд», «Черные лебеди»). Особой формой победы над смертью и продолжения ее, по мнению Ю.Лотмана, является самоубийство [Лотман: 1994.421].

Г.Газданов в рассказе «Черные лебеди» через монолог Павла Александровича попытался логически аргументировать добровольный уход из жизни, то, что герой потерял всякий смысл дальнейшего существования, и это его решение звучит как победа над смертью, он сам хозяин своей судьбы и сам решает когда, в какое время и как он из нее уйдет. «Литературное произведение, вводя в сюжетный план тему смерти, фактически должно при этом подвергнуть ее отрицанию» [Лотман: 1994.422].

Тема Смерти была так же одной из излюбленных тем И.А.Бунина: смерть, «нечто грозное, таинственное, самое великое и значительное во всем мире» (рассказ «Преображение» 1924 год). «Преображение» – рассказ о мужике, преобразенном смертью матери, вдруг прикасающемся к тайне смерти во время чтения Псалтыря над этой простой убогой старушкой. Рассказ по языку и

по всеподчиняющему ритму, проникающему всю его структуру, и композиционную, и словесную, принадлежит к высоким достижениям Бундина.

В рассказе Г. Газданова «Панихида» заключительная сцена у гроба также торжественна и наполнена звучанием: «Никогда панихида не казалась мне такой потрясающей, как в этот сумрачный день в Париже. Никогда я не чувствовал с такой судорожной силой, что ни в чем, быть может, человеческий гений не достигал такого страшного совершенства как в этом сочетании расклеванных и торжественных слов с тем движением звуков в котором они возникали <...>. И я думал, что в этот страшный час, который неутомимо придет и для меня, когда перестанет существовать все, ради чего стоило – быть может – жить, никакие слова и никакие звуки, кроме тех, которые я слышала сейчас, не смогут выразить ту обреченность, вне которой нет понятия о том, что такое жизнь, ни представления о том, что такое смерть. И это было самое главное, а все остальное не имело значения» [Газданов: 1996, 588].

Об отношении Газданова к Э. По можно догадаться по тому, что По выступает в роли героя рассказа позднего периода «Авантюрист», а также его имя неоднократно упоминается в романах и рассказах Газданова. Характерно, что По упоминается почти всегда в обозначенном контексте: предчувствие смерти или встреча со смертью.

В основе своего рассказа Газданов использует предполагаемый факт пребывания Эдгара По в Петербурге в период с 1826 по 1829 год. Эдгар По представлен в рассказе романтическим странником, «скитавшимся из одной страны в другую», авантюристом, искателем висцелений.

Образ Эдгара По в рассказе предельно таинственен: загадочное появление на пустынной, зимней улице Петербурга, демоническая, неземная красота, мертвенное лицо, визионерство и т.д. Он окружен аурой смерти и холода.

Обращение Газданова к творчеству Э. По не случайно. Очевидна значимость той роли, которую сыграл американский романтик в становлении «последнего романтика русской прозы» (так назвал Газданова в статье «И я видел мир таким» Михаил Новиков) [Новиков: 1996] или «представителя магического реализма» [Иванов: 1996].

Произведения Гайто Газданова не только насыщены многочисленными мотивами, образами и сюжетными коллизиями Э. По, но выдерживаются в той же манере повествования и фактически повторяют многие приемы его стилистики. Сопоставляя рассказы «Авантюрист» Газданова и «Свидание» Э. По, С. Федякин отмечает, что они как будто бы создавались авторами по общему замыслу в виде своеобразного цикла, вернее – дилемма, когда одно произведение продолжает другое на новом этапе временной параллели. Если прочитать «Свидание» и сразу затем начать «Авантюриста» (и даже наоборот), то благодаря стилистическому и сюжетному сходству создается ощущение неразрывного единства, целостности повествования, как будто не было между воплощением двух его составляющих известной пространственно-временной пропасти. Газданов очень ценит талант Э. По и в эссе мы читаем о присущем Э. По «особенном обострении известных способностей духовного зрения», той

«болезни, которую сам По называл «болезнью сосредоточенного внимания»» [Газданов: 1929].

Призывая значительность иррационального начала в искусстве, Газданов обращался к творческому наследию По как к редкостному примеру воплощения этого начала и говорил о том, что если искусство какого-либо писателя «находится вне классически рационального восприятия», то его «неизменно постигает трагедия постоянного духовного одиночества» (там же).

Многое из того, что Газданов расценивал у По как заслуги, он реализовал в своем творчестве. Это и наличие иррационального начала, и «болезнь сосредоточенного внимания». Этим проникнута почти вся его новеллистика и романы. Уже говорилось о принадлежности Э. По к символистам, но, точнее будет определить его как романтика-символиста. Газданов также нельзя причислить только к символистам, однако, его мировосприятие, как современнику периода «перелома» в литературе, не чужд символизму.

Если искать точки соприкосновения между По и Газдановым, то прежде всего, такой точкой соприкосновения является их отношение к смерти и к тому, как этот образ ими воспринимается. Как верно замечено многими исследователями, у обоих писателей именно смерть становится той гранью, через которую проходит герой, чтобы проникнуть в мир потусторонний. В творчестве По образ смерти присутствует постоянно и во всех своих проявлениях. У Газданова тема смерти занимает также значительное место в произведениях. Как верно отмечает С. Федякин, у обоих писателей смерть является отправной точкой для погружения в себя, и через это погружение осуществляется прикосновение к миру запредельному, именно смерть, по мнению исследователя, всегда разделяет два мира По и Газданова.

Рассказ «Третья жизнь» во многом перекликается с уже упомянутым нами рассказом «Авантюрист», где Эдгар По, витающий в себе некую абсолютную формулу художника-визионера, описывает собственное предчувствие смерти примерно в тех же образах фантастического кораблекрушения.

Тема смерти и связанного с ней фантастического широко представлена и у Н. Гоголя, о котором Г. Газданов пишет в эссе и, позднее, в статье. У Гоголя именно загробная жизнь всегда напоминает о себе мерцающим проникновением в жизнь земную («Майская ночь, или Утопленница», «Страшная месть» и т.д.) Но у Н. Гоголя эта грань двух миров имеет характер сказочности.

Тема Смерти отражена в творчестве многих писателей. Мы хотим сравнить двух таких непохожих писателей, как Велимир Хлебников и Гайто Газданов. Они принадлежат к двум совершенно разным литературным направлениям. Хлебников – футурист, Газданов – модернист. Первый – прежде всего, известен как поэт, второй – только как прозаик, заметим, что стихов он не писал вообще.

Таким образом, сопоставление двух таких писателей, признанных мастеров слова кажется вроде бы невозможным, но это лишь на первый взгляд. Материалом для этого послужила проза Хлебникова (в частности его рассказ

«Перед войной») и некоторые рассказы Газданова («Гостиница грядущего», «Повесть о трех неудачах», «Рассказы о свободном времени», «Общество восьмерки пик», «Татьяна Браун» и др.).

У обоих писателей, эта тема звучит по-разному. У Газданова Смерть имеет несколько ликов: смерть естественная, смерть трагическая и абсурдная (во время Гражданской войны) и самоубийство. У Хлебникова в анализируемом рассказе смерть показана как необратимый исход описываемых военных событий, смерть не только военных, но и мирных людей.

В силу исторических обстоятельств Газданов совсем юным покинул Россию (в 1919 г.) и уже больше никогда в своей жизни не смог туда вернуться, вынужденный пройти все круги ада эмиграции, все тяготы оторванной от родины жизни, лишённой смысла и будущего. Отсюда и основные мотивы его прозы: одиночество, оторванность от России, путешествие, скитальчество, смерть, гражданская война и др. Однако он сумел найти призвание и в таких тяжелых условиях.

Основным мотивом дебютной прозы Газданова, как и многих рассказов Хлебникова, не говоря о тематике его (Хлебникова) произведений стихотворной формы, можно считать тему Гражданской войны и связанную с ней тему Смерти. Хлебников активный участник революционных событий, будущий старший Газданова на 18 лет и оставаясь в России, находился в гуще событий и черпал в них свое вдохновение.

Газданов, напротив, оторванный от родной земли в 16 лет, не имел политических убеждений и в своей прозе отразил лишь последствия революции и войны через воспоминания, возврат в прошлое, довоенное и военное. Писатели по-разному представляют эти события, говоря о каких-то деталях. Но их сближает то, что оба они признают войну как великую трагедию в жизни любого человека, оба они пишут в разной манере и при помощи отличных друг от друга языковых средств, используя разные приемы об ее разрушительной силе и последствиях. «Люди в свежих могилах цветов и зверей, с ног до головы одетые в могилы: разве не овца, белокурая и милая, грела дыханием смерти шею поручика, — разве не братская могила льнов Псковской земли белым полотном рубашки выступала на руке, державшей вино? Точно братское кладбище (курсив мой), заспанное снегом? Разве не темный зверь, с другого конца земного шара, из темных лесов Америки, прильнув к черепу художника, бросил живую дышащую тень и на лоб, и на суровую морщину, и на горькие глаза художника? Он, раньше скакавший в листья за сонными птицами, теперь согрел человека черной могилкой, теплой ночью мерцающих пушистых волос, черным сиянием густых лучей и, воин после смерти, защищая человека от копий мороза. Жизнь в хижине из чужой смерти, эти люди, в шкурах свежескопанных могил, готовились сделать прыжок в смерть, чтобы где-то там стать, вернуть долг, почвой для растений, дровами для травоядных печей» [Хлебников: 1999-2003. 570].

Проза Хлебникова выражает пафос, благодаря выбору экспрессивной лексики, обилию метафор. В рассказе нет сколько-нибудь четко очерченной фабулы, как, например, и в рассказе Газданова «Гостиница грядущего» (и во

многих других, в чем Газданова часто упрекали критики). Это скорее фиксация событий, не лишённая внутренней рефлексии, как и у Газданова: «Перед бегством оттуда я пошел посмотреть на кладбище тех, кого судьба послала из России (курсив мой) на басный берег Галлиполи для утучнения чужой земли. < > А мы умели только умирать. Это очень просто Мы заполнили нашими телами глубины российских безвестных оврагов, и оставшимся в живых нечего делать» [Газданов: 1996. 25].

Следует заметить, что Смерть Хлебников представляет в единстве с Жизнью, привождая аналогии с растительной жизнью и животными. Она появляется с самого начала рассказа и является его основным мотивом, о чем мы можем судить, рассмотрев семантическое поле «смерти» у Хлебникова, которое создает мрачную картину: могила, братская могила, кладбище, темный зверь, череп, черная могила, черное сияние, вскопанные могилы. Весь рассказ полон контрастов. Амбивалентность, буквально пронизывающая повествование на всех уровнях, очень явно дает о себе знать: «согрел человека черной могилкой», «прильнув к черепу художника, бросил живую дышащую тень», «черным сиянием густых лучей», «жизнь в хижине из чужой смерти» и т.п. Мотив смерти у Хлебникова — это представление смерти как приношение жертвы на алтарь революционных и военных событий. В рассказе нет отдельных героев (приорщик и Рассказчик), есть масса, которая поднимается стихийно и сама есть стихия, но масса не однородная: «...крикнул приорщик», «...повторили остальные», «военная молодежь», «люди в свежих могилах цветов и зверей», «встречные» и т.п. Рассказчик полностью сливается с этой массой, в конце рассказа он — единое целое с участниками событий: «Теперь я знал, каково будет война: мы вылетим из своих мягких сидений в бешеном беге, сойдем на землю, но застава будет сорвана! Мы видели эту заговорщицу позорно лежащей в снежной пыли, мы шупали наши головы и видели, что они прочно сидят на плечах» [Хлебников: 1999-2003. 570].

В этом семантическом поле, в этом призрачном мире и структурные роли персонажей, и отношения между ними приобретают характер проявляющейся амбивалентности.

Газданов Г. в рассказах («Черные лебеди» и др.) попытался логически аргументировать добровольный уход из жизни, то, что герой потерял всякий смысл дальнейшего существования и это его решение звучит как победа над смертью, он сам хозяин своей судьбы и сам решает когда, в какое время и как он из нее уйдет.

Творчество Хлебникова направлено в будущее, с ним связаны все его надежды. У Газданова их нет и довоенная проза — это воспоминания и сожаления о прошлом и трудном, безрадостном настоящем. Произведения этих писателей стоят в литературном ряду особняком, они самобытны и не похожи на других. Проза Хлебникова и Газданова — это особый целостный мир, созданный в свободной, естественной динамике. Художественный мир Хлебникова и Газданова представляет глубину и многозначность времени. Прозе Газданова присуща глубокая философичность и литературные достоинства: безошибочный ритм, перекатывание фразы, насыщенность языка,

насыщенность каждой фразы ассоциациями и образами. Он сознательно и последовательно преемственность грядущего нового с прошлым, внеся новую струю в литературу, начало которой в недрах французской школы и в русской литературе Толстого, Достоевского, Чехова. Гайто Газданов всегда трагически-противоречив, как символ современного сознания, переживающего кризис. Гайто Газданов оригинален, он своеобразно предомляет внешний мир.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Газданов Г. Собр. соч. в 3-х томах. М. 1996: III, с.23
2. Лотман Ю.М. и петербургско-московская семиотическая школа. М. «Гнозис». 1994
3. Новиков М. "И я видел мир таким" // Литературное обозрение. – 1996. - №9. - 10
4. Иванов Вяч. Цит. по: Никоненко С. Гайто Газданов – человек, писатель, критик // Литературное обозрение. – 1996. - №9-10
5. Газданов Г. Заметки о Эдгаре По, Гоголе и Мопассане // Воля России, 1926. - 5/6
6. Хлебников В. Творения. Перед войной. Электронная публикация –РБВ, 1999. 2003. С. 570

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ НА НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ф.Ф. Насибуллина

Казанский государственный университет

Современная реклама как продукт научно-технического прогресса общества выполняет ряд значимых функций в сфере массовой коммуникации, в связи с чем в последние десятилетия реклама является объектом внимания многих ученых.

Языковые средства в рекламе содержат стимул – призыв к покупке. Она не только описывает вещи, сообщает необходимую информацию, но и передает настроение, воздействует на внимание и нередко на память, используя при этом цветообозначения.

Роль цветообозначений становится одной из важнейших в языке рекламы. Так, А.П. Василевич подчеркивает, что «потребителю мало просто увидеть рекомендуемый цвет. Цвет – это своеобразный товар, который трудно продать без упаковки. А «упаковка» цвета – не что иное, как его название» [1; 64]. А.Векбиция подчеркивает, что категория «цвет» как таковая не универсальна и средством ее формализации в большинстве случаев выступает лексика со значением качества, представленная, прежде всего, прилагательными, тогда как «видение» – универсальное человеческое понятие. Роль понятия «цвет» весьма ограничена в человеческом общении. Универсальным является различие между «темнотой» и «светом» [2; 233].

Целью данной статьи является рассмотрение цветовой семантики в системе текстов, рекламирующих «жилые» («интерьер», «аксессуары»).

Восприятие цвета у каждого народа имеет специфические черты. Это касается как самой системы восприятия, так и системы цветообозначений. Многозначность и многофункциональность каждого цвета как при номинативном обозначении широкого круга реалий, так и в использовании его в этикетно-символическом плане, привела к установлению иерархии цветов. Как было выяснено учеными на материале разных языков, базовые цветовые термины в разных языках колеблются в пределах 6-12 цветов: белый, черный, красный (которые составляют «классическую» цветовую триаду), синий, зеленый, желтый, коричневый, серый, розовый, оранжевый, фиолетовый. Основными значимыми цветами в языках являются: в русском языке 12 основных цветоименований – белый, черный, красный, синий, зеленый, желтый, серый, коричневый, голубой, оранжевый, розовый, фиолетовый. А в немецком языке их 11 – weiß, schwarz, rot, grün, braun, grau, gelb, blau, violet, orange, rosa (Hä), т.к. для цветов «синий» и «голубой» существует лишь одно слово «blau». Следует заметить, что в рекламных текстах немецкого языка часто употребляются пастельные, нейтральные тона, самым употребительным цветом выступает «белый» «Weiß als Wohnfarbe? Warum nicht? Weiß bringt frischen Wind und macht Heiterkeit zum Stils» [12; 34]. В некоторых рекламных текстах встречаются такие оттенки «белого» – «wolkenweiß» – «белый как облако», «schneeweiß» – «белый как снег». Например: «Blau und Weiß sind ein schönes Paar. Wand und Boden bilden ein Umfeld für die wolkenweiße Einrichtung» [14; 14]. «Das Geheimnis skandinavischen Wohnens: viel Weiß und lichten Pastellönen» [14; 23] – «Секрет скандинавской жизни: максимум белого и светлых пастельных тонов».

При рассмотрении рекламных текстов на русском языке, мы выявили, что яркие цвета, такие как «красный», «розовый», «оранжевый», «желтый» преобладают над «голубым», «синим», хотя «белый» цвет употребляется в рекламе часто, как и «красный». «Многие привыкли ассоциировать желтый цвет исключительно с теплом и уютом, так что для спальни это именно тот оттенок» [6; 102] или «Цветастый ковер и розовый комод – сразу видно, что хозяйка квартиры, девушка неординарна!» [7; 83].

Надо отметить, что имеют место сложные прилагательные, которые точнее раскрывают оттенки того или иного цвета («hellblau» «светло-синий», «himmelblau» «цвет неба», «zartblau» – «нежно-голубой»). Например: «Все оформлено в стиле Средиземноморья, белое небесно-голубых оттенков» [9; 128]. «Полупрозрачные, выгравированного темно-синего цвета, отделанные хромированной сталью, аксессуары для ванной комнаты не отличить от стеклянных» [5; 96]. В немецком языке: «Zartblau und Hellgelb bieten in diesem Raum das passende Kontrastprogramm» [13; 28] – «Нежно-голубой и светло-желтый создают в этой комнате подходящий контраст». «Das Himmelblau der zart gestreiften Bordüre passt gut zum Massivholz des Waschtisches» [13; 32] – «Голубые (или небесно-голубые) бордюры так хорошо подходят для ванной».

Как показывает материал, наиболее употребительной становится колоративная лексика с переносным значением, что способствует более точному определению того или иного цвета. Например, «Для спальни незаменимой вещью станет мягкий коврик. Он так напоминает зеленый газон, что ходить по нему без тапочек – одно удовольствие» [8; 74]. В этом случае словосочетание «зеленый газон» передает как цвет вещи, так и качество товара, т.е. «мягкий». «Кровать, как и постельные белье сочных оттенков, напоминает фруктовый напиток» [9; 128]. «Фруктовый напиток» ассоциируется у покупателя с яркими цветами. В немецком языке «Hier scheint die Sonne das ganze Jahr über. Dieses Wunder vollbringen die gelbe Vorhänge...» [15; 19] (Здесь круглый год светит солнце. Этому чуду способствуют желтые занавески...). Выражение «das ganze Jahr scheint die Sonne – светит солнце круглый год» дает покупателю понять, о каком именно цвете идет речь. За счет этого реклама делается образной, запоминающейся, входящей в сознание и вещь осознается как партнер коммуникации. «С наступлением холодов особенно приятно будет отдохнуть в «солнечной гостиной» [6; 102]. В немецком языке: «Der Name verrät es: Im Himmelbett "Arkadia" schläft man paradiesisch» [13; 33]. – «Название говорит само за себя: на кровати небесного цвета «Аркадия» спится, как в раю».

Надо заметить также, что нередко реклама строится с помощью вопросительных предложений. Покупатель, увидев или прочитав вопрос, стремится получить ответ на него и обращает внимание на рекламный текст. «Черно-белое сочетание: что может быть проще и при этом эlegantное? Пора устроить «контрастный душ» своему дому» [4; 74]. В данном случае выражение «контрастный душ» применяется не к лицу, а к дому, неодушевленному предмету, тем самым усиливается воздействие на покупателя. «Считаете белый диван слишком непрактичным? Не отказывайте себе в этом белоснежном удовольствии: ведь съемный чехол так легко постирать!» [10; 16]. «Sie mögen Kontraste? Dann sind Sie hier richtig: Vor allem der schwarze Tisch und Boden setzen spannungsvolle Akzente» [11; 8]. («Вам нужны контрасты? Тогда Вы на правильном пути: черный стол и пол расставят акценты»). «Haben Sie mal Lust auf etwas Neues? Wie war es mit Möbel in Weiß? Die passen immer» [15; 11].

Воспринимая цветовые оттенки, мы получаем возможность придавать собственному цвету дополнительные нюансы, которые относятся не столько к физической характеристике цвета, сколько к его психологическому корреляту. Так, белый, как правило, символизирует чистоту, невинность, добродетель, а в христианской традиции – божественный свет. Однако белый цвет может иметь и противоположное значение, ассоциируется с пустотой, молчанием. Парадоксальным образом значение несертифицированности, отсутствия торговой марки ему также свойственны [3; 85].

Если говорить о мебели (столе), то ее цвет имеет не последнее значение, особенно для психологического настроя к работе или же отдыха. Например, «коричневый» – самый подходящий и уважаемый цвет. Он не утомляет и создает рабочее настроение, способствует сосредоточенности. «Черный» – помогает серьезным делам. Но находиться за таким столом можно не более 2-3

часов, иначе будете быстро утомляться. «Серый» – вызывает депрессию. За ним отдельно оформите бумаги, но вряд ли вас посетят новые дерзкие и смелые идеи. Что касается «белого», то он способствует творчеству. Но планомерно и точно оформить эту гениальную идею за светлым столом будет сложно.

Таким образом, можно сказать, что в рекламных текстах значимую роль играют не только собственно цветообозначения, но и их коннотативные варианты, позволяющие передать оттенок значения, которое в целом воздействует на память, внимание покупателя и его чувства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Васильев А.П. Цвет и названия цвета в русском языке / А.П. Васильев. - М.: 2005г. – 216с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 441с.
3. Маслова Н.А., Николаева Т.М. Русская цветопись и ее эквиваленты в немецком языке. // Сравнительное изучение различных языков: научный и методический аспекты // Том 1. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. - Чебоксары, 2006 - С. 85-88.

ИСТОЧНИКИ:

4. Журнал «Глория» №16 – 2007г.
5. Журнал «Добрые советы» №7 – 2006г.
6. Журнал «Лиза» №46 – 2006г.
7. Журнал «Лиза» №49 – 2006г.
8. Журнал «Лиза» №50 – 2006г.
9. Журнал «Лиза» №22 – 2007г.
10. Журнал «Икса» 2007г.
11. Die Zeitschrift «Brigitte» №19 – 2004.
12. Die Zeitschrift «Neues Wohnen» №1 – 2003.
13. Die Zeitschrift «Neues Wohnen» №2 – 2003.
14. Die Zeitschrift «Neues Wohnen» №7 – 2003.
15. Die Zeitschrift «Neues Wohnen» №1 – 2004.

РОЛЬ ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТОВ В ОСМЫСЛЕНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОПРОСТРАНСТВА ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СОДЕРЖАНИЯ.

А.М. Туреханова, Г.Д. Ажибекова

Казахский Национальный технический университет им. К. Сатпаева

Понятия «первичных» и «вторичных» текстов пришли в прикладную лингвистику текста из информатики (теории научно-технической информации),

где признак первичности/вторичности является основанием классификации информационных документов. Вторичными считаются различные виды текстов, созданные путем преобразования исходного – базового текста. К вторичным относятся такие виды текстов, как поисковая аннотация, библиографическое описание, аннотация, реферат, перевод и рецензия.

Объективные данные современной науки говорят, что модель работы сознания и принципы восприятия окружающего мира согласованы с действительностью. Органы чувств и сознания, образующие систему восприятия человека, в полной мере приспособлены и соответствуют его окружающему миру. Они действуют по тем же законам и принципам, которые управляют событиями и явлениями окружающей действительности.

Изученный нами массив литературы по данному вопросу привел нас к мысли, что проблема технического отображения окружающего мира в границах текста не может решаться в современных условиях в отрыве от новых течений лингвистической мысли и, в частности, вне таких перспективных направлений, как когнитивная лингвистика и лингвокультурология и одной из базовых категорий их понятийного аппарата «концепта». Опора на концепт при освоении технической картины мира представляется вполне обоснованной и правомерной. В понимании концепта мы придерживаемся определения Е.С. Кубряковой, согласно которой концепт – это «инертивная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [3, 90-92]. Таким образом, понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления и отражает содержание его опыта и знания, приобретаемые им в процессе познания мира. Из такого понимания концепта вытекает, что концепт-термин – это свернутый текст одного конкретного артефакта, а любой учебный технический текст – это множество концептов, репрезентирующих, заключенный в субконцепте смысл. Усвоить некий смысл – означает «построить некоторую структуру из имеющихся концептов в качестве интерпретаторов или анализаторов рассматриваемого концепта» [5, 102].

Опираясь на концепцию И.Р. Гальперина [2, 27] о видах информации отметим что, в рассматриваемом нами случае тексты прагматического характера несут в себе содержательно - фактуальную информацию. Суть ее заключается в том, что единицы языка в ней употребляются в их прямых, предметно-логических значениях. Свойства технического текста – системность, устойчивость и регулярность связей, отсутствие экспрессии, установка на объективность описания – делают возможным адекватное восприятие реального фрагмента железнодорожной картины мира. Под концептуальным пространством технического текста, мы понимаем, содержательно-функциональную, структурно оформленную информацию, обнаруживаемую и осмысливаемую в терминах концепта и концептосферы конкретного предметного материала.

Процесс овладения иностранным языком органически связан с процессом усвоения этносоциокультурного «багажа» народа. Изучение иностранного языка – это не только умение читать, правильно говорить, но и владеть

концептами носителей изучаемого языка в сфере своей профессиональной деятельности. Осмысление текста нами понимается как присвоение опыта, накопленного иной культурой, внедрение его в сознание и что самое важное – это трансформировать и перенести понятию информацию в необходимые действия. Если под концептами понимать единицы ментального лексикона, возникающие в процессе «восприятия мира органами чувств, предметной действительности человека, мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами, из языкового общения, путем сознательного познания языковых единиц» [6, с. 40], то текст является вербализованным концептом в виде языковых знаков по всем правилам грамматики продукта определенной национальной культуры и произведением, которое может «говорить» со студентами даже через века, а каждый из обучаемых имеет право по-своему интерпретировать события, изложенные в тексте-концепте, в зависимости от интеллектуального развития и эмоционального настроя. Предоставляя преподавателю и студентам огромное разнообразие подходов к изучению концепта, вместе с тем, дает возможность лингвисту разработать некоторую систему упражнений, создавая базу для начального унифицированного анализа концепта и сглаживая разницу в фоновых знаниях студентов» [7].

Простудированный нами массив когнитивной литературы по приобретению, преобразованию, представлению, хранению, извлечению из памяти знаний и когнитивным моделям обработки информации позволил нам выделить следующие виды когнитивных действий по осмысленному восприятию и их долговременному хранению в памяти:

- 1) вычленение основных концептов-терминов текста;
- 2) категоризация концептов-терминов, т.е. распределение, группирование выделенных концептов-терминов по классам, группам, рядам на основе определенных общих признаков;
- 3) установление сходства, подобия или противоположности в определенных отношениях концептов-терминов в целях их различения;
- 4) распределение концептов-терминов в различной последовательности, в зависимости от их объема, упорядочение концептов-терминов по времени и в пространстве;
- 5) установление взаимного расположения, определенного порядка концептов-терминов, т.е. иерархическое структурирование терминов-концептов;
- 6) вербально-графическое структурное перекодирование концептов-терминов текста в основных чертах;
- 7) устное воспроизведение третичного текста на основе вторичного, создаваемого на базе исходного.

Когнитивное понимание следует считать состоявшимся в том случае, если реципиенту в результате выполнения некоторых познавательных действий и операций удалось (с той или иной степенью полноты) воссоздать в своей сознании, содержащуюся в тексте, мыслительную ситуацию.

Предлагаемая модель осмысления текста основывается на следующих допущениях: мыслительные процессы есть оперирование знаниями, в ходе

которого рождается некоторое новое мыслительное образование, призванное самому субъекту уяснить для себя фрагмент картины мира, содержащийся в тексте; основными единицами, в рамках которых структурируются знания, или способами их представления, являются при этом фрейм и другие схематические изображения. Процесс концептуализации, т.е. осмысление текста, разворачивается в ходе конструирования схемы. Схематическое конструирование терминов-артефактов приводит к образованию определенных представлений о том или ином фрагменте технической картины мира в виде концептов. В тоже время знания о мире хранятся в обобщенной категориальной форме. Схематизирование текста делает процесс концептуализации текстового пространства структурным процессом, так как информация состоит из единиц терминов-понятий, в котором каждый последующий термин является продолжением предыдущего, то их вербально-графическое конструирование упорядочивает, интегрирует их в группы, категории, так что сходные объекты относятся от исходных. При этом понятия упорядочиваются в «иерархии понятий», т.е. осуществляется логическая и иерархическая последовательность смыслового пространства текста. Вербально-графическое конструирование текста-концепта организует мышление, способствует удержанию смысла, фиксирует в памяти усваиваемые термины, обеспечивает мыслекommunikation. Вербально-графическое структурирование делает несостоятельную теорию проб и ошибок. Таким образом, перевод конкретного текста-концепта в схему требует глубокого и всестороннего анализа текста, в ходе которого выявляются все значимые объекты и логические связи и отношения, подлежащие изображению. Работа над текстом завершается созданием третьего текста, т.е. его устным воспроизведением.

В сущности вербально-графическое перекодирование концепта-текста есть не что иное, как создание вторичного текста на базе исходного в виде фрейма. Вторичными в лингвистике, лингводидактике и методике преподавания иностранных языков считаются различные виды текстов, созданные путем преобразования исходного – базового текста, к числу которых относятся: аннотация, рецензия, перевод, конспект, библиографическое описание. Проблема создания вторичных текстов на иностранном разработана в работах А.А. Вейзе [1]. Однако в его исследованиях текст не рассматривается в рамках концепта, так как это направление в лингвистике появилось сравнительно недавно. Кроме того перекодирование концепта-текста в вербально - графические структурированные схемы им не затрагивается вообще.

Для перекодирования конкретного текста в вербально - графические схемы необходим глубокий и всесторонний анализ текста, в ходе которого выявляются все значимые объекты, их логические связи и отношения, подлежащие схемному изображению. Эффективное использование подобной системы обучения адекватному пониманию технического текста на иностранном языке потребовало пройти путь от реферирования, аннотирования, рецензирования к его визуальной структуризации в виде схематизации.

Умение схематизировать текст графически и вербально мы рассматриваем как обязательное средство обеспечения понимания. Проиллюстрируем сказанное на примере моделирования одного фрагмента текста «Aus der Geschichte der Reisezugwagen» / «Из истории пассажирских вагонов».

Eine Fahrt mit der Eisenbahn war ein großes Abenteuer. Nun konnten die Menschen fremde, weit entfernte Orte erreichen. Wer sich jedoch keinen teuren Fahrerschein leisten konnte, reiste häufig sehr unbequem. Die ersten Passagierzüge hatten drei Arten von Wagen: erste, zweite und dritte Klasse. Die Wagen der ersten Klasse waren die teuersten. Dort gab es viele Fenster, weiche Sitze und viel Platz für das Gepäck. In den preiswerteren Wagen der zweiten Klasse hatte man nicht so viele Fenster, weniger Platz. Sie waren einfacher gebaut und weniger verziert. Die noch billigeren Wagen der dritten Klasse bestanden nur aus dem Notwendigsten. Sie waren meist überfüllt und hatten oft nicht einmal Sitzplätze. Bis in die 1840er-Jahre waren einige sogar ohne Dach.

Материальная данность рассматриваемого текста такова, что она отличается обозримостью, четким выражением пределов, т.е. началом и концом и тем, что помещено между ними. Эти особенности текста демонстрируют такие важные его характеристики, как его отдельность, выделенность, семантическая самодостаточность, тематическая определенность и завершенность [4, с. 72-81].

Текст фиксирует фрагмент исторической картины предметной области «вагоны». В результате осмысления он может быть перекодирован в таблицу с графическим содержанием ячеек, образованными не только сплошными прямыми линиями. В данном графическом конструкте ячейки образованы в виде пересекающихся под прямым углом горизонтальных и вертикальных линий.

Wagenklasse / класс в.	Einrichtung / оборудование	Fensteranzahl / число окон	Platzangebot / кол-во мест	Preis / цена
1. Klasse	Komfort, geräumig, verziert	viel Fenster	viel Platz	teuer
2. Klasse				
3. Klasse				

Разбиение сложной графической информации передают относительно автономные сообщения, что значительно облегчает их восприятие и понимание. Данную схему мы называем также реляционной моделью (*lat. relatio* = отношение). Она строится на взаимоотношении составляющих ее частей. В простейшем случае она может представлять двумерный массив или двумерную таблицу, а при создании сложных информационных моделей составляет совокупность взаимосвязанных таблиц. Столбцы и строки образуют после заполнения семантическое поле осмысливаемого текстового пространства. Предлагаемая модель имеет следующие свойства: 1) Каждый элемент таблицы – это один элемент данных; 2) Все столбцы в таблице являются однородными, то есть имеют один тип; 3) Каждый столбец (поле) имеет уникальное имя; 4) Одинаковые строки в таблице отсутствуют; 5) Порядок следования строк в таблице может быть произвольным и может характеризоваться типом информации, количеством полей, количеством записей. Информация о каждом типе вагона может быть представлена изолировано, а затем соединена ключевыми словами.

Таким образом, осмысление текста развертывается в ходе конструирования схемы. Вербально-графическое конструирование текста-концепта организует мышление, способствует удержанию смыслов, приводит к образованию определенных представлений о том или ином фрагменте технической картины мира в виде концептов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вейзе А.А. Теория и практика порождения вторичного текста в курсе вузовского обучения иностранным языкам: Дис... д-ра пед. наук. - Минск, 1993.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 18
3. Краткий словарь когнитивных терминов // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. - М., 2000.
4. Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии – 2001 - №1
5. Павленко Р.И. Проблема смысла. М., 1983.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
7. Халилова Л.А. <http://www.rsuhr.ru/print.html?id=3614#18>

РОЛЬ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ ГУТО ФОН ГОФМАНСТАЛЯ

Ю.Л. Цветков
Ивановский государственный университет

Исползование игровых приемов на уровне комедиийного дискурса обусловлено наличием в пьесах известного австрийского драматурга Гуго фон Гофманстали (1874—1929) «Авантюрист и певица» (1898), «Возвращение Кристины» (1907), «Трудный характер» (1919) и «Неподкупный» (1922) темы реального общения. Двухуровневая структура диалога служит иллюстрацией мысли Гофманстали о неспособности языка как средства общения выполнять свою прямую функцию, то есть обеспечивать взаимопонимание между людьми. Недоверие к словам, произносимым людьми, должно вытекать, по мысли драматурга, из сложившейся в высшем свете традиции играть словами, вести беседу ради самой беседы, а не для передачи своих мыслей и чувств. Слова необходимы играющим для того, чтобы скрывать мысли и создавать маски и иллюзии.

Действие самой известной комедии Гофманстали «Трудный характер» происходит на званом вечере в аристократическом семействе Альтенвилей. Образ жизни собравшихся здесь людей сопоставляется с игрой по определенным правилам. Как метафора жизни знати и поведения в светском обществе в комедии появляется образ карточной игры. В пьесе есть замкнутый круг играющих, которые отделили себя от других людей и не принимают в свое общество лиц, не признающих их правила. В широком смысле — это венская аристократия, в узком — компания друзей графа Альтенвиля. Доминирующий игровым уровнем представляется в комедии дискурс. Персонажи комедии действуют мало, поэтому сконцентрировать множество проблем и идей в рамках незатейливого сюжета Гофманстали удалось с помощью изображения светских бесед на разнообразные темы. Язык общения и возможности коммуникации являются ведущими темами комедии «Трудный характер». Эти темы имеют непосредственную связь с игровыми моментами, поэтому имеет смысл сопоставить позицию Гофманстали с философскими взглядами Л. Витгенштейна.

В его «Философских исследованиях» речь идет о существовании «многих языков», обслуживающих разные сферы человеческой жизни. В основе понятия «языков-игр» лежит аналогия между поведением людей в играх и в различных формах социальной речевой деятельности. Нечто подобное мы наблюдаем у Гофманстали. Язык является аспектом той или иной деятельности, и его употребление предполагает определенный лингвистический контекст. Игровое обхождение со словами героев Гофманстали подчеркивает характер поведения, принятого в обществе, к которому они принадлежат. Язык является одной из важнейших игр социального поведения, так как никакая деятельность без него не обходится. В основе употребления слов в том или ином речевом контексте лежат правила, простейшая модель их использования в подобной

ситуации. Но именно в игровом характере функционирования языка кроется опасность, что речь превратится в самостоятельную игровую реальность, имеющую с действительностью мало общего. Тогда значения слов и оттенки этих значений станут далеки от реальных, а порождение смыслов будет происходить в отрыве от действительности.

В «Трудном характере» звучит речь представителей высшего общества. Здесь принято употреблять множество французских слов и выражений, а искусство вести беседу является обязательной характеристикой знати. Употребление слов служит не выражению мыслей и чувств, а скорее искусству поддержания светского разговора. Поэтому речь способствует не раскрытию характера персонажа, а созданию его маски. Слова сами начинают играть с людьми злую шутку, запутывая их. Особым недоверием к словесному общению отличается Ганс Карл Бюль — главный герой пьесы. Он сталкивается с постоянным неправильным истолкованием собственных слов, и он давно привык к тому, что для окружающих его людей слово давно уже не является средством выражения мыслей. В процессе речевого общения персонажи создают лишь иллюзию взаимопонимания. В пьесе постоянно встречаются сцены, когда комический эффект создается из-за неправильного понимания персонажами друг друга.

Антуанетта не понимает, о чем говорит Ганс Карл, она почти не слушает его и не хочет вникать в смысл его слов. Однако она безошибочно угадывает даже то, в чем сам герой ещё не решает себе признаться. При этом ясно, что Антуанетта руководствуется не речами, а, по-видимому, нюансами поведения собеседника. Своё суждение о словах Гофмансталь вкладывает в уста своего главного героя:

„Durchs Reden kommt ja alles auf der Welt zustande. Allerdings, es ist ein bißl lächerlich, wenn man sich einbildet, durch wohlgesetzte Wörter eine weiß Gott wie große Wirkung auszuüben, in einem Leben, wo doch schließlich alles auf das Letzte, Unausprechliche ankommt. Das Reden basiert auf einer indezenten Selbstüberschätzung“ [2: 401]. «Все на свете устраивается через разговоры. Правда, как-то смешно воображать будто, умело подобранными словами можно чего-то добиться. На самом деле все в жизни определяется чем-то последним, невысказанным. А все эти словеса — неприличное самоумнение, не более» [1: 226].

Действительно, в обществе, где вращается Ганс Карл, светские беседы являются первичной и самой важной сферой деятельности: во время них решаются серьезные вопросы, заключаются сделки, оказывается влияние на политику, заключаются соглашения о браке или его расторжении. Кажется, что искусство разговора делает этих людей всемогущими. Однако это иллюзия, о чем свидетельствует масса недоразумений, происходящих в этот вечер у Альтенвильей. В итоге все в жизни определяется высшей необходимостью, она и есть то «последнее, невысказанное», о чем говорит Ганс Карл. Словесные игры обманывают людей, так как в самой природе языка заложено, по мнению Гофмансталь, это несоответствие означаемого означающему, которое делает слова далекими от реальных.

Многословность свойственна самым незначительным, заурядным или подвергающимся осмеянию персонажам. Чем значительнее действующее лицо, чем богаче его внутренний мир, тем меньше его доверие к словам. Такие герои чаще всего характеризуются с помощью невербальных средств передачи информации, в при построении диалога особая роль отводится ремаркам: «Hans Karl schweigt» (355), «Hans Karl lacht» (369), «Hans Karl nickt» (369). Ремарки заменяют собой реплики. Они располагаются между многословными тирадами Стани. Когда же герой начинает говорить сам, то его речь представляется короткими замечаниями, иногда он произносит лишь междометия. Логика «обратности» раскрывается в том, что Стани и Нойхоф, прекрасно владеют своей речью, умеют говорить с пафосом и употреблять цветистые словесные хитросплетения. Они — мастера светских бесед — не могут производить на людей такое сильное впечатление как Ганс Карл. Стани поэтому хочет быть похожим на дядю: «Das bewundere ich ja so an dir: du redest wenig, bist so zerstreut und wirkst so stark» (353). «Вот это меня в тебе и восхищает: ты говоришь мало, так рассеян. Но производишь сильное впечатление» (177).

Речь Нойхофа насыщена и полна всевозможных сравнений и возвышенных тирад, он не только терпит Елену, но становится отверженным всеми представителями аристократической компании. Елена отвечает на его длинные реплики сдержанными замечаниями, иногда молчаливым. По её неречевому поведению понятно, что ей неприятно общество назойливого барона. Как важная хозяйка и светская дама она выдает свое несогласие с Нойхофом лишь немногословностью и жестами. Барон истолковывает её поведение как проявление влюбленности в него. В манере общения раскрывается глубокое сходство Ганса Карла и Елены. В финальном диалоге, когда по правилам классической комедии должно произойти объяснение в любви, оба героя испытывают трудности, пытаясь высказать, что у них на душе. Оба возмущены, сами себя перебивают, не могут подобрать нужные слова. Слова не предназначены для выражения настоящих чувств, сущность языка игровая. Достаточно обратить внимание на реплику Елены, которая хочет объяснить Гансу Карлу причину его возвращения к ней:

«Helene mit einem vollen Blick auf ihr: Sie sind wiedergekommen, weil — ja! es gibt das! gelobt sei Gott im Himmel! Sie lacht Aber es ist vielleicht schade, daß Sie wiedergekommen sind. Denn hier ist vielleicht nicht der rechte Ort, das zu sagen, was gesagt werden muß — vielleicht hätte das — aber jetzt muß es halt hier gesagt werden» (428). «ЕЛЕНА (глядя ему прямо в глаза). Вы вернулись потому... Да! Так оно и есть! Слава тебе, Господи! (Смеется.) А ведь даже немного жаль, что вы вернулись. Ведь тут, пожалуй, не самое подходящее место, чтобы сказать, что должно быть сказано... может, лучше бы было... нет, теперь придется говорить это здесь...» (251).

Постепенно Елене удается прояснить для Ганса Карла его собственное состояние и открыть ему свои чувства. Однако традиционная фраза о любви так и не произносится. Это и есть то «последнее, что нельзя высказать». Герои без слов угадывают чувства друг друга. Беспомощность языка как выразительного средства, невозможность устроить какое бы то ни было серьезное дело

«разговорами», как это всегда было принято в свете, и игровая сущность салонных бесед подчеркивается безнадежностью мероприятия, порученного Гансу Карлу. Он должен был вернуть Антуанетту мужу, а Елену убедить выйти замуж за Стана. Однако словами он не повлиял ни на одну из героинь. Обе увидели нечто другое, невысказанное, то, что не поддается словесному выражению — его настоящие чувства к Елене, проигнорировав пустые, ставшие ненужными речи, сумев отличить игру от реальности.

Игровое поле комедии Гофманстала «Трудный характер» можно назвать дискурсивным. Субъектом игры выступает высший свет, представляющий собой замкнутый круг игроков, оберегающих свое объединение от вторжения людей, играющих в другие игры, либо нарушающих правила игры. Особая роль принадлежит игровым присамам на уровне интриги. Это в первую очередь мотивы случая и высшей необходимости. Они — движущие силы всего происходящего и имеют значение не только, когда речь идет о браке. В комедии «Трудный характер» они тесно связаны с темой общественной. Их наличие переводит игровые отношения на новый уровень — вселенской игры, в которой люди являются объектами, независимо от их намерений, воли и общественного положения. На игровой характер жизни венской знати указывает мотив игры в карты, выступающей как метафора светской жизни. Игра присутствует в комедии как жизнетворчество: в пьесе имеется образ авантюриста, вечноного игрока. Проблема брака решается в процессе противопоставления Антуанетты Гехинген её мужу, а также Елене Альтенвиль — героям, созданным для брака, с которыми связано действие высшей необходимости.

Несколько игровых приемов участвуют в создании образа главного героя комедии, выражающего авторскую позицию. Во-первых, это наличие пародии на него — персонажа клоуна Фурлани. Во-вторых, это маска внутреннего состояния. Показ конфликта в душе героя осуществляется с помощью игровых приемов на уровне невербальных средств передачи информации. Игровое начало в некоторых сценах способствует созданию комического эффекта. Основная особенность комедии «Трудный характер» состоит в том, что игра становится её содержанием, важные проблемы решаются в процессе противопоставления игры на уровне социальном игре космической, а также игры — серьезности. Можно говорить о своеобразном дискурсивном игровом поле комедии. «Трудный характер» имеет характерные признаки интеллектуальной разговорной пьесы. Идею содержания и структурно-стилевая цельность её обеспечиваются игрой, поэтому пьесу можно отнести к жанру интеллектуальной комедии игры.

Рассматривая драматургическую традицию Австрии как игровую и вычленив в ней в качестве структурирующих моментов специфику организации игровых действий, можно сделать вывод, что в австрийской литературной традиции игровая деятельность являлась одним из существенных факторов формирования одной из наиболее отличительных черт австрийского менталитета и австрийского народного театра. Игра как способ бытия в мире предоставляла человеку свободу: преодолевая рамки деструктивного начала и

заданной повседневности, игра создала возможность взаимной трансформации человека и мира, что позволило человеку сыграть самого себя и сохранить свою индивидуальность, не сводимую к сумме фиксированных ролей. Так было в венской народной комедии, пьесах Ф. Раймунда, И. Нестроя, Г. фон Гофманстала и А. Шнишера. Основная функция игрового начала в рассмотренных драмах венского модернизма заключалась в моделировании реальности и создании условий для жизнетворчества. Игра преодолевала мировоззренческие «ступени» философствующего персонажа, спасала от распада личности героя — прожигателя жизни, укрепляла любовные узы непримиримых ранее оппонентов, восстанавливала утраченную любовь и способствовала заключению счастливых браков.

Неподдающаяся никаким обстоятельствам игровая ситуация выводила персонажей в пространство свободы посредством игрового дискурса. Основой его стала эмпатичность, то есть развернутость к другому персонажу, умение почувствовать его состояние и настроение. Этот психологический конформизм или душевная мягкость обусловили существование игрового дискурса в австрийской драматургии. Открытость сознания и взаимность отношений становятся новой человеческой возможностью для осуществления языковой игры, ставшей источником драматического конфликта, его развития и разрешения. Драматический дискурс предстал как особый процесс (диалог как событие), создав замкнутую и относительно автономную систему, в которой на первый план выходит общение как переживание. Комедийное творчество Гофманстала превосходит понимание языковой игры в философских обобщениях Л. Витгенштейна, для которого языковая игра не ограничивается лишь речевой практикой, а разворачивается в ситуациях более значительных, чем словоупотребление. Это обстоятельство сходно также с представлениями о языковой игре как модели дискурса в постмодернистской концепции М. Фуко.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гофмансталь Г. фон. Трудный характер / Пер. Н. и Д. Павловых // Гофмансталь Г. фон. Избранное. М., 1995. (Далее цитирование по этому изданию с указанием страницы в скобках).
2. Hofmannsthal H. von. Der Schwierige // Hofmannsthal H. von. Dramen IV. Lustspiele. Frankfurt a. Main, 1986. (Далее ссылки по этому изданию с указанием страницы в скобках).

СЕКЦИЯ 2. ЛИНГВИСТИКА В НАЧАЛЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

ЯЗЫК В АСПЕКТЕ СЛОЖНОСТИ

Л.В. Бронник

Кубанский государственный университет, Краснодар

В январе 2000 года известный физик, лауреат Нобелевской премии С. Хокинг написал: «Я думаю, что следующие сто лет станут веком сложности» [цит. по 3; 3] (перевод наш – Л.В.). Эти слова выражают главную тенденцию в современной науке, как естественной, так и гуманитарной, – изучать реальность в ее естественном, сложном виде. Центральным понятием в таком взгляде на феномен как объект научного исследования является сложность. Прежде всего, следует различать *онтологическую* и *эпистемологическую сложность* [4; 9]. Первое понятие связано с эволюционными природными процессами, в результате которых возникли сложные структуры. Второе определяет ограниченность наших возможностей в познании таких феноменов – «сложный» значит «трудный для познания».

Сложность есть сложное понятие. Подобная дефиниционная тавтология очень точно отражает состояние теории сложности в современной науке. Трудно спорить с утверждением, что понятие сложности, претендуя на трансдисциплинарность, должно опираться на критерии, независимые от дисциплинарных пристрастий. Но подобрать универсальный ключ к сложным явлениям пока не удалось. В первую очередь, потому, что любые аналитические решения проблемы заведомо обречены на неудачу. Сложное неотъемлемо от целого, а значит при раздвинении системы на части, компоненты, отношения, стороны и т.п. от нас ускользает его холистический смысл. Его невозможно полностью воссоздать путем обратного логического синтеза, поскольку сложная система не тождественна алгебраической сумме ее составляющих. Еще совсем недавно, когда научный прогресс двигался под знаменем простоты, в этом месте можно было бы поставить точку. Сегодня познавательная реальность принципиально иная. В дополнение к статическому (структурному) пониманию системной сложности пришло осознание сложности динамического бытия систем. У ученых появилась возможность описывать и объяснять *сложное поведение целого*. В их распоряжении предоставлен универсальный метаязык синергетики, продолжающей традицию системных исследований, но применительно к процессам развития, самоорганизации систем любой природы.

Что предлагалось классическим системно-кибернетическим подходом? Система есть объект, состоящий из частей, связанных различными отношениями. Сложная система представлена иерархией систем, или подсистем. Множество частей системы на некоем начальном уровне – роль

фундаментального уровня традиционно отводится физическим системам – определяют поведение какой-то части системы следующего, более высокого уровня. Этот принцип организует системы второго, третьего, ... n-го уровня [5; 40]. На вершине этой природной иерархии находятся социокультурные системы. Сложность, таким образом, есть результат длительных эволюционных процессов. Последовательность возникновения основных организационных уровней – физического, биологического, психического, социального, культурного – отражает возрастание степени их структурной сложности.

Отношение к языку как системе систем оправдано с позиций универсального эволюционизма. Система языка не может быть противопоставлена природному миру, потому что она – его часть, продукт коэволюции биологических, психических, социальных и культурных систем. С вершины иерархии языковую систему следует воспринимать как сложную реальность, в которую, помимо основных уровней, входит n-е количество подуровней, связанных отношениями включенности и подчиненности. Далее, на каждом уровне иерархической организации присутствует множество однородных и разнородных компонентов (количественная и качественная меры композиционной сложности). К примеру, на биопсихическом уровне многообразие языка выражается в разных вариантах диалектов, на социальном – в социальных разновидностях (стилях, жаргонах, сленгах, арго и т.п.), на культурном мы различаем национальные варианты.

Эту сложную архитектуру поддерживает в единстве не менее сложная система связей, структурирующая язык, как по вертикали конструкции, так и по ее горизонтали. Каждый компонент самодостаточен и относительно автономен с функциональной точки зрения. В то же время он, взаимодействуя и кооперируясь с другими системами, может входить в несколько структур более высоких уровней. Социолекты чаще всего представлены множеством систем типа «коммуникант + коммуникант», для которых интегральными характеристиками могут выступать социально-статусные, возрастные, гендерные, профессиональные и иные параметры. На макросоциальном уровне различные социальные микрогруппы интегрируются в национальное сообщество, целостность которого обеспечивается системой общенационального языка, запечатлевшего коллективный культурный опыт нации.

Статическое описание языка как морфологически сложной системы должно быть дополнено моделированием его сложной динамики. Сегодня уже мало найдется ярых противников постулата об абсолютности движения и относительности покоя. Статика системы – это лишь «островки порядка и стабильности» в «океане хаоса и неустойчивости». Язык не только сложно устроен, но и не менее сложно ведет себя в среде. Рассмотрим некоторые аспекты сложности, проявляющиеся в динамике языка.

Если система замкнута, то она лишена возможности приспосабливаться к изменениям среды. Принимая во внимание многочисленные факты адаптивной способности языка, можно с полной уверенностью сделать вывод о его

открытости. Система языка вступает в различные отношения со средой, подвергаясь ее воздействию и влияя на нее сама. Приведем пример из исторической плоскости языка, наиболее изученной в плане языковых изменений. Так, для современной «среды обитания» любого языка характерна высокая вероятность контактов с другими языками. В результате этих взаимодействий, известных как процессы пиджинизации и креолизации, рождаются новые языки-гибриды. Их специфика проявляется на всех уровнях языковой системы – фонетическом, лексическом, грамматическом [1; 42–46]. Для того чтобы сложившиеся нормы языка начали расширяться, существенно степень взаимодействия двух языков (типологическая близость языков, число говорящих, географическая близость, длительность и интенсивность контакта и др.). Похожая ситуация наблюдается в условиях билингвизма, когда языковая интерференция двух языков (родного и официального) приводит к появлению новой языковой системы – смешанного языка.

Между языком и средой (в широком смысле – все, что не входит в систему, находится вне ее границ) устанавливаются отношения взаимодетерминации, причем язык соприкасается со средой в каждой точке своего внутреннего пространства, на любом уровне иерархии. С одной стороны, среда оказывает постоянное давление на язык, вызывая в его внутреннем пространстве возмущения поступающими из нее вещественно-энергетическими и информационными потоками, и чтобы «выжить», язык должен приспосабливаться к изменчивости среды. А с другой стороны, процесс воздействия имеет и противоположную направленность – от языка к среде. Из языка в среду поступают вещество (материальный, звуковой или графический, субстрат языковых смыслов), информация (содержание языковых структур) и энергия (их психоэмоциональный заряд). В свою очередь поток этот вызывает изменения в среде. Далее начинается новый цикл, новый этап балансирования на грани порядка и хаоса, и так до бесконечности. В цикличности языковых процессов проявляется сложный характер его эволюции, движимой за счет круговоротов ресурсов.

Безусловно, язык движется во времени, при этом в языковой системе присутствуют структуры различного возраста, скорость развития которых также различна. К самым древним языковым образованиям относят фонологию, гораздо моложе грамматические категории. Намного быстрее происходит обновление лексической системы языка за счет преобладающего количества номинативных единиц, напрямую связанных с социальной средой и чутко реагирующих на ее изменения. Синтаксическая конструкция конкретного предложения существует в период от нескольких секунд до нескольких минут, т.е. в основном столько, сколько этого требует его воспроизводство органами речи. Процессы же его самоорганизации на глубинных уровнях сознания протекают столь быстро (за миллисекунды), что мы даже не в состоянии их заметить.

В свою очередь, использование языка в режиме реального, дискурсивного времени играет существенную роль в самоорганизации системы: через использование элементов в производстве речи, позиция этих элементов в

языковой системе усиливается. Тем самым, находясь на переднем крае языковой активности, дискурсивное пространство-время служит испытательным полигоном для языковой системы в целом, обеспечивая в нее приток новых, более адаптированных к изменившейся социальной среде форм. Такой подход объясняет, например, постепенное перемещение на периферию языковой системы, а затем и полное стирание из коллективной языковой памяти одного или нескольких поколений устаревших и архаичных слов, словосочетаний, грамматических форм, синтаксических конструкций. Не отвечающие более актуальным нуждам коммуникации структуры языка становятся его историей. Это говорит о том, что изменения в языке могут происходить параллельно в нескольких масштабах времени, оказывая друг на друга взаимное влияние. В этом заключена еще одна грань динамической сложности языка.

Сложность языковой динамики проявляется и в отсутствии единого сценария развития событий. Генерируемые внутренние изменения, свидетельствующие об энтропизации (росте беспорядка), могут не закрепляться в языковой системе, и тогда она благополучно вернется в состояние относительной устойчивости, к исходной структуре-аттрактору. Большинство новых знаковых форм и их комбинаций, возникающих в процессе дискурсивной деятельности субъектов, бесследно исчезают, рассеиваются в среде. Окационализмы не сохраняются в культурно-языковой памяти народа благодаря антиэнтропийному (направленному на упорядочение) действию языковых форм.

Может случиться так, что какие-либо флуктуации (колебания, изменения параметров системы) получат подкрепление со стороны среды как наиболее адекватные для установления внешнего баланса. Это приведет к их кооперации и одновременному подавлению остальных, не прошедших через «сито» отбора. Язык войдет в критическую зону, или зону бифуркации, как говорят синергетики. Наступит момент (точка бифуркации) выбора пути его дальнейшего развития. У системы языка всегда есть как минимум две альтернативы (бифуркация – расщепление на два), но предсказывать, какая из них будет реализована, можно лишь с вероятностных позиций, поскольку все решит Его Величество Случай. Когда это произойдет, в языковой системе вновь установится порядок, но это будет уже порядок в новом качестве, определяемом новым аттрактором. Движение системы от хаоса к порядку является, по сути, самоорганизацией, ведь процесс упорядочения не контролируется внешней силой.

Подобная ситуация наблюдается в языковом пространстве российского общества с 1990-х гг., когда были открыты границы, и в нашу жизнь хлынул поток незнакомых прежде реалий. Лексическая система русского языка пошатнулась под мощным натиском заимствований, в первую очередь, англоязычного происхождения. Мы сейчас наблюдаем явление языковой бифуркации, когда конкурируют несколько способов выражения одного и того же смысла, например, *амидж* – образ, *паркинг* – стоянка для автомобиля, *кэмпинг* – уборка, *тинейджер* – подросток и т.д. Нет никакого сомнения в том,

что лексическая система благополучно переживет переломный момент, поскольку «современный русский язык, как, впрочем, и русский язык прошлого, - устойчивая система, которая хорошо адаптирует чуждые элементы, приспособляя их к своим лингвистическим системам и заставляя служить своим целям» [2; 178].

И, наконец, третий, наиболее драматичный вариант, - деградация языковой системы. Колебания в системе языка могут быть столь сильными, что она просто разрушится. Примеров такого исхода событий немало на всех уровнях языковой организации, начиная с морфем, переходящих постепенно в разряд непродуктивных, а затем и полностью исчезающих из словообразовательного арсенала языка, и заканчивая национальными вариантами языков, уже исчезнувшими или находящимися на грани исчезновения из мирового языкового пространства.

Итак, язык следует считать сложной системой, и сложность его многогранна. В ней, прежде всего, выделяются статический (сложность строения) и динамический (сложность развития) аспекты. Чтобы описать сложность качественных преобразований в языке необходима синергетическая модель, в которой используются понятия устойчивости и неустойчивости, флуктуации, порядка и хаоса, бифуркации, аттракторов и др. Это важно не только для того, чтобы вести летопись языка, чем традиционно занимается языковедение. Синергетическая методология дает возможность заглянуть, конечно, через «окно» вероятности, в его будущее.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Пинотровский, Р.Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. - СПб: СПбГУ, 2006. - 160 с.
2. Складаревская, Г.И. Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. - 2001. - №6. - С. 177-202.
3. Davis, B., Sumara, D. Complexity and Education: Inquiries into Learning, Teaching, and Research. - Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 2006. - 202 p.
4. Rescher, N. Complexity: A Philosophical Overview. - New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers, 1998. - 219 p.
5. Parisi, D. Complexity and Cognition // Functional Models of Cognition: Self-organizing Dynamics and Semantic Structures in Cognitive Systems / A. Carsetti (ed.). - Dordrecht, The Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 2000. - P. 38-49.

ВЫЧЛЕНЕНИЕ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ОТФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВ

Е.В. Блинова

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Этот тип отфразеологического словообразования впервые был отмечен В.В. Виноградовым и квалифицирован как семантическое сжатие [1; 55]. В последующие годы при описании данного явления использовались следующие его обозначения: семантическая конденсация, включение, компрессия, аддитивное словообразование, лексико-фразеологическая конденсация. Термин «вычленение» предпочитается нами всем остальным на том основании, что он подчеркивает специфичность процесса производства отфразеологических инноваций, возникающих без использования дополнительных материальных средств языка, как это наблюдается в традиционном словообразовании. Причем вычлененное из состава фразеологической единицы (ФЕ) слово (компонент ФЕ) передает те элементы значения, с которыми оно соотносилось в составе фразеологизма, либо конденсирует семантику производящей ФЕ.

Таким образом, вычленение представляет собой возникновение новых слов в результате смысловой компрессии производящей ФЕ и выделения из ее состава одного из компонентов, который функционирует в качестве самостоятельной лексической единицы.

В процессе вычленения наблюдается лексическая избирательность. Она проявляется в выборе главного или зависимого компонента ФЕ, а также того или иного вариативного компонента для вычленения из состава фразеологизма и лексикализации. Чаще всего (особенно в художественном тексте) преобладает вычленение грамматически опорного и семантически стержневого компонента ФЕ. Этот факт подтверждает высказанную Т.З. Чердашевой мысль о том, что в формировании значения ФЕ серьезная роль принадлежит компоненту, определяющему синтаксическую функцию ФЕ [4; 61-62]. Грамматически стержневой компонент обладает большей фразеобразовательной значимостью, и поэтому именно он фокусирует на себе значение всей ФЕ при способе вычленения.

Мы полагаем, что вычленение грамматически опорного компонента ФЕ связано с тем, что он представляет не только грамматический, но и семантический центр ФЕ. Если же семантический и грамматический центры распределены между разными компонентами ФЕ, то приоритет в вычленении отдается семантическому центру, и тогда вычленяется и лексикализуется может грамматически зависимый компонент, являющийся семантическим центром.

Приведем примеры.

На основе ФЕ предикативной структуры в результате вычленения главного субстантивного компонента образовалось существительное со словообразовательным значением «предмет или явление, представленное

мотивирующей ФЕ". Такой тип образования ОС малопродуктивен: *есть еще парох в парохалинах* → *парох*: "Нам было по двадцать, нам было по сорок. / Смокает наш парох, стареет наш парох. // Но все-таки Брут обучил нас латыни, / но все-таки жизнь – это память святых!" (Л. Леоневич. Друзьям). ОС *парох* поглощает значение производящей ФЕ 'сохранились еще силы, мужество у кого-либо для осуществления намеченной цели, преодоления различных препятствий' и накладывает дополнительный смысл, возникающий в контексте – не просто 'силы, мужество', но 'жизненные силы, талант'.

"Когда Федор, отыграв свое, уходил со сцены, режиссер шепнул, как разгневанный гусак: "Где у тебя язык? Ну-ка, покажи язык..." Федор слушал и смотрел в сторону. Он не любил этого **вынона**, но считал, что понимает в искусстве меньше его" (В. Шукшин. Артист Федор Грай). ФЕ **вертеться выноном** имеет значение 'утоливо укачивать, занкивать перед кем-либо, находится в непрерывном движении'. В. Шукшин использует не всю ФЕ, а вычленяет компонент **вынон**. Во ФЕ используется "творительный сравнения", переобращающий значение 'ненадежный и скользкий человек'.

В. Г. Печерский говорит о том, что образование слов на базе ФЕ может происходить путем семантического поглощения субстантивного компонента адекватным в адективно-субстантивных фразеологических сочетаниях. В этом случае значение фразеологизма в целом оказывается сконцентрированным в адективном компоненте, который несет наиболее полную информацию. Удельный вес его настолько велик, что отпадает необходимость в назывании второго члена ФЕ [3; 58] (ср.: *тертый калач* → *тертый*, *стреляный воробей* → *стреляный*). В таких примерах именно адективный компонент, являющийся детерминирующим, эксплицирует значение производящей ФЕ:

"Пятнадцать лет мне **исповалось** – одна на всем свете. Судомойкой работала, в лесу топором махала, чуть замуж не выскочила за человека на тридцать лет старше, а когда сюда занесло, была уже **тертай**, головой рукой не хватай" (В. Тендраков. Расплата).

Учитывая особенности преобразования семантической структуры ФЕ в целом, можно выделить структурно-семантические типы соотношения вычлененных компонентов (ОС) и производящей ФЕ:

1) семантико-грамматическая адекватность ФЕ и ОС

Указанная семантико-грамматическая соотносительность производной и производящей единиц наблюдается, например, при переосмыслении компонентов-существительных на базе субстантивных ФЕ: *крепкий орешек* → *орешек*: "Немцы открыли **пыльный огонь**. Рубеж у двух **солоек** стал для них тем **орешком**, который никак им не давался" (Галин. В одном стрелковом полку). Несмотря на полную семантическую адекватность фразеологической единицы (*крепкий орешек* → *орешек* 'что-либо трудное для осуществления, достижение'), вычленившийся и лексикализовавшийся компонент представляет собой качественно новое производное слово. Ведь акт словообразования имеет место тогда, когда производная единица номинации отличается от мотивирующей единицы не только своей семантикой, но и внутренней

организацией этой семантики и мерой эксплицированности в выражении отдельных компонентов значения [2; 72]

Фразеологический образ, будучи актуальным в ФЕ, становится в фразеологическом слове потенциальным – присутствует в лексическом значении имплицитно. Отсюда и преобразование семантической структуры: ослабление мотивировки.

2) смысловая адекватность ФЕ и ОС при их грамматическом различии

Этот структурно-семантический тип вычленения определяется тем, что ОС и производящая ФЕ имеют различную категориально-грамматическую отнесенность, но тождественное смысловое содержание. Указанный тип наблюдается при вычленении зависимого компонента из ФЕ с определенной категориально-грамматической отнесенностью и его лексикализации: "Ну... ты **суро!** – **придя**, **наконец**, **в себя**, **выговорил** я. – **Разве** можно так **разговаривать**... с такой! – **К сожалению**, она совершила несколько **непростительных ошибок!** – **Разве** такие **красавицы** совершают **ошибки?** – **Увы** – **коротко** **ответил** **Саюк**. – **А кто это**, **а?** – **оглядываясь**, **еще надеясь** **увидеть** **ее** **в последний раз**, **спрашивал** я. – **Это... мой крест**. – **Отличный у тебя крест**... **Дал бы** **немножко** **поднести!** – **Ты не справишься!** – **сухо** **ответил он**" (В. Попов. Сталь и шпак).

Вычленившийся из глагольной ФЕ нести крест ('терпеливо переносить страдания, испытания, тяжелую судьбу') субстантивный компонент переосмысливается на основе производящей ФЕ, приобретая значение, соотносящееся с частью значения ФЕ, выражаемого данным компонентом. Любовь к женщине становится для героя **крестом** – 'страданием, испытанием, судьбой'.

3) категориально-грамматическое тождество ФЕ и ОС при их семантическом различии. ОС этого типа и исходная ФЕ совпадают в категориально-грамматической отнесенности, но имеют семантические различия. Указанный тип менее характерен для вычленения как способа образования ОС: "Он будет **честен** **звосткой** **прямотою**. / **зу** не **прощая** **за его добро**, / **и там**, **где я** **перо** **бросаю**: "**Не стой!**" / – **он** **скажет**: "**Стой!**" – **и** **возьмет** **перо**. // **Он** **если** **не** **развезет**, **так** **разрубят**, / **где я** **не** **развезу**, **не** **разрублю**" (Е. Евтушенко. Зависть).

Поэт вычленяет из ФЕ **разрубить гордиев узел** со значением 'смело, сразу разрешить сложный, запутанный вопрос; быстрыми, решительными действиями – устранить, преодолеть какие-либо трудности, неприятности' глагольный компонент **разрубить**, который полностью поглощает значение мотивирующей ФЕ. В ОС наблюдается "приращение" дополнительного смысла, и образовавшееся слово приобретает следующее, более широкое значение по сравнению со значением ФЕ: 'довести до конца сложное дело, разрешить сложный вопрос'. Глагольные лексемы **развязать** – **разрубить**, различающиеся оттенками значения соответственно 'нетерпеливо, обстоятельно' – 'смело, решительно' выступают синонимически сближенными, находясь в контексте в традиционных отношениях.

Следует заметить, что наличие таких выделений связано с синтаксической особенностью глагола – переходом действия на прямой или косвенный объект и способностью к сильному управлению.

4) *семантико-грамматическое различие ФЕ и ОС*

Отличие этого типа от других заключается в том, что исходные ФЕ и ОС относятся к разным частям речи и различаются семантикой. "Если рвется глубокая связь, / боль разрыва врачуетесь солью. // Хорошо расставаться, смеясь - / над собой, над разлукой, над болью" (И. Губерман).

Отфразеологическое существительное *соль* выделено из глагольной ФЕ, имеющей значение 'усиливать страдание какими-либо действиями, словами'. На базе фразеологического значения оборота оно приобрело символический смысл, являясь символом страданий. Но в контексте проявляется окказиональная амбивалентность содержания этого слова: оно приобретает антонимическое значение 'страдания, врачующие боль'.

Рассмотренные ОС представляют собой окказиональные омонимы, а иногда семантические варианты или синонимами одноименных узусуальных слов, являющихся конституентами лексико-семантической системы языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М., 1971.
2. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.
3. Печерский В.Г. Фразеологическое сочетание и слово // Фразеологизм и слово в русском языке. Межкуз. сб. науч. тр. Ростов н/Д, 1983. С. 56-60.
4. Черданцева Т.З. Язык и его образы: Очерки по итальянской фразеологии. М., 1977.

К ВОПРОСУ О СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГЕРМАНИИ

М.В. Виноградская

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

В социолингвистическом словаре интеграция определяется как "восстановление, воспоминание, упорядочение, структурирование ранее разединенных явлений, частей целого" [1; С. 90]. Под интеграцией можно понимать результат процесса объединения и сплочения людей, а также вхождение мигрантов в социальную структуру принимающего общества, под которым может подразумеваться как страна, так и отдельный регион или даже отдельный населенный пункт (В нашем случае под принимающим обществом следует понимать Германию в целом).

По вопросам интеграции немецких переселенцев в Германию проводится множество исследований. Проблемам интеграции и адаптации этнических

немцев в Германии посвящено более 400 монографий, отдельных выпусков журналов и статей [9; 1999].

Сложность процесса интеграции отметил Метин Демиртюрк, председатель Совета иностранцев г. Дюссельдорфа (Северный Рейн - Вестфалия): "Люди приехали сюда не только для того, чтобы есть и иметь крышу над головой. Они хотят жить полноценно. А это уже гораздо сложнее. Иногда некоторые не выдерживают и возвращаются домой. Те, кому за 50 лет уже не могут устроиться на работу. А социальной помощи на жизнь не хватает. Кроме того, "не хлебом единым жив человек" [10; С. 32].

Важно отметить, что интеграции должен предшествовать период адаптации. При этом под социальной адаптацией следует понимать "процесс или результат приспособления человека к условиям новой социальной среды, проявляющийся в обеспечении условий, способствующих реализации его потребностей, интересов, жизненных целей" [4; С. 311].

Процессы интеграции, адаптации, ассимиляции в своей практической реализации тесно взаимосвязаны. Принятие или непринятие в той или иной стране иностранцев, отторжение их (или сегрегация), - влияют на степень интеграции их в новой для них стране: либо они почти полностью растворяются среди местных жителей (но таких очень мало), либо пока не могут приспособиться к жизни в Германии по многим причинам [6; С. 185].

В 1991 году число прибывших в Германию переселенцев было в 3 раза больше (61 215), чем в 2000 году (21 069), в 1995 году – в 2 раза больше (44 938). Большинство переселенцев приехали из Казахстана и России. Остальные – из разных стран бывшего СССР, а также из Польши и Румынии.

С каждым годом росла доля членов семей немецкой национальности. Если на раннем этапе переселения в начале 1990-х годов 75 % заявителей составляли немцы, владевшие немецким языком, и только 25 % - члены их семей, не обладавшие знаниями немецкого языка, то к концу десятилетия это соотношение сменилось на противоположное: 75 % переселенцев составляли члены семей, не владеющие немецким языком [5; С.177]. Были приняты меры по ограничению притока поздних переселенцев: введены квоты приема (с 1999 года – 100 тыс. человек ежегодно), ужесточены правила въезда, касающиеся в первую очередь знания немецкого языка.

Позволим себе не согласиться мнением о том, что владение немецким языком российскими немцами, действительно имеющих немецкие корни, и членов их семей связано с их происхождением, национальностью. Результаты проведенного исследования показали, что значительная часть российских немцев, являющихся потомками немцев-колонистов, владеет немецким языком плохо или вообще не владеет им ввиду различных причин. Лишь представители старшего поколения могут говорить на одном из многочисленных немецких диалектов, возникших много лет назад в немецких поселениях в России, но сильно отличающиеся от современных диалектов немецкого языка в Германии.

Российские немцы – самое крупное в Германии меньшинство. И хотя оно не охвачено статистикой, известно, что в 1950 году в Германию иммигрировало 47 тысяч человек, а уже в 1952 – только 5 тысяч человек этнических немцев из

стран Восточной Европы. В последующие 35 лет (1953-1987 гг.) в ФРГ в среднем в год приезжали 37 тысяч переселенцев. В период 1950-1987 годов 62 % переселенцев прибыли из Польши, 15 % - из Румынии и 8 % - из СССР, хотя здесь этнических немцев было больше, чем в других странах выхода [7; С. 8].

По данным Всесоюзной переписи населения к 1989 году в СССР насчитывалось более 2 млн. российских немцев. Почти половина из них (47 %) проживала в Казахстане (северные области), 41 % - в России (южные области Западной Сибири и Поволжье). Кроме этого существовали поселения этнических немцев в Киргизии (5 % от всех этнических немцев в СССР), Узбекистане (2 %), Украине (1,9 %) и Таджикистане (1,6 %).

Всего за последние 10 лет в Германию переселились 589 тысяч "наших", причем 189,5 тысяч из них через какое-то время покинули страну, отправившись на поиски счастья дальше. Рекордным иммиграционным годом для российских немцев стал 1994 год.

По данным неофициальных источников, в 2002 году в Германию насчитывалось примерно 4 млн. российских немцев, то есть численность этой группы почти в 2 раза превосходит численность турецкой диаспоры.

Чтобы содействовать ресоциализации именно российских немцев, социальным работникам Германии пришлось разработать ряд программ.

Сегодня, после 10 лет применения данных программ, их эффективность уже достаточно очевидна. Наилучшим образом зарекомендовали себя те программы, которые обеспечили тесные контакты и условия для достижения взаимопонимания. Это, например, программы совместного обучения в школе детей местных и приехавших из России; практика проведения совместных спортивно-оздоровительных и культурно-массовых мероприятий.

Для взрослых мигрантов наиболее эффективными оказались программы по изучению немецкого языка, производственное и вечернее обучение, а также программы историко-культурной ориентации. По мнению самих организаторов, менее удачными были религиозные программы [3; С.52-54].

Существуют министерства, занимающиеся этими вопросами на уровне государства и на уровне отдельных земель, мультикультурные Советы в администрациях больших городов, специальные образовательные программы и т.п. В Федеральном правительстве Германии существует должность уполномоченного по делам российских немцев, переселившихся в Германию. Проблематикой российских немцев исследователи в Германии занимаются уже более 10 лет.

В сфере интеграции российских немцев руководство Германии столкнулось с рядом не предполагавшихся заранее трудностей и до сих пор не нашло универсального решения проблемы интеграции российских немцев в германскую жизнь. По мнению многих публицистов и активистов землячества российских немцев, большая часть из них брошена на произвол судьбы и самостоятельно решает проблемы адаптации.

Вместе с тем в Германии постоянно находят новые варианты решения проблемы интеграции российских немцев. В 2000 году началась реализация

государственного проекта, направленного на индивидуальную интеграцию переселенцев. В восьми городах Германии между недавно прибывшими российскими немцами и правительством были заключены определенные "Договоры по интеграции", в которых обе стороны дают обязательства. Переселенцы обязуются активно интегрироваться в немецкое общество, работать над самообразованием, изучать немецкий язык, а государство - предоставлять переселенцам условия для успешного вхождения в жизнь Германии и указать местного жителя, который помог бы российским немцам пройти первичную адаптацию [8; С. 23].

Интеграция может считаться успешной не тогда, когда мигрантам удастся найти жилье и работу, а в том случае, если они получают возможность доступа ко всем общественным ресурсам принимающего общества и могут быть признаны этим обществом как его равноправные участники, когда они свободно ориентируются в основных правилах и нормах этого общества, не отказываясь от собственной идентичности.

Неоспоримым является одно из условий интеграции - время. В большинстве случаев этот процесс окончательно завершается через поколение. С другой стороны, длительность проживания не может служить залогом успешной интеграции, нельзя говорить о том, что время автоматически решает интеграционные проблемы. Успешность интеграции, как полагает М.С. Савоскул, "определяется возможностью полноценного участия мигрантов в общественной жизни принимающего общества, равной с местными жителями возможностью достижения высокого социального статуса" [2; С. 102].

Одна из главных трудностей - кризис этнической самоидентификации российских немцев. В отличие от прочих мигрантов в Германии они здесь "не иностранцы", они "немцы", но в большинстве случаев воспринимаемые немецким обществом как русские. То есть они уезжают из бывшего СССР немцами, а приезжают в Германию "русаками". Другими словами, российские немцы были "не русские" в России, а сейчас они "не немцы" в Германии.

Любой российский немец, получив паспорт (независимо от того, владеет ли он немецким языком или нет, вырос ли в иной культурной традиции), с точки зрения статистики, перестает считаться иностранцем в Германии. Поэтому российские немцы получают значительно меньшие суммы на адаптацию, в отличие от членов турецкой диаспоры.

Существенную роль в самоопределении российских немцев играет отношение к ним принимающего общества. Им важно, кем их считают сами немцы, в зависимости от этого они постоянно корректируют свою самоидентификацию. Трудность самоидентификации и многие немецкие исследователи считают самым существенным барьером на пути к интеграции в германское общество, преодолев который российские немцы смогут успешно пройти процесс интеграции.

К остальным менее важным причинам трудностей интеграции можно отнести следующие: трудности овладения немецким языком, проблемы с получением работы, ограниченные контакты с немцами, иные жизненные установки и ценности по сравнению с немцами, формирование негативного

образа немца.

Преодолев все трудности адаптации и интеграции и овладев немецким языком на уровне, близком к нормативному, российские немцы имеют возможность ассимилироваться в немецком обществе, что было бы идеальным, но очень редко встречающимся в реальной жизни, результатом вышеуказанных процессов. Ассимиляция возможна только в том случае, когда билингва полностью «растворяется» в принимающем обществе, перестает быть «чужаком», в совершенстве владеет иностранным языком, знает традиции и обычаи германского общества, его культуру. Когда российские немцы осознают себя полноценными членами немецкоязычного общества и делают все возможное, чтобы «влииться» в это общество с новыми правилами и условиями жизни, то можно смело говорить об успешной их интеграции.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Краткий словарь по социологии. – М., 1989. – С. 90
2. Савоскул М.С. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации (по итогам исследования российских немцев в регионе Нюрнберг-Эрлаген) // Этнографическое обозрение. – № 4. – 2004. – С. 97-113.
3. Самара Г. Социокультурная адаптация мигрантов в Германии // Alma Mater ("Вестник Высшей школы") – 2006. - № 1. – 1 апреля. – С.52-54.
4. Социологический справочник. – К., 1990. – С. 311
5. Переселенцы в зеркале закона о миграции // Контакт. 22 марта – 4 апреля. 2002. № 7. – С.177.
6. Тростановский Ж. Иностранцы в Германии: исторический парадокс или социально-экономическая реальность // Социология: теория, методы, маркетинг. – Киев, - 2002. - № 3 15 октября
7. Фельтен Н.Н. Миграция населения Германии: пространственно-временной анализ. Автореф. дис. ... канд. географ. наук. СПб. – 2002
8. Шнайдер М. Интеграция по обязательству // Контакт 16-29 ноября 2001. № 24 (168), 24 с.
9. Brandes D., Doenninghaus V. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Band 2: Von den Revolutionen von 1917 bis zur Gegenwart. 996 S. München: Oldenbourg, 1999.
10. Neue Zeiten. – 2001. - № 9 S. 32.

СТАНДАРТ, СЛЕНГ И СМЕЖНЫЕ ФОРМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ, ПОНЯТИЙНЫЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Г.В. Рубчикина

Астраханский государственный университет

Жаргонный взрыв второй половины XX века, наблюдавшийся как в русском, так и в европейских языках и, как следствие, огромное количество появившихся словарей, глоссариев и справочников, позволили говорить о существовании самостоятельного субстандартного языка, исследованию которого посвящены многочисленные работы С.Б. Флекснера, Р.А. Спирса, Р.Д. Чэммена, Дж. Е. Лайтера, В.Д. Бондалетова, Х.Е. Маркса и др. В настоящем исследовании приведем социолексикографические идеи Р.А. Спирса, который во введении к своему словарю «Slang and Euphemism» [Spens, 1981: VII-XIX] затронул целый ряд весьма важных для теории и практики социолексикографии вопросов, авторскую интерпретацию которых мы изложили в терминологическом, понятийном и социально-этическом аспектах лексикографии.

Р.А. Спирс рассматривает стандартный английский язык (Standard English) с лексикографических позиций, противопоставляя в этом отношении стандартные (standard) и «нестандартные» (nonstandard) словари и зарегистрированный в них лексический материал. Словари стандартного английского языка, по его утверждению, более двух столетий, начиная с появившегося в 1755 г. предписывающего словаря «Dictionary of the English Language» С. Джонсона (Johnson, 1755), регистрировали, преимущественно, письменный язык образованных людей. Словарь С. Джонсона ознаменовал собой поворотный момент в истории английского языка, когда стиль и словарь литературного языка начали кодифицироваться. Эта стандартизация языка по направлению к норме проводилась осознанно, тщательно, непрерывно и устойчиво в течение длительного периода, результатом чего стало то, что теперь называется «стандартный английский язык».

Далее, в течение первой половины XX века термин и понятие «standard English» трактовались как синонимы к термину и понятию «formal English» (формальный английский язык) и характеризовались тем уровнем грамматики, лексики и стиля, который носитель языка ожидал услышать на публичной лекции или в церковной проповеди. Слова, регистрируемые в словарях стандартного английского языка, подтверждаются «цитатами» – «кусочками» письменных свидетельств того, что данное слово использовалось в прошлом уважаемым лицом с добродетельной репутацией, осознанно старавшимся писать на принятом стандартном языке. В этом отношении стандартный английский язык характеризуется тенденцией к сохранению стабильности, поскольку его образованные носители пришли к некоему «соглашению» о том, чтобы стараться использовать тот язык, который отражен и сохранен в словарях

и грамматиках, поскольку их учили избегать или даже осуждать и порицать все отклонения от стандартных форм.

Термин «slang», по мнению исследователя, также первоначально употреблялся для наименования целой разновидности английского языка, противопоставленной в нормативном плане стандартному или формальному языку, а не для обозначения отдельных слов в качестве соответствующей пометы. Под этот термин исторически подводились такие «нестандартные» формы английского языка, как британский криминальный жаргон (criminals' jargon), который ранее именовался также термином «кэнт» (cant). При этом само слово «slang» имеет в современном английском языке еще два значения – 'обман' и 'цель'; последнее значение, по утверждению лексикографа, легко выводится из голландского заимствования «slang» 'змея'.

Исконно, термин «slang» обозначал условный криминальный жаргон (patter of criminals) – весь комплекс полутайных идиом и полусекретных лексиконов криминального мира Великобритании (British underworld). К началу XIX века термин «slang» стал употребляться за пределами криминального мира для обозначения кэнта, кэнтизмов или «кэнтоподобных» (cant-like) слов, которые проникли в речь обычных «честных» граждан. Как любые из обычаев, привычек и манер низших классов общества, употребление сленга не приветствовалось в среде граждан, относивших себя к «деди и джентльменам». С позиций стандартного английского языка сленг – это «интродер» (intruder), «незваный гость», нарушающий сложившийся порядок. Однако нет достаточно верного и точного средства, которое позволило бы четко отграничить сленг от «несленга». За все годы своего существования термин «slang», по свидетельству исследователя, настолько расширил свое содержание в англоязычном научном и быденном обиходе, что вобрал в себя все виды жаргонов, коллоквиализмов, диалектизмов и вульгаризмов. В настоящее время этот термин охватывает любое «нестандартное» слово или «неприятное» выражение (unpleasant phrase).

Несмотря на то, что термин «slang» обозначает такое большое разнообразие языковых разновидностей и единиц английского языка, Р.А. Спирер попытался очертить некоторые характеристики тех языковых форм, которые подпадают под это понятие. Эти характеристики можно свести в следующие позиции:

По своей природе сленг и стандартный язык противостоят друг другу; сленгизмы обычно являются синонимами к стандартным терминам. Сленг неуместен для формального общения – обсуждения серьезных тем и ведения важных дел. В связи с этим, при обращении к лицам, имеющим более высокий социальный статус, говорящие избегают сленговых выражений.

Сленг – это речевой феномен, «продвигаемый» в необразованной среде. Сленгизмы или их речевое употребление символизируют отсутствие или недостаток приверженности или лояльности к социальным установлениям и условиям. Сленг используется для интеграции его носителя в определенную социальную группу и для последующей идентификации своей принадлежности к этой группе, члены которой не общаются на стандартном языке. Сленг

употребляется «аутсайдерами» для выражения сочувствия и симпатии к ценностям такой подгруппы, особенно, если она представляла молодежью, а также по причине того, что официальное общество старается привлечь им уважение к грамотности и образованности. Сленг довольно быстро изменяется в плане формы и содержания и в этой связи используется преимущественно молодыми людьми, поскольку этот сегмент общества также подвержен быстрым изменениям.

Те разновидности сленга, которые можно назвать грубыми, непристойными или скаталогическими, служат для выполнения таких дополнительных функций, как агрессивный вызов партнеру по общению, «сверлильное» или «маскулинное» установление, утверждение и поддержание своего ранга в иерархической структуре мужской группировки.

Социально-этический аспект лексикографии наиболее очевидно выступает в трактовке понятия «эвфемизм», предложенной Р.А. Спирером. В этой связи лексикограф подчеркивает, что его словарь имеет дело со словами и понятиями, относящимися к сфере действия лингвистического «табу» (tabu), тесно связанного со сленгом и его эвфемизацией. Эвфемизмы и процесс эвфемизации характеризуются, в авторской интерпретации, следующими отличительными чертами.

Эвфемизм – это более мягкое выражение, замещающее другое более грубое или недопустимое выражение, которое приобрело негативную коннотацию. Сюда относятся как классические эвфемизмы, типа pass on вместо die, так и любое другое иносказание или парафраза запрещенного слова или выражения, типа crap вместо shit; более того, следующие слова вместо shit, как выражения, типа crap вместо shit; более того, следующие слова вместо shit, как dung, excrement, alvine dejections, могут использоваться в качестве эвфемизмов, чтобы избежать употребления всех более низких и «чуждых» слов, относящихся к этой тематике. «Облекание» подобной темы в словесную оболочку, более презентабельную для формальной или важливой ситуации общения, составляет неотъемлемую часть процесса эвфемизации.

Эвфемизм – это преднамеренно созданное выражение, которое является синонимичным слову или фразе, обладающим более низким статусом, и которое предназначено для поднятия статуса соответствующего концепта. Эвфемизм употребляется с целью защитить себя и своих слушателей от возможного смущения, замешательства или эмоционального дискомфорта, который могут создать сленгизмы и вульгаризмы. В смешанной по гендерному составу «вежливой» компании эвфемизмы используются для того, чтобы избежать как грубых терминов, характерных для чисто мужских языковых коллективов, так и грубого речевого поведения, типичного для более низких слоев общества. В сфере сексуальных табу (sexual tabu) употребление эвфемизма сигнализирует о том, что говорящий старается избежать сексуальных предложений или попыток завязать сексуальные отношения.

Основной тип явления эвфемизации представлен употреблением официальных научных терминов в абсолютно формальной или научно-технической ситуации общения. Это можно рассматривать как своего рода стилистическую вариативность коммуникации. В этой связи достоверно

установлено, что люди употребляют научные термины для того, чтобы избежать прямого названия «пseudonyms» вещи в «вежливой» обстановке общения. Так, например, молодые люди для наименования понятия «прыщи, угорь» могут использовать грубый сленгизм *gooseb* в среде своих ровесников, коллоквиализм *zits* – в разговоре со своими родителями, медицинский термин *acne* – на приеме у врача и строго научно-медицинский термин *acne vulgaris* – в курсовой работе по дисциплине «Health Services» в университете.

Ключ к пониманию эвфемизации и эвфемизмов лежит, по мнению исследователя, в социально-этическом явлении этикета, которое актуализируется в речевом общении «избеганием» (*avoidance*) прямого наименования запрещенных понятий. По этой причине представляемый лексикографом словарь включает в себя не только собственно «признанные» эвфемизмы, но также и все другие образцы этого «избегания». В этой связи автор особо выделяет эвфемистические наименования божеств. Эти термины, не будучи общепризнанными эвфемизмами, являются традиционными индизкретными названиями Бога, скрывающими его прямое имя в богохульствах и проклятиях. Другой класс подобных эвфемистических медицинских номинаций представлен терминами, имеющими в своей структуре греческие или латинские компоненты типа *phobia*, *mania*, *parasy*.

Рассматривая явление «табу», Р.А. Спирс исходит из трактовки этого полисемийского слова как термина, обозначающего ряд религиозных запретов, ограничивающих и регламентирующих особые виды поведения людей под угрозой разных наказаний. Многие из подобных табу включают в себя нарушения не только религиозных обычаев, но и те, которые оскорбляют мир духов. Эти табу носят абсолютный характер, то есть действуют всегда и везде, независимо от ситуации. Как следствие этого, термин «табу» используется также и для запретов, установленных определенными социальными уложениями и условиями. В этом отношении автор замечает, что хотя некоторые «западные» табу и поддерживаются общим законодательством, однако лишь немногие из них кодифицированы специальными законами. Исходя из этого, представляемый лексикографом словарь лишь частично касается тех вербальных табу, которые актуализированы конкретными запретами использования определенных слов или обсуждения соответствующих тем.

Вербальные табу, по мнению исследователя, действуют избирательно в западном обществе и обычно не являются абсолютными. Религиозные граждане всегда соблюдают табу в отношении профанации и богохульств как на публике, так и дома. Однако большинство табу соблюдаются только публично и их соблюдение явно связано с социальной обстановкой общения, с полом, возрастом, с социальными статусами говорящего и слушающего. Среди выражений и тем, обычно подпадающих под запрещающее действие табу, автор называет богохульства, проклятия, ругань, обсуждения сексуальных предметов, а также наименования экскрементов, гомосексуальных явлений, проституции, психических заболеваний и смерти. Большинство связанных с этим вербальных запретов поддерживаются не более чем традициями этикета. Не все слов

общества в равной мере, если вообще, соблюдают эти табу; более того, эти запреты часто нарушаются без особого общественного наказания или вообще без какого-либо порицания.

Сфера понятий и терминов, связанных с сексуальной и экскрементальной тематикой всегда играла ведущую роль в формировании и поддержании вербальных табу. В этом отношении вербальное табу, налагаемое на сексуальную тематику, не столь жесткое, как вербальное табу, установленное на употребление слов и выражений, связанных с понятиями и темами «бесчестье», «*spinal mucus*», «*putrid sweat*», поскольку упоминание названных выделений человеческого тела считается намного оскорбительнее, чем простая вербально-сексуальная игра. При этом не всегда ясно, старается ли говорящий избежать употребления табуированных слов и выражений с целью соблюдения социальных установлений или же по психопатологическим причинам, поскольку в любом случае результат остается тем же самым. Основная арена для сексуального и скатологического жаргона, включая создание новообразований посредством «сексуальной» метафоры и «грязных» слов, находится в среде мужских группировок. Этот жаргон характеризует женщин в качестве сексуальных объектов, используется для насмешливого агрессивной брани в их адрес, для угроз и сексуального бахвальства. Для мужчин подобное речевое поведение представляет собой наказание за установления межличностных отношений и связей, «маскулинного» самоутверждения и самоидентификации в определенной среде и/или субкультуре, средство групповой интеграции и силы. Подобный тип мужской вербальной агрессивности служит также в качестве некой «защиты» от реальной или воображаемой «фемининной» агрессивности. Обычно женщины активно не участвуют в подобной речевой деятельности, хотя могут быть ее пассивными участниками или наблюдателями. Для мужчин же такая вербальная агрессия выступает в качестве своеобразной «отдушины» для выхода их грубой «маскулинности», которая обычно подавляется в присутствии женщин. Другая важная зона вербального поведения мужчин представлена алкоголем; это объясняет тот факт, что большинство сленгизмов, связанных с выпивкой и состоянием опьянения, создаются и употребляются в речи чисто мужского общения и выполняют в нем подобную же функцию самоутверждения как поведенческого, так и вербального.

Вербальная агрессия присуща, по мнению лексикографа, любому человеческому обществу и служит средством уменьшения случаев физической агрессии, хотя и всегда ее сопровождает. Типичные средства вербальной агрессии – проклятия и брань – характеризуются сниженной коннотацией. В этом отношении уничижительные прозвища и клички также выступают в качестве средств вербальной агрессии. Основную массу таких прозвищ составляют наименования лиц по их расовой, национальной, классовой и профессиональной принадлежности, по их умственным и внешним характеристикам, что следует отражать в субстандартных словарях.

Таким образом, Р.А. Спирс представил социально-этическую, терминологическую и понятийную сторону системы стандарт – сленг и смежные с ней языковые формы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Spears R.A. Slang and Euphemism. A dictionary of oaths, curses, insults, sexual slang and metaphor, racial slurs, drug talk, homosexual lingo, and related matters. – New York: Jonathan David Publishers, Inc. 1981. – XXVIII, 448 p.

ОБРАЗ МАТЕРИ В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ).

О.Б.Смирнова

Астраханский государственный университет

В русской языковой культуре принято отношение к матери как к хранительнице очага, хозяйке, основной функцией которой является рождение, воспитание и обучение детей.

В ходе анализа 400 ФЕ, в структуре которых присутствует лексема (мать), были выявлены основные семантические группы ФЕ, присущие образу матери в русской фразеологической традиции.

Так, мать является воплощением образа Богоматери, к которой всегда обращаются за помощью в трудной жизненной ситуации: *мать Божья; пресвятая дева-мать; пречистая дева-мать*.

В группе фразеологических единиц *Пресвятая дева/мать/матерь/богородица!*; *Мать пречистая!* прослеживается ярко выраженная эмотивность. Данные ФЕ используются в речи для выражения восхищения, выражающего изумление, страх или испуг.

В русской фразеологии образ матери ассоциируется с заместителем Бога на земле: *покой мать свою волю Божию творит*.

Мать является кормилицей всей семьи. Ее основная функция готовить пищу и кормить своих детей и мужа: *была бы мамка, была б и уятка (ш. е. пица); мать – кормилица, а кормилица не мать*.

Основной функцией женщины является рождение детей, что признается самой главной социальной ролью матери:

В чем мать родила, еще во чреве матери; не роди, мать, на белый свет; один раз мать родила, один раз и умирает; чем тебя мать родила?; уродила мать, что и земля не примет; после родов мать десять дней в гробу стоит (ш. е. больно).

В основе коннотативного значения данных ФЕ заложена эмотивность. Так, ФЕ *когда меня мать родила, так три года дрожала* произносится, если

говорящий не только выражает положительную оценку, но и хвалится чем-либо.

Однако, в данной группе присутствуют и ФЕ с отрицательным значением, т.е. отрицательной оценкой какого-либо события действительности. Так, ФЕ *родила мама, что не принимает и яма*, произносится с неодобрением по отношению к действиям того человека, в адрес которого произносится данное выражение.

Ребенок повторяет ростом, сложением, характером, поведением свою мать, что прослеживается в следующих ФЕ: *выйти в мать; уродиться в мать; пойти в мать*.

Данная группа устойчивых выражений не обладает оценочным значением, однако, в речи данные единицы могут приобретать оценочное употребление. Подобные выражения представляют собой нейтрально-логическую дескрипцию.

Мать лучше всех остальных понимает своего ребенка, благодаря таким чувствам как *материнское чутье* и *материнская интуиция*. Данные ФЕ являются нейтрально-логическими, однако, на уровне речи они могут приобретать положительное оценочное значение.

Мать является защитником своих детей. Она всегда предостерегает своих детей от различных ошибок и неудач, сопровождающих их по жизни. Так, *расползлись, как слезы ценята от матери; куда матушка, парни-то лиси: я насыт от семерых отбилась; не ходи одна, ходи с матушкой!*; *как у матушки под крылышком (или за пазухой)*. Данная группа ФЕ обладает живой внутренней формой, ярко выраженной образной мотивацией и положительной оценкой, которая выражена эксплицитно.

Ребенок всегда узнает свою мать по улыбке. Во ФЕ *птица радуется весне, а младенец матери; при солнце тепло, а при матери добро* заложено скрытое сравнение тепла весны с теплотой матери. Данная ФЕ имеет живую внутреннюю форму, обладает ярко выраженной экспрессивностью, мотивированностью, эмоциональностью и положительной оценочностью.

Для любого человека мать – это самый дорогой и уникальный человек на свете. В пословицах этой семантической группы отражается то, что мать является самым дорогим, самым родным, самым неизменным человеком на свете. В качестве примера следует привести следующие ФЕ: *за лилого дядьку – хоть мамку отдай, все не родня; отцов много, а мать одна; дорожке матери такого на целом свете нет*. Все ФЕ данной группы обладают живой внутренней формой, положительной оценкой, ярко выраженной мотивированностью значения, эмоциональностью и экспрессивностью.

Мать является хранительницей домашнего очага, создателем домашнего уюта, хранителем семейных традиций и обычаев, которым человек следует на протяжении всей своей жизни, что подтверждается следующими ФЕ: *ой, вы, матери – келейницы, сужарые, сидиманицы!, лобницы – козу правником кормили. Водослебы. Не учи козу, сама станет с вазу, а пречиста рука все причестит. Десядцатый час, а матушка с миру не бывала; пухай будет по-старому, как мать поставила*. В данных ФЕ присутствует положительная

эмоциональная оценка, ярко выраженная экспрессивность. Все ФЕ обладают живой внутренней формой.

Дети никогда не оценят стараний и усилий матери, направленных на их воспитание, обучение. Дети обычно ведут себя несправедливо по отношению к своей матери и не замечают того, что ей бывает плохо. Усилия матери воспринимаются как данность. Данный факт подтверждается довольно большой группой ФЕ, таких как козу: «Христос воскрес!», а нам: «Не рыдай мне, мамаш!; не на мать, зуб не падуешь; привык на мать дуться; наш Антон не пужит о том: мать умирает, а он со смеху помирает!». Во ФЕ данной семантической категории преобладает осуждение поведения детей по отношению к матери, поэтому можно говорить о наличии отрицательной оценки и эмотивности. Данные выражения обладают высокой образностью и живой внутренней формой и ярко выраженной мотивацией.

Мать является первым воспитателем ребенка. Все неудачи в воспитании, возникающие по ряду разнообразных причин, всегда присваиваются матери, которая не смогла воспитать своего ребенка так, как этого требует общество. В качестве подтверждения следует привести следующие ФЕ: *впитывать/впитать что-либо с молоком матери; на ту пору мать родила, не собрав разума в люди пустила; оттого парень с лошади свалился, что мать криво посадила; мать, что лебедь-птица, вывела детей вереницу*. В данной семантической группе встречаются как нейтрально-логические (*впитывать/впитать что-либо с молоком матери, мать, что лебедь-птица, вывела детей вереницу*), так и эмоционально-окрашенные выражения, обладающие ярко выраженной образностью, живой внутренней формой, мотивированностью и экспрессивностью.

В целях воспитания мать вынуждена наказывать своего ребенка, однако, данные побои не болят. В данную семантическую группу входит большое количество ФЕ, обладающие одинаковым смыслом и разными комбинациями слов, поэтому в качестве примера целесообразно привести только некоторые из них. Например: *матери побои не болят; родная мать и высоко замазывается, да не больно бьет; мать и бьет, так гладит, а чужая и гладит, так бьет*. В вышеперечисленных ФЕ присутствует положительная оценка действий матери по отношению к своим детям.

Мать багует своих детей. Данная характеристика отражается во ФЕ, обладающих негативной оценкой, эмотивностью и экспрессивностью: *матушкин сынок; матушкин запашушкин; для матери заспоенное яйцо всегда болту (т.е. баловню)*.

Мать переживает за судьбу своего ребенка, она молится Богу, чтобы он сохранил жизнь ее детям и уберег их от беды. Данная характеристика нашла свое отражение в следующих ФЕ: *днем денга моя мать - печальница, а ночью ночная богемольница; мать до века плачет; материнская молитва со дня моря вынимает, мать плачет (по дашу) не над горсточкой, а над пригорницей*. Данные ФЕ обладают ярко выраженной экспрессией, оценочностью и эмоциональностью. Также прослеживается высокий уровень мотивации фразеологического значения, вследствие наличия живой внутренней формы.

Мать является единственным другом своим детям, который никогда их не предаст и не обидит. Например: *нет такого дружка, как родная матушка*. Данное устойчивое выражение характеризует мать с положительной стороны, обладает положительной оценкой, эмотивностью и экспрессивностью.

В сознании носителей русского языка образ матери ассоциируется с добротой и теплом, что подтверждается следующими ФЕ: *при солнце тепло, а при матери добро; тепло, да не как лето; добра, да не как мать; тепло, тепло, да не лето; добра, добра, да не мать родна*. Данная группа ФЕ характеризуется наличием положительной оценки, экспрессивностью, эмотивностью и обладает живой внутренней формой.

Мать занимает лидирующую позицию в семье, господствующее положение в обществе по сравнению с отцом. При отсутствии матери семья в большинстве случаев распадается. В качестве примера следует привести следующие ФЕ: *материнское право; мать семейства; без матки рой не держится; пуская будет по старому, как мать поставила*.

Анализ ФЕ показал, что в русской языковой традиции отношение к матери положительное, образ матери ассоциируется с добротой, пониманием, теплотой, домашним уютом, с человеком, который не способен на предательство, зло и обиду, самым дорогим, уникальным, незаменимым человеком в семье, утрата которого оставляет неизгладимый след в душе ребенка. Основной функцией матери в семье является приготовление пищи для детей и мужа. Основной социальной функцией является рождение детей. Ребенок повторяет ростом, сложением, характером, поведением свою мать. Мать лучше всех остальных понимает своего ребенка и является его защитником. Она всегда предостерегает своих детей от различных ошибок и неудач, сопровождающих их по жизни. Ребенок всегда узнает свою мать по улыбке. Мать играет роль первого воспитателя, который с первых дней жизни ребенка обучает его основам поведения в обществе и семье. Большая группа ФЕ отражает образ матери через воплощение образа Богоматери, к которой женщины обращаются за помощью в трудной жизненной ситуации, возникающей с их детьми. Мать является заместителем Бога на Земле.

Однако, несмотря на то, что мать беззаветно любит своих детей, во всем их помогает и поддерживает, дети в большинстве случаев не ценят усилий и стараний своей матери, часто обижаются на нее.

Отрицательные характеристики, относящиеся к образу матери были обнаружены только в одной группе ФЕ. По данным основных фразеологических источников в русском языке подобных выражений 8 единиц, которые объединены по семантике в единое целое – выражение угрозы, жесткой обиды, зла, неприязни; и имеют в своей структуре выражение *Кузькина мать*. В качестве примера приведем выражение *показать кому-либо кузькину мать*. Данное выражение имеет мертвую внутреннюю форму, так как этимология данного словосочетания неизвестна. Данная группа ФЕ употребляется только в разговорном стиле речи и имеет во фразеологических источниках помету грубое, просторечное. В основе ФЕ заложены

отрицательные характеристики образа матери, которые в процессе вторичной номинации получили обозначение обиды, неприязни, угрозы и т.д.

В русской языковой традиции не были обнаружены ФЕ, соответствующие семантическим группам жена священника, название монахини.

В отличие от французского языка, во фразеологическом фонде русского языка практически отсутствуют ФЕ, соответствующие семантической группе одушевленный предмет – животное: самка по отношению к своим детенышам. В качестве примера приведем ФЕ *слепой цыпок и тот к матери ползет*. Данное выражение обладает живой внутренней формой, экспрессивностью, эмотивностью и положительной оценкой.

Большую группу ФЕ, выражающих образ матери через абстрактные понятия, представляют собой выражения, входящие в семантическую группу источник чего-либо, родная сторона, то, что дорого и близко каждому.

Семантическая группа источник чего-либо представлена такими ФЕ как *матушка-звезда: Волга всем рекам мать; резать проводу-матуку; мать сыра-земля – говорить нельзя; темна ночь вору родная мать; хать матушку реку пою; лисорадка – не матка; прелесть, не жалеет; повторенье – мать ученья; баня – мать вторая. Кости распаришь, все тело направишь; матушка-рожь кормит всех дураков сплосью, а тиеначка по выбору; мать наша – гречневая каша: не первую чета, не прорвет живота; дичь во цах – а все тараканы. Ши да каша – мать наша и т.д.*

Анализ ФЕ семантической группы источник чего-либо показал, что образ матери в отобранных выражениях представлен через образ источника жизни, источника знаний, источника пищи. В основу номинации данных ФЕ заложены такие характеристики образа матери как заботливая, кормилица, воспитатель, жалость, всеобъемлющая любовь и т.д.

Семантическая группа родная сторона, то, что дорого и близко каждому представлена следующими ФЕ: *процуй, матушка Русь; я к теплу потянусь; Русь святая, православная, богатырская, мать сивторусская земля; родина-мать, мы у матушки России дети, она наша матка – ее и сосем.*

В данных ФЕ образ матери представлен посредством таких характеристик как доброта, забота, любовь, защита, источник жизни, яска, уникальность, незаменимость и др.

В процессе сплошной выборки не были зафиксированы ФЕ, принадлежащие к семантическим группам обращение к пожилой женщине, обращение к жене как матери своих детей, обращение к монахине. Однако, во фразеологическом материале русского языка были зафиксированы ФЕ, принадлежащие к семантическим группам обращение к неодушевленному, абстрактному предмету (*матушка Попова, узнала ль ты меня? – Я из Жидова, Катерина, живу в Твердове у Кирилла*) и обращение к пресвятой Богородице (*спаси и помилуй ты меня, Мать Пресвятая Богородица, а живу я в крайней избе на селе*). В основе внутренней формы ФЕ данных семантических групп лежат образы наиболее почитаемых в народе религиозных и мифологических персонажей.

В русской языковой традиции присутствуют ФЕ с лексемой мать в

структуре, выражающие испуг, восторг, изумление и т.д. К данной семантической группе относятся междометные выражения, такие как *матушки светя!; мать честная!; ах ты, мать честная!* и т.д. Данные ФЕ обладают высокой экспрессивностью и оценочностью, живой внутренней формой, в основе которой заложены такие характеристики как святость, честность и др.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

В русской фразеологической картине мира образ матери представлен следующими семантическими группами:

- женщина, имеющая детей;
- самка по отношению к детенышам;
- абстрактное понятие;
- апеллатив;
- междометные выражения

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: «Азбука», 1993. – 960с.
2. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Текст] / Д.Н. Ушаков. – М.: «Просвещение», 1985. – 1215с.
3. Зимин В.И., Смирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа [Текст] / М., 2006. – 544 с.
4. Фразеологический словарь русского языка под ред. Молоткова А.И. [Текст] / М., 2006. – 525 с.
5. Давь В.И. Пословицы русского народа [Текст] / М., 2006. – 814 с.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАРТИНЫ МИРА И ОБРАЗОВ СОЗНАНИЯ: ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.В. Жданова

Пятигорский государственный лингвистический университет

Предполагается, что лучше всего культуру определяет этнос, ментальность которого, однако, может включать ряд противоречий.

В каждой культуре выделяются этнические стереотипы и культурные нормы. Последняя представляет собой определенные образцы поведения, закрепленные в конкретной культуре, характеризующиеся как положительные или отрицательные.

Этнос определяется как «исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (в том числе и языка) и психики, а также осознанием своего единства и отличия от других таких же образований». Этнические особенности вербального отражения мира предопределяются спецификой национального склада мышления, природной сферой и материальной культурой [15; 381].

Кардинальные изменения в жизни этноса приводят к нарушению, слому концептуальных картин мира, что сопровождается изменением ценностей. Именно поэтому является столь важным исторический анализ, чтобы проследить исходный вариант в национальной специфике народа и увидеть, что послужило поводом и причиной к какому-либо изменению.

На основе приспособления к окружающей среде и осуществления хозяйственной деятельности происходит ее стереотипизация, то есть она становится для данного сообщества не только обыденной, но и единственно правильной, нормой поведения.

Неотъемлемой частью культуры является язык. Национально-специфические особенности народа в области языка обеспечиваются: 1) реалиями; 2) коннотативной лексикой (специфические реалии бытования народа, обозначения универсальных концептов) [15;380].

В психолингвистике разделяются два вида знания: языковое (вербальное, логически осознаваемое и эксплицитное) и неязыковое (невербальное, смысловое, неосознаваемое и имплицитное, внешне невыраженное).

Национальное сознание также обладает определенным своеобразием и отличается от общественного сознания представителей других культур. Человек – существо сознательное. Сознание является неотъемлемой частью его жизни. Более того, «сознание конституирует, собирает, интегрирует многообразные явления человеческой реальности в подлинно целостный способ бытия» [14; 177].

Заметим, что все поступки человека, в том числе и речевые – сознательны, но уровень их осознания может быть различным. Так, А.А. Леонтьев выделяет три аспекта степени участия сознания в формировании речи: «бессознательная речь, контролируемая речь и осознаваемая речь» [12;141]. Д.Б. Гудков полагает, что не следует оперировать понятиями «сознательное – бессознательное», лучше употреблять понятие «сознательно», поскольку первому варианту сопутствует множество противоречивых интерпретаций [4]. На ступенчатую структуру языкового сознания указывает и Ж.В. Зигмани, подчеркивая, что уровни сознания включают в себя как элементы, легко просматриваемые, так и элементы, скрытые в глубинных пластах сознания [8;33].

И.Н. Борисова утверждает, что решение вопроса об осознанности речемыслительных процессов зависит в первую очередь от того, какой аспект речи исследовать. Так, живая разговорная речь может быть лишена осознанности, что означает использование речевых форм автоматически [1; 74].

И.Н. Борисова обращается в своем анализе к понятию рефлексивности – переменной величины, трактуемой ею как осознанность речевого поведения, проявляемая на трех этапах: 1) во время коммуникативного замысла; 2) во время говорения; 3) на поствербальном этапе, когда происходит сравнение имеющегося результата общения с планируемым [1; 75].

Сознание, трактуемое как отношение человека к миру, представляет собой один из его уровней – уровень самосознания [14; 180]. С точки зрения И. Канта, мы можем обнаружить данные об окружающем мире тогда, когда

начинаем осознавать себя [11 233]. Другими словами, сознание рассматривается с точки зрения возможности познать внешний мир, создавать мир явлений. И все те знания об окружающем мире, которыми овладел индивид, хранятся в сознании, что и составляет его сущность [9; 4]. Структура этих знаний и процесс их накопления дифференцирован у представителей различных народов.

Будучи сложным и многообразным феноменом, сознание может быть проанализировано с различных точек зрения – философской, психологической, культурологической, психолингвистической [6].

А.Н. Леонтьев признает наличие в явлениях сознания определенной «чувственной ткани», которая образует один из пластов «конкретных образов реальности». Они являются результатом различных видов отношений субъекта с окружающим предметным миром [13; 133]. Но А.Н. Леонтьев особо подчеркивает необходимость мыслительной операции индивида, говоря, что восприятие предметов осуществляется за счет мыслительных операций. Обобщая свое понимание сознания, он отмечает, что оно является «непосредственно открывающейся субъекту картиной мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния» [13; 131].

Сознание человека является «знанием субъекта об окружающем мире и о себе самом. Знание сообщает нечто о предмете, внешнем по отношению к тому, кто владеет этим знанием, то есть за знанием скрыта никогда не различаемая связь субъекта с объектом».

И.А. Гайдученок в своих философских размышлениях о личности также ставит вопрос о сознании и о том, что вся жизнь человека пронизана отношениями разного рода к окружающей действительности. Эта жизнь каждого отдельного индивида проявляется в совокупности ощущений, восприятий и эмоций с движущей силой в виде человеческого разума [2; 116]. Совокупность ощущений, отношений к окружающей действительности составляют национальную картину мира, в процессе развития которой формируется менталитет.

Картина мира может быть охарактеризована как: 1) имеющая присущие только ей свойства; 2) состоящая из определенных компонентов (А.А. Джигоева выделяет три таких компонента: «мир действительности, мир мышления и мир языка») [5; 41]; 3) получающая развитие по определенным законам; 4) специфически организованная система; 5) представляющая собой статические поведенческие функции.

Функциональное предназначение картины мира вытекает из двух основных функций мировидения: «интерпретативной» (осуществлять видение мира) и регулятивной (служить ориентиром в мире, в человеческой жизнедеятельности).

Сознание опосредовано языком и находится от него в прямой зависимости, поэтому мы можем вести речь о языковой картине мира, то есть о своеобразном членении мира через язык [4; 29], хотя некоторые исследователи, например Г.В. Колшанский, полагают, что человек с помощью понятий

отражает единый объективный мир, который, в целом, передаваем «любимым конкретным языком» [4; 29].

Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, «язык – зеркало окружающего мира, он отражает действительность, создает свою картину мира». Но здесь она выделяет две параллели: мир – мыслящий человек – язык и реальность – мышление – язык [17; 38 – 40].

Отражение действительности языком является общим моментом для языков разных народов. Однако, отражая объективную действительность, они по-разному членят ее, накладывая на общечеловеческие процессы мышления свой отпечаток.

В. Гумбольдт в своей лингвофилософской концепции утверждал, что язык является единой духовной энергией народа. «Язык – не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» [3; 51].

Рассмотрение языка в качестве социального явления включает одновременно культурные, коммуникативные, развивающие, воспитывающие, интегративно-личностные аспекты.

Подтвержден тот факт, что сознание – культурно-обусловлено. Изменения в сознании зависят от культурных изменений человека и общества. Более того, представители каждой конкретной культуры в ходе социализации присваивают определенные качества знания, которые присущи только данной культуре. На основе образов сознания конструируется картина мира. Как отмечает Е.Ф. Тарасов, образ сознания ассоциируется со словом, которым оперирует говорящий. Има – рамка, накладываемая культурой на данный индивидуальный опыт. Понятия, которые имеют обозначения, включены в наше сознание. Неповторимость этнических культур, по словам Е.Ф. Тарасова, объясняется различным знанием. Которое закреплено за обозначаемым. Поэтому видение мира одним народом невозможно перевести на язык другого народа [16].

Образ мира, получивший преломление в сознании индивида, создается посредством его физического опыта и духовной деятельности [18; 107], а также посредством «вырабатывания законов психической деятельности» [6; 25].

А.А. Леонтьев выделяет две формы образа мира: 1) ситуативный, полностью рефлексивный, отделенный от вашего действия в мире.

2) внеситуативный – образ целостного мира, картина мироздания.

С определением «образа или картины мира» тесно связаны понятия восприятия и понимания действительности.

Более того, восприятие объектов реальности напрямую зависит от конкретной деятельности, в которую они включены, таким образом, содержание и форма познавательных процессов различны для представителей как разных этносов, так и разных эпох.

Таким образом, поскольку у разных индивидов имеется различное восприятие и понимание окружающей действительности, то соответственно и

картину мира они будут моделировать своеобразно, используя разные понятия и представления в своем сознании, которое имеет свою определенную структуру.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. – М.: КомКнига, 2005. – 320 с.
2. Гайдученко И.А. Слово о личности: философское эссе. – М.: Наука и Техника, 1990. – 158 с.
3. Гак В.Г. Человек в языке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке [гот. Ред. Н.Д. Арутюнова, И.В. Левонтина]. – М., 1999. – С. 74-75.
4. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДК «Гнозис», 2003. – 288с.
5. Дажоева А.А. Английский менталитет сквозь призму языка: концепт “privacy” // Вестник Московского университета. – Сер. 19., 2006. - №1. – С. 41-59.
6. Жданова Е.В. Взаимодействие речевых стратегий и психолингвистического типажа коммуникантов (на материале русской и английской литературы конца XIX – конца XX веков) / дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. – Краснодар, 2008. – 190 с.
7. Залевская А. А. Актуальные проблемы психолингвистики: лекции. – Алматы: Казак ун-т, 2004. – 49 с.
8. Зигманн Ж.В. Структура современного политического дискурса: речевые жанры и речевые стратегии: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 239 с.
9. Кашельсон С. Д. Категория языка и мышления: из научного введения. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 864 с.
10. Коршунов А.М., Мантатов В.В. Диалектика социального познания. – М.: Политиздат, 1988. – 383 с.
11. Кохановский, В.П. Философия. – Ростов в / Д: «Феникс», 2001 – 576 с.
12. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. – М.: КомКнига, 2006. – 248 с.
13. Леонтьев А.Н. Мысль в действии (Психология мышления). – М.: Политиздат, 1968. – 207 с.
14. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности [Текст] / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев.- М.: Школа-пресс, 1995. – 384 с.
15. Тамерьян Т.Ю. Понятие языковой личности в контексте коммуникации // Язык. Текст. Дискурс: междуз. сборник научных тр. – Вып. 1. – Ставрополь-Пятигорск: ПГУ, 2003. – С. 78-85.
16. Тарасов Е.Ф. Психологические и психолингвистические аспекты речевого воздействия // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы: сборник статей / [редкол. Е.Ф. Тарасов и др.]; АН СССР, ин-т языкознания. – М.: ИЯЗ, 1986. – С. 4-9.

17. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М.: Слово, 2000. - 261 [1] с.
 18. Человеческий фактор в языке / отв. Ред. Е.С. Кубрякова. - М., 1988. - С. 107-108.

СИНКРЕТИЗМ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Т.В. Колесникова

Астраханский государственный университет

Многочисленные исследования синкретичных явлений в рамках структурно-семантического направления позволяют обратить внимание на явление синкретизма как языковой феномен. Отметим некоторые общие положения.

Рассматривая причины, условия и следствия явления синхронной переходности, В.В. Бабайцева выделяет экстралингвистические и лингвистические факторы. К экстралингвистическим факторам относятся разнообразные и сложные явления действительности и связи между ними и всё растущее стремление точно и полнее отразить их языковыми средствами. К лингвистическим факторам относятся: 1) многоаспектность единиц языка/речи; 2) отсутствие в языке нужных слов и конструкций для выражения мысли; 3) стремление к экономии языковых средств; 4) семантическая ёмкость синкретичных образований; 5) потребность в дифференциации смысловых связей и отношений; 6) потребность самой структуры языка и др. [Бабайцева 2000: 179–180]. Общие условия переходных явлений на всех уровнях языка создаются за счёт функционирования языка в речи, общим следствием которого является синкретизм [Бабайцева 2000: 186, 192].

Синкретизм связывался В.В. Бабайцевой (1967) прежде всего с синхронией: синкретичные (гибридные, контаминационные) явления выделялись в противовес трансформационным. Позже синкретизм языковых и речевых фактов назван «самым существенным следствием диахронной и синхронной переходности» [Бабайцева 2000: 234].

Следует отметить, что первоначальное выделение синкретичных явлений в синтаксисе сменялось представлением о синкретизме как свойстве единиц языка на разных его уровнях. Возникновение синкретичных явлений связывается с тенденцией к экономии языковых средств. Этим во многом обусловлены такие свойства как: 1) способность выступать в качестве конденсаторов семантики, 2) более богатые сочетаемостные возможности (по сравнению с типичными явлениями), 3) полифункциональность и 4) особая экспрессивность [Бабайцева 2000: 234].

Нетрудно заметить, что только первая черта свойственна единицам как морфологического, так и синтаксического уровня, в то время как широкие

возможности сочетаемости, полифункциональность и экспрессивность связаны с употреблением в тексте морфологических единиц.

В связи с исследованием явления синкретизма в ряде работ была высказана мысль о различных подходах к описанию системы языка. Так, Г.В. Валлимова отмечает ограниченность системного подхода к языку при обращении к стабильным формам, без учёта «скелетов» изменения, становления, развития в так называемых «антисистемных» явлениях. С учётом принципа развития вопрос об «антисистеме» снимается [Валлимова 1992].

Отмечено, что «столько при условии системных отношений возможны соотносящиеся друг с другом единицы» [Валлимова 1992: 5], а следовательно, и явление синкретизма, которое, таким образом, рассматривается как результат функционирования системы языка. Далее Г.В. Валлимова называет условия проявления синкретизма: (1) нежёсткий характер, подвижность языковой системы, обусловленные коммуникативным назначением языка; (2) асимметрия языкового знака; (3) многомерность единиц языка (набор признаков, на основании которых они выделяются); (4) наличие слабых и сильных позиций для противопоставленных компонентов системы; (5) речь как форма проявления языка (приспособление взаимодействующих компонентов системы к целям и условиям коммуникации) [Валлимова 1992: 5-6].

Рассматривая, прежде всего, синкретичные явления в синтаксисе, где синкретизм проявляется «особенно полно», Г.В. Валлимова говорит о синкретизме (1) формы, (2) значения, (3) формы и значения, (4) случаях объединения формы в одной единице и значения в другой.

Исследования в свете теории переходности и синкретизма предполагают, по мнению К.Э. Штайн, новый подход к описанию объекта и к самому объекту: «При этом новым содержанием наполняется категория объекта исследования: язык рассматривается не как самостоятельная сущность, а как процесс, воспроизводящий некоторые устойчивые состояния и изменчивый в ряде иных характеристик» [Штайн 2001: 11]. Язык в таком понимании – сложная динамическая система, характеризующаяся открытостью и саморазвитием.

Проблема синкретизма связана с проблемой асимметрии языкового знака, которую можно рассматривать как «фундаментальный фактор системы языка» [Якобсон 1985: 169]. По словам А.А. Бурова, синкретизм «служит естественным регулятором отношений плана содержания и плана выражения, когда между ними наблюдаются сдвиги динамического характера» [Буров 2001: 31].

Таким образом, синкретизм рассматривается не только как свойство языковой единицы, но и как естественное свойство языка, проявляющее такое качество, как универсальность. Первоначально синкретичные явления изучались в синтаксисе, однако впоследствии они были выявлены и на других уровнях языка, что позволяет нам осознать феномен синкретизма как универсальное свойство языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабайцева В. В. Переходные конструкции в синтаксисе. - Воронеж, 1967

2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. - М., 2000
3. Буров А. А. Синтаксическая номинация как динамическое проявление синкретизма в русском языке // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. - М. - Ставрополь, 2001, - С. 31-35
4. Валимова Г. В. Явления синкретизма как результат функционирования системы языка // Явления синкретизма в синтаксисе русского языка. - РИИД, 1992. - С. 4-14
5. Шгайн К.Э. Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепции языка // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. - М. - Ставрополь, 2001. - С. 11-26
6. Якобсон Р.О. Избранные работы. - М., 1985.

«ОЦЕНКА ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ» В РАЗГОВОРНО-СЛЕНГОВОЙ ФОРМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.

Е.В. Метельская
Астраханский государственный университет

Изучение различных слоев лексики представляет насущную проблему для лексикологии, для теории и практики перевода. Наиболее интересной является здесь нестандартная лексика. Последние годы двадцатого века и начало XXI столетия характеризуются все более активным употреблением нестандартной лексики в речи. Британский и американский кинематограф, периодика, художественная литература наводнены сленгизмами и вульгаризмами. Встает проблема их адекватного перевода, уместного использования и эмоционального восприятия.

Во всех языках существует масса возможностей высказать одну и ту же мысль. Сделать это можно по-разному, все зависит от того, какие слова использовать. Лишних слов в языке нет, все они, в том числе и сленговые, нужны. Развитие языка идет в обе стороны — и во все более возвышенную, и во все более низменную.

Всю лексику можно разделить условно на официальную, повседневную и неформальную (специфическую). Кратко охарактеризуем языковые формы.

- Официальная лексика — это официальная терминология, книжные выражения, исключаящие двойное толкование, описывающие все однозначно и точно.
- Повседневная лексика — это всем понятный обычный язык, на котором мы общаемся ежедневно на работе и дома. Он может содержать и некоторые официальные слова и просторечные неформальные обороты.
- Неформальная лексика — это эвфемизмы, сленг и табуированная

лексика.

- эвфемизмы — смягченная, более вежливая форма, заменяющая слово прямое, которое не всегда и не везде приемлемо и приятно.
- сленг (жаргон, аргот) — это слой лексики, не совпадающий с нормой литературного языка, слова и выражения, употребляемые определенной социальной группой.
- табуированная лексика — это нецензурные выражения, ругательства, мат.

Любое общество постоянно пытается изъять нестандартную лексику из оборота, но цель эта утопическая. Количество сленговых слов вовсе не убывает, скорее наоборот.

Автор настоящей работы не предлагает путей выхода из этой ситуации. Жизнь сама все расставит по местам, и язык очистится от всего наносного, искусственно созданного.

Целью нашего диссертационного исследования является выявление основных групп нестандартной лексики, их классификация, структурирование и выделение их основных характеристик.

Остановимся на тематической группе «оценка человека через образы животных», а также на некоторых стилистически сниженных словах и фразеологических единицах. Основным материалом исследования послужили 117 лексических единиц (вульгаризмы, сленгизмы, жаргонизмы, табуизмы) выделенные методом сплошной выборки из специальных словарей разговорной и табуированной лексики [2,3,4,5]. Ядро данной тематической группы составляют наиболее частотные лексические единицы, принадлежавшие к общему сленгу. Интегральными признаками, объединяющими лексические единицы данной тематической группы, являются:

1. принадлежность лексической единицы к разговорно-сленговой сфере;
2. предметно-логическое значение «положительная или отрицательная оценка человека через образы животных» или наличие в коннотативном значении элемента оценки человеческих качеств.

Следует подчеркнуть, что все лексические единицы, отобранные в данную тематическую группу, имеют дополнительное эмоционально-оценочное значение и яркую стилистическую окраску. Поэтому сама «оценка человека» выступает в них как на предметно-понятийном, так и на коннотативном уровнях. Сравним, например, *ass-brained* — «глухой, тупой, предметно-логическое значение — отрицательная характеристика умственных способностей человека; вульгаризмы, употребляются с целью обидеть собеседника/fox lady (сленгизмы) — привлекательная, независимая, одевающаяся по моде, умная, сексуально привлекательная женщина, употребляется одобрительно, чаще носит положительную оценку.

Объективную трудность исследования составляет сложность однозначного определения статуса эмоционально-оценочных сем в семантической структуре лексических единиц и разграничение признаков, лежащих в основе денотативного и коннотативного значений.

Эмоционально-оценочная лексика, выражающая эмотивную оценку человека, в отличие от рациональной, всегда представляет собой более сложное явление. Предметно-логическая сема «оценка» в таких случаях сопровождается коннотативной семой «эмотивности», так как рациональная оценка получает эмоциональное осмысление [1,151]. Когда мы говорим о человеке *Baboon*, наша оценка имеет сложный комплексный характер: а) дикарь, хам, павиан (от бабуны); б) уважительно о ком-то, впечатляющим своей мощью. Данная «многослойность» делает оценку более интенсивной и выразительной. Она также выражает и эмоциональное отношение говорящего к предмету оценки; это мне неприятно или это меня привлекает, вызывающее ассоциативно-образное представление о поведении прототипа.

В лексическом материале тематической группы «оценка человека через образы животных» четко прослеживается взаимосвязь эмотивности, экспрессивности и оценочности, их противопоставленность друг другу и логико-предметному компоненту каждой лексемы. Наличие этих лексических единиц свидетельствует об эмоциональном типе коммуникации, эмотивный знак как ее средство, через которые наиболее ярко проявляется человеческая индивидуальность.

Данную тематическую группу можно разделить на семантические подгруппы:

1. моральная оценка человека, например *dog*-собака, в смысле пед. гл. козел (синонимы *dud, loser*). Правда, козел здесь не тот, что в нашем уголовном жаргоне, такого оттенка нет; *old goat*- старый козел (кобель); *rat (rat funk)*- обычно название для стукача или предателя. Буквально - крыса; *to get on one's high horse* (важничать, заноситься, задирать нос);

2. интеллектуальная оценка человека, например, *ass-head* (вульгаризм) - тушица, идиот; *mouse* (жарг. афро-амер.) - унизительно глупый человек.

Граница между моральной и интеллектуальной оценкой является недостаточно четкой.

Иным будет деление слов и словосочетаний на единицы с положительно-оценочным значением и с отрицательно-оценочным значением.

1. Единицы с положительно-оценочным значением, например *a lucky dog* (счастливчик). *He won a prize, a lucky do*. Счастливчик он выиграл приз; *clothes-horse* - л. человек, стремящийся хорошо одеваться, щеголь. *My brother is the real clothes-horse*. Мой брат настоящий щеголь; *fox (foxu, foxy lady)* - привлекательная, симпатичная, соблазнительная (относится только к женщинам).

Необходимо отметить, что семантическая подгруппа лексических единиц с положительно-оценочным значением невелика в количественном отношении. Это, по всей видимости, связано с языковыми факторами. Человек психологически склонен в первую очередь замечать отрицательные характеристики. Положительные качества воспринимаются как нормальные.

2. Единицы с отрицательно-оценочным значением составляют более многочисленную группу.

Слова с отрицательно-оценочным значением интересны для анализа, так как если в языке есть слово с подобным значением, то оно фиксирует некоторую нарушаемую норму. Например, *dirty dog*-сукины сын, *black sheep*-выродок (в семье), *dog*-неудачник, дрянь-человек. *Big advances given to float best sellers have contributed to the publishing slump. It was Newhouse who developed the high price strategy, on the theory that as in Hollywood, the hits could carry the dogs.* (Newsweek). Большие авансы, выдаваемые авторам бестселлеров, отчасти ответственны за спад, наблюдаемый в издательском деле. Именно издательство Newhouse предложило эту стратегию, исходя из теории, что как и в Голливуде, хиты должны вносить *угодническо: pigheaded*-упрямый, настырный, гупой; *catty*-adj. злобный, противный. *You know how catty she is.* Ты ведь знаешь, какая она *злая*.

Лексические единицы исследуемой тематической группы несут на себе большую экспрессивную нагрузку, их задача - выразить отношение к субъекту. Поскольку в данной тематической группе коннотативное значение играет важную роль, мы обязаны обратить на него более пристальное внимание, чем при переводе стилистически нейтральных лексических единиц и адекватно передать коннотацию в переводном тексте.

Особенный интерес представляет специфика каждой лексической единицы. Необходимо учитывать стилистические особенности оригинала и переводного языков. Отчетливо заметно стилистическое снижение английского и русского языков. Это сопровождается отрубением и вульгаризацией используемой лексики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беркер С.С. Проблемы развития разговорного английского языка в XXV-XX веках. - Воронеж: Воронежский университет, 1978.
 2. Англо-русский словарь современного сленга и ненормативной лексики. - М.: АСТ: Восток-Запад, 2008. - 220, [4] с.
 3. Словарь живых идиом американского английского языка М.В. Карпова. - М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство Аст»: ОАО «ВЭОИ»; 2004. - 319, [1] с.
 4. Dangerous English 2000! An Indispensable Guide for Language Learners and Others. By Elizabeth Claire. - Delta Publishing Company 1400 Miller Parkway Me Henry, IV60050-7030 printed in the USA.
 5. The New English learner's Dictionary of Modern Phraseology. Новый учебный словарь фразеологии современного английского сленга. Под редакцией М.Е. Опаленко. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. - 351 с.
- Для подготовки данной работы были использованы материалы с сайта <http://www.vestnik.vsu.ru>.

**СЕКЦИЯ 3. ЛИНГВОДИДАКТИКА КАК ОДНО ИЗ
ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СОПУТСТВУЮЩИХ ЯВЛЕНИЙ: ВИДОВАЯ
СПЕЦИФИКА**

Н.И. Кривых

Астраханский Государственный Университет

Место и роль обстоятельств сопутствующих явлений в общей системе обстоятельств неоднозначны. Проблема выделения обстоятельств сопутствующих явлений в самостоятельную группу и разграничения с иными видами обстоятельств имеет существенное прикладное значение в языке, поскольку служит правильному пониманию контекста и смысла высказывания.

Такие лингвисты, как Р.А.Клоуз, Т.А.Барабаш не выделяют обстоятельства сопутствующих явлений в самостоятельную группу. Противоположной точки зрения придерживаются В.В. Буракова, В.Л.Каушанская, И.П. Крылова, Н.А. Кобрина, М.А.Ганшина, А.И.Смирницкий, Б.С. Хаймович, выделяя семантический подкласс обстоятельств сопутствующих явлений. Ряд исследователей, в числе которых можно назвать М.А.Ганшину, Т.Р.Котляр, объединяют обстоятельства образа действия и сопутствующих явлений в одну группу «adverbial modifier of manner or (and) attending circumstances» [4; 12]. Определенный интерес представляет теория Л.С.Бархударова, по которой обстоятельства сопутствующих явлений относятся к группе обстоятельств внешних отношений (1, 354), будучи вынесенными в отдельную подгруппу в рамках этой группы. Л.С. Бархударов, А.И.Смирницкий утверждают, что «обстоятельства внешних отношений» (1, 354) или «обстоятельства ситуации» (2, 227) обозначают условия протекания процесса: «He sleeps with his window open». Аналогичной точки зрения придерживается Б.С.Хаймович, предлагающий для группы обстоятельств, обозначающих условия протекания процесса, термин «circumstantial adverbials» (3, 264), а для подгруппы обстоятельств сопутствующих явлений термин «adverbials of attending circumstances»: «He sank down in his chair, resting his chin in his hands» [Dreiser].

При определении типа обстоятельств в предложении существенную трудность представляет собой разграничение обстоятельств образа действия и сопутствующих явлений. Приведем пример из «Портрета Дориана Грея» Оскара Уайльда. «Yes» echoed Dorian, leaning back in his chair and looking at Lord Henry over the heavy clusters of purple-lipped irises...Постановка вопроса от глагола «Как? Каким образом?» предполагает, что данное обстоятельство можно отнести к обстоятельствам образа действия. В крайнем случае, можно определить группу подобных обстоятельств как обстоятельства образ

действия и сопутствующих явлений» - так, собственно, и определила часть исследователей, подчеркнув незначимую разницу между образом действия как образом и образом действия как другим действием.

Считая разницу значимой, предлагаем разобраться на последующих примерах. «Tomorrow», he said, turning to the door. «Tomorrow», he said kindly. [Dickens]. Во втором примере kindly это обстоятельство образа действия. Он сказал – как? Обстоятельство kindly характеризует манеру поведения человека, эмоциональную окраску действия «сказал». Относительно первого примера нам представляется натянутым вопрос «Каким образом?» Он сказал не [каким образом?] – «повернувшись к двери», а «он сказал и повернулся». То есть в предложении есть основное действие и дополнительное, характеризующее основное.

Отдельные ученые в разграничении типов обстоятельств, вообще, прямо противопоставляют обстоятельства образа действия и сопутствующих явлений. Так, Л.С.Бархударов относит обстоятельства образа действия к группе внутренних признаков, а обстоятельства сопутствующих явлений к группе внешних отношений. Обстоятельства внутренних признаков дают «качественную характеристику самого действия» (1, 354), в то время как обстоятельства внешних отношений дают указание «на внешние, пространственные отношения, ничего не сообщая о том, каким был сам процесс» (1, 354).

Действительно, возвращаясь к приведенным нами ранее примерам, видим, что kindly – это и есть качественная характеристика действия «сказал», в то время как turning to the door указывает на внешние, пространственные отношения (при том, что оба действия происходили одновременно), ничего не сообщая о том, каким был процесс «произнесения».

Возникает вопрос правомерности семантического критерия для решения вопроса прилагательно-зависимого элемента в предложении. Решающим становится критерий синтаксический. Как указывает Л.С.Бархударов, «обстоятельства первого типа (внутренних признаков) тесно связаны с глаголом и лишь в редких случаях обособляются. Обстоятельства же второго типа (внешних отношений) более самостоятельны...по смыслу относятся уже не к одному сказуемому, а ко всему предикативному ядру предложения «подлежащее-сказуемое».

В случае с ранее приведенными примерами, kindly – необособленно, тесно связано по смыслу именно с глаголом, в то время как turning to the door обособлено и по смыслу относится к предикативному ядру предложения «he said». В случае с kindly важно «он сказал, а не это сказал». В случае с turning to the door важны оба главных члена предложения (он сказал, и он же повернулся).

Другим проблемным моментом при определении типа обстоятельств в предложении представляется разграничение обстоятельств цели и обстоятельств сопутствующих явлений. Структура предложений типа «He went there to find the food bought» и «He went there to buy food» кажется аналогичной с точки зрения синтаксического построения. Однако, в данном случае как раз

синтаксический критерий непромерен, и за основу следует принять семантические принципы, игнорирование которых может привести к непониманию смысла предложения.

Как указывает Н.А.Кобрин (5,41) в предложении «Here, moved by curiosity, I turned aside to find among a tangle of red fronds the warped and broken dog-cart (Wells)», инфинитив обозначает действие, которое фактически произошло сразу после действия, выраженного сказуемым. Инфинитив в этой функции не должен быть ошибочно принят за обстоятельство цели, последнее выражающее гипотетическое действие, которое возможно будет, а возможно не будет выполнено после действия сказуемого.

Действительно, смысл предложения «He went there to find the food bought» в том, что некто отправился за покупками и обнаружил, что вся еда уже распродана. Мысленно мы можем вставить сочинительный союз «и» (He went there and found the food bought). Также мы не можем задать вопрос «Он пошел – с какой целью?» Это прозвучит нелогично, поскольку этот «кто-то» не мог отправиться в магазин с целью увидеть, что все распродано. В предложении же «He went there to buy food» очевидно, что кто-то отправился (с какой целью?) купить еду, а вот результат не известен. В данном случае мы не можем мысленно вставить союз «и». Действие гипотетично, предположительно.

В вышеприведенном примере (Н.А.Кобрин) смысл действия не в том, что «я» повернулся с целью найти сломанный экипаж, а «я» повернулся и обнаружил его случайно. Подтверждением служат также лексическое окружение. Указано место, где был найден экипаж (действие выполнено), в то время как обстоятельства цели обозначают предположительное действие (действие возможно будет, а возможно не будет выполнено).

Резюмируя вышеизложенное, делаем следующие выводы:

- Обстоятельства сопутствующих явлений должны быть выделены в общей классификации типов обстоятельств в самостоятельную группу;

- Обстоятельства сопутствующих явлений часто обособляются в предложении, будучи более самостоятельными и по смыслу связанными не только с глаголом, а со всем предикативным ядром (подлежащее+сказуемое);

- Обстоятельства сопутствующих явлений указывают на внешние, пространственные отношения, не сообщая качественной характеристики процесса;

- Обстоятельства сопутствующих явлений часто обозначают дополнительное действие к основному и могут быть мысленно соединены с последним сочинительным союзом «и»;

- К обстоятельствам сопутствующих явлений не может быть поставлен определяющий вопрос.

В целом, знание особенностей грамматического построения и лексического значения данного типа обстоятельств дает правильное и полное понимание смысла предложения в данном контексте.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. «Грамматика английского языка» М. Высш. шк. 1973
2. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. –М:1957
3. Хаймович Б.С., Роговская. Теоретическая грамматика английского языка. – изд-во «Высшая школа», М,1967
4. Ganshina M.A., Vasilevskaya N.M. "English Grammar" Higher School Publishing House 1964
5. Kobrina N.A., Korneyeva E.A. "An outline of Modern English Syntax" – Higher School Publishing House, Moscow, 1965

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Н.М. Миллюк, Г.Н. Говорова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Одним из важнейших направлений международного сотрудничества Кубанского государственного университета является подготовка дипломированных специалистов для зарубежных стран. После вступления России в мировое экономическое и образовательное пространство и ее присоединение к Болонскому соглашению увеличился поток стажеров из западноевропейских стран, обучающихся на разных факультетах. Ярким примером взаимовыгодного обмена является сотрудничество с Берлинским Университетом прикладных технических и экономических наук.

Мотивация немецких студентов, приезжающих на обучение в КубГУ, в значительной мере связана с овладением языком профильной специальности – сначала как средством коммуникации в учебной сфере, а затем как гарантией трудоустройства на германском рынке труда, ориентированном в настоящее время на Восточную Европу. Интерес иностранных учащихся неизменно вызывает экономическая терминология, которая в начале 20 века активно пополняет ресурсы общеупотребительного языка, входит в бытовую повседневную речь, включается в историческую, политическую, географическую терминосистемы, и отражает не только уровень социально-экономического развития общества, но и его умонастроение.

Объектом изучения в иностранной аудитории на языковом занятии является текст по специальности, семантическое пространство которого включает в себя различные макро- и микрополя. Составляющие их единицы неоднородны по своему составу. Они ранжированы на общеупотребительные, общенаучные, терминологические. Последние в свою очередь подразделяются на терминологические, то есть совпадающие по материалному знаку со словами общелитературного языка, и узко специализированные.

В методике преподавания РКИ студентам-нефилологам существует мнение, что работа с терминологией – задача преподавателей специальности, тогда как объектом работы преподавателя-русиста должна быть только общенаучная лексика [4]. Между тем практика показывает, что термины составляют ключевые, значимые смыслы, несущие в тексте наибольшую информационную нагрузку и в конечном счете обеспечивающие адекватное восприятие текста. К тому же следует помнить, что термин, как и всякая лексическая единица, обладает такими свойствами, как системность, способность вступать в синтагматические и парадигматические отношения. Многочисленные исследования отраслевых терминосистем убедительно показали, что в реальном функционировании в тексте термин может быть многозначен, а в терминологии есть все лексико-семантические процессы, свойственные общелитературному языку, опровергнув тем самым существовавшую ранее точку зрения, согласно которой природа термина как особого знака изначально предполагает его однозначность, нейтральность, отсутствие синонимов и антонимов. Все это с очевидностью доказывает правоту Г.О.Винокура, указывавшего, что «термины – это не особые слова, а только слова в особой функции» [2].

Следует также отметить, что преподаватель специальности сводит свою задачу в подаче терминов к их толкованию, но не учитывает их языковую специфику, не устанавливает связи с общелитературным языком и родным языком студентов. В результате значение, структура термина, его морфологическая характеристика, возможности терминообразования и употребления остаются неизвестными студенту, что препятствует формированию навыка его адекватного использования. Отсюда следует с очевидностью необходимость лексических упражнений, обеспечивающих правильность употребления терминологии.

Центральным элементом методической интерпретации термина является его семантизация. Существует узкое и широкое понимание этого термина. В узком смысле это сообщение дефиниции термина, а в широком – информация о различных языковых свойствах терминологического наименования, обеспечивающих правильность его включения в акт коммуникации. В методике преподавания РКИ известны следующие способы семантизации лексики: перевод, толкование, зрительно-наглядный способ, объяснение с помощью сильного контекста, подбор синонимов и антонимов, однокоренных слов, этимологического анализа.

Считается, что основной способ семантизации термина – его развернутая дефиниция, поскольку термины – это слова с логически оформленным понятийным компонентом, вобравшие в себя элементы научного знания [7]. Отметим, что словарные толкования содержат лишь существенные признаки научного понятия и не сводятся ни к «ближайшему», ни к «дальнейшему» значению слова [6]. Полная же дефиниция термина в языковом сознании обучаемого формируется в процессе изучения научной дисциплины.

При этом следует отметить, что словарное толкование термина не всегда может служить надежным средством семантизации, поскольку зачастую содержит неизвестные иностранцу слова, например:

Бюджет – *«ростись государственных доходов и расходов на определенный срок, утвержденная в законодательном порядке»* [8; 116].

Это требует от преподавателя методической обработки дефиниции с целью ее лексического и синтаксического упрощения, а также составления терминологического минимума, обеспечивающего понимание учебного текста.

В подязыке экономики немногочисленные термины с предметным значением (ср., например, *банк, банкнота, вексель*), к тому же они не могут быть объяснены зрительно-наглядным способом и требуют толкования значения как единичны иерархическим образом организованной понятийной структуры.

Наиболее целесообразный способ семантизации терминов – их перевод на родной язык студентов. Он удобен и экономичен при условии совпадения в значении терминологических номинаций в русском и родном языке студента. Так, например, лексически эквивалентны такие термины в русском и немецком языках, как *процент, штраф, мировая цена, рынок*. Сходство значения обусловлено зачастую тем, что ряд русских терминов экономики калькирован с немецкого (ср.: *Gebrauchswert* – потребительная стоимость, *Tauschwert* – меновая стоимость, *Doppelte Buchführung* – двойная бухгалтерия, *Gesellschaft mit beschränkter Haftung* – общество с ограниченной ответственностью), а также тем, что значительный блок специальных номинаций в русском и немецком языках заимствован из английского (*лизинг, демпинговая цена, дефолт* и др.). Легки для усвоения термины, заимствованные из немецкого языка (ср.: *манко* – нем. *Das Manko* «недочет в кассовых суммах в результате ошибок в записях либо просчета кассира» [8; 302].

Однако сопоставительный анализ показывает, что в реальности существует три типа соответствий:

- полная, или линейная, эквивалентность, когда одной лексеме русского языка соответствует одна лексема родного языка студента (например: налоги – *Steuern*, задаток – *Angabe*, аудитор – *Auditor*)
 - частичная, или векторная, эквивалентность, когда лексема в одном языке соответствует нескольким в другом (например, термин *Anteil* переводится на русский язык следующим образом: 1.пай, квота 2.удельный вес, 3.участок [5; 26].
 - безэквивалентные терминологические номинации в русском (например, *элучер*) или родном языках (например, *альменда* «у германских народов в раннем средневековье, а позднее и в других странах Зап. Европы земельные угодья, находящиеся в общем пользовании членов общины» [8; 27].
- Как правило, большинство сопоставляемых номинаций частично эквивалентны. Многие экономические термины, особенно широко известные в общелитературном языке, многозначны, их семантические структуры находятся в отношениях интерференции в языковом сознании обучаемого.

Даже у терминологических эквивалентов при совпадении ядерных им могут отличаться периферийные или коннотативные компоненты значения (ср., например, определенная негативная окрашенность таких русских терминов, как дефолт и ваучер). В этих случаях методически оправданным представляется контрастный анализ значений терминов как методический прием обучения.

Особого внимания в иностранной аудитории требуют интернациональные термины. Считается, что они легки для усвоения, поскольку общеизвестны. Действительно, часть интернационализмов совпадает по значению (ср., например, *девальвация, инфляция, денонмация, депозит* и др.). Однако большое их число частично эквивалентны (ср. например: в русском языке облигация «ценная бумага на предъявителя» (ср. например: в русском языке «обязательство» [5; 202]). Есть и случаи полного несовпадения значений, так называемая межязыковая омонимия. Так, например, немецкий термин *Дерет* «клад, депозит» ошибочно соотносится со словом *депо*. Подобные расхождения объясняются тем, что после освоения слова в языке происходит семантическая переработка интернационализма: развиваются новые значения, происходит их переструктурировка и даже детерминизация интернационального термина (см. об этом Крысин 1965). Чтобы избежать интерференции, следует выполнять упражнения сопоставительного и переводного характера.

Ряд терминов, в том числе и интернациональных, связан с определенными научными теориями и школами, поэтому по-разному оценивается учеными разных стран, имеют социальную или национальную маркированность. Особенно это касается терминологий гуманитарных наук, к которым относятся и экономическая. Так, например, термин *спиннинг* «политика активного вмешательства государства в экономику» принят только в западной экономической литературе [8; 620]. Их семантизация должна учитывать отмеченные расхождения.

Истолковать термин можно и вспомогательными способами, например с помощью синонимов (например: *капиталовложения – инвестиции, управляющий – менеджер*), антонимов (*занятость – безработица*), словообразовательного (например: *возвз, вывоз, вклад*) или этимологического (например, *рубль*) анализа. Знание латинских и древнегреческих корней позволяет легко семантизировать такие термины, как *микросреда, макроэкономика, эконометрика, интеграция, амортизация, ассортимент, баланс* и др.

Определенную сложность представляет разграничение терминологического и общеупотребительного значения в полифункциональных лексемах, совмещающих их в своей семантической структуре (напр.: *база, план, продукт*), а также идеографических синонимов (напр.: *труд и работа –*) и паронимов (*потребительный – потребительский, лизинг оперативный – лизинг операционный, потребление – потребность*).

Составные терминологические номинации (ср., например, *экологический аудит, экспортный тариф*) выявляют свое значение в контексте. Их

употребление также осложнено влиянием морфолого-синтаксической интерференции (ср.: *процент по вкладам – Guthabeszins*).

В процессе знакомства с аббревиатурами необходимо учитывать, что наряду с имеющимися соответствиями, есть случаи, когда некоторым установившимся в русском языке терминам-аббревиатурам нет соответствий в немецком языке и наоборот, ср.: 1) ЕМР (Банк международных расчетов) – BIZ (Bank für internationalen Zahlungsausgleich); БИК (банковский идентификационный код) – BLZ (Bankleitzahl); 2) АЗБР (Азиатский Банк Развития) – Asiatische Förderbank; ВВП (валовой национальный продукт) – Bruttonationalprodukt; БНХ (баланс народного хозяйства) – Volkswirtschaftsbilanz; АОР (Арабский общий рынок) – Arabischer Gemeinsamermarkt; 3) UOZ (Umweltqualitätsziele) – ориентиры в отношении качества окружающей среды; UQN (Umweltqualitätsnormen) – стандарты качества окружающей среды [9].

Чтобы обеспечить полноту семантизации, следует сказать и о национально-культурном компоненте понятийного содержания термина. Он, несомненно, присутствует в значении таких, например, единиц, как *бюджетный год*, начало и конец которого не совпадает в разных странах, *веселье*, функции которого в России и Германии отличаются, и др.

Следует отметить, что в реальном функционировании термин может обладать образностью и экспрессивностью. Это свойственно в основном метафорическим номинациям (ср., например, *отмывание денег, крест Маршалла, наутинообразная модель*) калькам (например, *цена шизоидов, валюта хромация, белые товары, принцип невидимой руки*) и таким социальным номинациям, употребление которых еще не нормировано – неологизмам или профессионализмам. Их коннотация должна быть также зафиксирована в языковом сознании билингвов.

Терминированная лексика вызывает у иностранных студентов особый интерес, так как позволяет проследить семантическую связь общеупотребительного и собственно терминологического значения. При этом следует указать на различную сочетаемость лексем в общелитературном употреблении и в профессиональной сфере (например, *туристская, овианная база – денежная, налоговая, база налогообложения*).

Правильно выбранный метод семантизации, наличие системы языковых и речевых упражнений, знакомящих иностранного студента с особенностями функционирования термина, соотношением его с общеупотребительным словом, позволяют решить проблемы интерференции и обеспечить овладение экономической терминологией.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вечканов Г.С., Вечканова Г.Р. Современная экономическая энциклопедия. – СПб: Изд-во «Лань», 2002. – 880 с.
2. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Моск. Института истории, философии и литературы. – 1939. – Т.5.- С.3–54.

3. Крысин Л.П. К определению терминов «заимствованно» и «заимствованное слово» // Развитие лексики современного русского языка. – М., 1965.
4. Митрофанова О.Д. Язык научно-технической литературы. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 147 с.
5. Немецко-русский и русско-немецкий экономический словарь / Сост. Н.Н. Прокольева, Е.В. Плисов. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 815 с.
6. Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев, 1993.
7. Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. – М.: Русский язык, 1990. – 186 с.
8. Экономическая энциклопедия/Науч.-ред. совет изд-ва «Экономика». РАН; Гл. ред. Л.И.Абалкин. – М.:ОАО «Изд-во «Экономика», 1999. – 1055 с.
9. Wörterbuch der Abkürzungen – EU, 1997.

СЕКЦИЯ 4. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИКТ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Д.Т. Абрамова, Н.П. Сюткина
Пермский государственный университет

В настоящее время российская высшая школа находится в состоянии системных преобразований, обусловленных изменениями экономических и социокультурных условий развития. Современные условия ставят перед преподавателями иностранного языка новые цели. Языковое образование должно не только обеспечивать высокий уровень профессиональной подготовки выпускников вузов, но и формировать у них такие качества как способность к системному видению реальности, умение формулировать цели инновационного развития в своей области, творчески ставить и решать проблемы, обладать способностью к межкультурному диалогу, адаптации в коллективе, в стране изучаемого языка, совместной плодотворной работе за рубежом.

В число новых целей высшего образования входит обеспечение конкурентоспособности выпускников вузов, ставшее предельно важным в условиях становления экономики, основанной на рыночных принципах. По отношению к ней решающее значение приобретает не только объем и качество знаний, даваемых в вузе, но и уровень компетентности, который должно обеспечить высшее образование для подготовки выпускников географического факультета к жизни в современном обществе. Содержание образования должно быть таким, чтобы в результате его обучаемый проявлял такие качества как функциональная грамотность, методологическая, профессиональная и общекультурная компетентности. В настоящее время, в связи с формированием информационного общества, к этому перечню добавилась еще одна важная составляющая – информационно-коммуникационная компетентность, в формировании которой у выпускников университетов, в силу ряда причин, наблюдается значительное отставание.

Целью инновационной образовательной программы Пермского государственного университета является формирование качественно новой высокоразвитой информационно-образовательной среды классического университета, необходимой для подготовки высокопрофессиональных специалистов, обладающих качественно новым уровнем информационно-коммуникационной компетентности, отвечающей современным требованиям общественного и социального развития.

Благодаря данной программе университет осуществит решительный прорыв в своем развитии, войдет в группу ведущих региональных университетов страны и обеспечит себе условия для устойчивого развития.

Увеличение мощности общуниверситетской компьютерной сети позволило существенно увеличить объем учебной информации, передаваемой внутри университетской единой телеинформационной системы, что дало возможность использовать в учебном процессе со студентами географического факультета информационно емкие технологии, например, применять в массовом порядке аудио- и видеоматериалы высокого качества, в частности для обучения иностранным языкам.

Добавление к существующей кабельной компьютерной высокопроизводительной сети сегмента по обеспечению беспроводного доступа в сеть позволило серьезно повысить мобильность и уровень доступа участников образовательного процесса к информационным, в том числе и учебным, источникам. Сегодня система беспроводного доступа в компьютерную сеть позволяет преподавателям иностранного языка использовать имеющиеся у них учебные материалы не только в местах стационарного размещения компьютерной и видеопроекционной техники, но и в любых аудиториях и помещениях университетского городка. В среднесрочной перспективе, по мере увеличения обеспеченности студентов необходимыми техническими средствами (переносными персональными компьютерами и аналогичными устройствами, оснащенными беспроводной связью), появится возможность эффективного освоения ими учебных материалов на иностранном языке, размещенных в университетской информационной среде. Студенты географического факультета смогут интенсифицировать самостоятельную работу непосредственно на территории кампуса университета.

В 2006 г. преподаватели иностранных языков университета получили служебные портативные компьютеры фирмы Тошиба, являющиеся лучшими в настоящее время в данном классе оборудования. Персональные компьютеры позволили интенсифицировать учебную, методическую и научную деятельность преподавателей. Компьютеры обладают мощными коммуникационными, вычислительными и мультимедийными возможностями, позволяющими обеспечить, с одной стороны, высочайший уровень информационно-коммуникационной компетентности, а с другой стороны – высокие мобильность и производительность труда преподавателей университета. У этих компьютеров имеются следующие возможности:

- подключения как к кабельной, так и беспроводной компьютерной сети университета, равно как и к телефонной сети общего пользования;
- эффективного обмена информацией с аналогичными компьютерами других преподавателей и студентов;
- работы с различными источниками мультимедийной информации (аудио- и видеодисками практически всех форматов, картами флэш-памяти всех основных типов, видеокамерами и иными источниками информации), включая, при необходимости, редактирование имеющихся материалов;

- применения демонстрационных средств с использованием аудио- и визуальной техники (видеопрокторов и иных устройств отображения и озвучивания данных);

- применения технологии непосредственного контакта человека и компьютера, позволяющей вводить информацию через сенсорный экран компьютера, с возможностью распознавания рукописного текста и перевода его в компьютерное представление;

- применение технологии микрофонного ввода и распознавания устной английской речи;

- защиты интеллектуальной собственности и охраны учебной информации через повышенные меры безопасности (идентификация при доступе к компьютеру через отпечаток пальца владельца компьютера).

Второе крупное мероприятие по направлению заключалось в оборудовании аудиторий и лабораторий университета аудиовизуальной демонстрационной техникой. В 2006 году завершена поставка и начался монтаж в 50 аудиториях и лабораториях малой и средней вместимости (на учебную подгруппу или группу) и в 5 лекционных аудиториях. В каждой аудитории стационарно установлен видеопроектор, оснащенный как проводным, так и беспроводным разъемами для соединения с источником информации. По завершении работ преподаватели получили возможность использовать персональные переносные компьютеры во время проведения занятий по иностранному языку непосредственно в данных аудиториях. Крупные аудитории дополнительно оборудованы аудиусилительной аппаратурой для повышения качества проведения занятий. В 2007 году подобным оборудованием были оснащены остальные *200 аудиторий и лабораторий университета.

Компьютеризация основных читальных залов (гуманитарных наук, научной литературы, зал каталогов, кабинет библиографии, периодики, естественных наук, географического факультета) университетской библиотеки открывает новые возможности для студентов в использовании современных научных и образовательных ресурсов, осуществлении самостоятельной учебной и научной работы студентов с использованием ИКТ и компьютерных ресурсов.

По подпрограмме «Формирование коммуникационной компетентности студентов университета в сфере иностранных языков» проведена закупка 10 мультимедийных лингвистических классов, оснащенных специализированным программным обеспечением Sanako Lab 250, и 2 мультимедийных лингвистических классов, оснащенных специализированным программным обеспечением NetPro. Оборудование этих новых учебных лабораторий включает создание локальной компьютерной сети в пределах класса с подключением к глобальной сети; возможность удаленного доступа к базам данных; интерактивное изучение методических пособий и рекомендаций, размещенных в сети или представленных на электронных носителях. Использование телекоммуникационных технологий обеспечило возможность дистанционного обучения, промежуточного и итогового контроля знаний,

расширило возможности самостоятельной работы студентов. Данные инновации позволили, прежде всего, увеличить долю самостоятельной работы студентов на занятии по иностранному языку, освободить преподавателя от рутинной, нетворческой работы, резко повысить эффективность аудиторных занятий.

Введен значительный мультимедийный компонент (ссылки на информационные и обучающие модули, сайты и порталы в Интернете, рекомендации по работе с ними). На кафедре лингводидактики составлен каталог Интернет-ресурсов по тематике географического факультета, на котором кафедра ведет занятия по французскому языку.

Преподаватели этой кафедры в настоящее время работают над созданием интерактивных учебных материалов в рамках курса повышения квалификации «Создание интерактивных учебных материалов для компьютерно опосредованного изучения иностранного языка». На кафедре создается банк интерактивных учебных материалов для использования в мультимедийных классах в 2008 г.

В этом случае преподаватели кафедры активно используют такие формы работы со студентами в этой ситуации, как коммуникация посредством электронной почты, чем обеспечивается большая индивидуализация обучения.

Готовится серия публикаций методических пособий для обеспечения такой деятельности. Так, например, разработан и вводится в учебный процесс дистанционный курс делового французского языка для студентов 1-2 курса очного и заочного отделений географического факультета. Авторы – преподаватели кафедры лингводидактики ПГУ.

В рамках подпрограммы повышения квалификации, для подготовки к работе с лингвистическими классами данного типа, свыше 30 преподавателей кафедр иностранных языков университета прошли обучение в Великобритании. Данные мероприятия должны значительно повысить уровень иноязычной компетентности студентов всех факультетов университета. Особенно важным данное мероприятие будет для студентов географического факультета и студентов филологического факультета, поскольку дисциплины, связанные с изучением иностранных языков современных романо-германских и славянских языков в совокупности занимают в соответствующих учебных планах от 30 до 60% аудиторного времени.

Огромная работа была проделана по разработке учебного и учебно-методического обеспечения, поддерживающего выполнение Программы. В рамках этой работы созданы

- новые электронные учебно-методические пособия, адресованные в первую очередь студентам географического факультета для освоения страноведческой и лингвострановедческой информации по специальности на иностранном языке, так и ранее существовавшие, но глубоко переработанные для интеграции в них новых информационных и коммуникационных технологий;

- методические пособия, адресованные, в первую очередь преподавателям иностранного языка университета, ведущим обучение по

различным вопросам, связанным с информационно-коммуникационными технологиями; многие из этих пособий может быть использована и студентами;

- новые учебные программы по специальностям, причем при их разработке учитывалось одно из основных требований Программы – снижение доли аудиторной работы студентов за счет увеличения самостоятельной работы с применением информационных технологий и ресурсов; после принятия на заседаниях ученых советов соответствующих факультетов указанные программы с 2007/2008 учебного года постепенно включаются в учебный процесс.

В результате выполнения этой работы создана уникальная библиотека, которая может быть полезной для многих вузов страны. Университет, в соответствии с данным в Заявке на конкурсе обещанием, намерен разместить указанные пособия в открытом доступе на своем Web-сайте в сети Интернет.

Таким образом, в заключении отметим, информационные технологии все более активно используются в практике преподавания иностранных языков. Об этом свидетельствуют не только масштабные специализированные международные и всероссийские конференции (CALL, EuroCALL, WorldCALL, ICTiLLT, «Информационно-коммуникационные технологии в обучении языку»), ИКТ-секции на конференциях ассоциаций прикладной лингвистики и преподавателей иностранных языков, но и мероприятия регионального уровня. Примером может служить проиллюстрированный выше пример.

Литература:

1. Modern Languages: Learning, Teaching, Assessment. A Common European Framework of Reference. Strasbourg, 1996.
2. Галишикова Е. М. Использование интерактивной Smart-Доски в процессе обучения // Учитель. - 2007. - № 4. - с. 8-10
3. Гордиенко Г. А. Система тестовых технологий на уроках истории и обществознания // Учитель. - 2007. - № 3. - с. 9-10
4. Горина М. В. Информационные технологии на уроках русского языка // Учитель. - 2007. - № 5. - с. 11-15
5. Захарова И. Г. Информационные технологии в образовании: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. - М., 2003
6. Зубов А. В. Информационные технологии в лингвистике. - М., 2004
7. Использование современных информационных и коммуникационных технологий в учебном процессе: учебно-методическое пособие / Авторы-составители: Д.П. Тевс, В. Н. Поджовырова, Е. И. Апольских, М. В. Афонина. - Барнаул: БГПУ, 2006
8. Клоков Е. В., Денисов А. В. Технология проектного обучения // Школа. - 2006. - №2. - с. 29-36
9. Коноилева И. С., Чубова А. П. Компьютерные обучающие системы // Учитель. - 2007. - № 5. - с. 16-17
10. Кораблев А. А. Информационно-телекоммуникационные технологии в образовательном процессе // Школа. - 2006. - №2. - с. 37-39
11. Кораблев А. А. Непрерывное образование // Школа. - 2006. - №2. - с. 34-36

12. Кораблёв А. А. Сила. Второй закон Ньютона // Школа. - 2006. - №2. - с. 31-33
13. Пименова И. М. Слайд-фильм по обществознанию «Человек. Индивид. Личность» // Учитель. - 2007. - № 4. - с. 16-17
14. Полт Е. С., Бухаркина М. Ю., Моисеева М. В., Петров А. Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. - М., 2001
15. Сергеева М. Э. Новые информационные технологии в обучении английскому языку // Педагог. - 2005. - № 2. - с. 162-166
16. Синегубова Н. М. Информационные технологии на уроках английского языка // Школа. - 2006. - № 2. - с. 43-44
17. Судак А. В. Формирование информационно-образовательной среды // Школа. - 2006. - №2. - с. 49-59
18. Угринович Н. Д. Информатика и информационные технологии: Примерное поурочное планирование с примерами интерактивных средств обучения / Н. Д. Угринович, Д. В. Новенко. - М., 1999
19. Шамшиер Г. Обучающие компьютерные системы // Высшее образование в России. - 1998. - № 3. - с. 95-96
20. Шаронов А. С. На рубеже столетия // Школа. - 2006. - №2. - с. 61-63

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ю.И. Бокатина

Филиал Самарского государственного университета путей сообщения
г. Рузаевка, Республика Мордовия

В настоящее время в связи с ситуацией стремительного роста общечеловеческих знаний образование рассматривается не только как процесс овладения человеком определённой системой знаний, умений и навыков, но и как способ мышления, необходимый для полноценного включения личности в социальную и культурную жизнь общества. Создание условий для развития личности требует особого подхода к конструированию содержания образования, обеспечивающего развитие творческих возможностей ребёнка, вхождение его в культуру, в жизнь социума.

Особая роль в решении обозначенных выше проблем принадлежит личностно-ориентированному подходу к содержанию образования. По мнению А.В. Хуторского, в образовании личностно-ориентированного типа в зоне первичного внимания находится деятельность самого ученика, его внутреннее образовательное приращение и развитие. Основная функция личностно-ориентированного содержания образования – обеспечивать и отражать становление системы личностных образовательных смыслов ученика [3; 69-70].

В настоящее время одной из наиболее актуальных педагогических технологий личностно-ориентированного образования, которая способствует формированию личного опыта учащихся в процессе осуществления ими индивидуальной интеллектуальной деятельности, является проектное обучение. Анализ современной педагогической и лингводидактической литературы показывает, что в настоящее время наметилось употребление в качестве эквивалентов понятий: «проектное обучение», «проектная деятельность», «метод проектов» (см. работы О.В. Брыковой, Л.А. Вытковой, М.Б. Романовской, И.С. Сергеева, Л.В. Черепановой, С.Г. Щербаковой и др.). Под методом проектов понимается набор техник и приёмов, позволяющих создавать образовательные ситуации, в которых учащийся ставит и решает собственные проблемы, и технология сопровождения самостоятельной деятельности учащегося [1; 8]. Если рассматривать метод проектов как педагогическую технологию, то эта технология предполагает совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, творческих по самой своей сути.

По мнению Ю.А. Соколовой, на уроках русского языка метод проектов целесообразно использовать не вместо систематического предметного обучения, а наряду с ним, как компонент системы образования. В процессе обучения русскому языку методы проектов реализуются на этапе творческого освоения материала, когда учащиеся уже имеют определённый багаж знаний по какой-либо теме [2; 3].

Основой проектной деятельности является проблема теоретического или практического характера, имеющая для школьника личностную, субъективную значимость. Проект как специально организованный учителем и самостоятельно выполняемый детьми комплекс действий ориентирован на решение данной проблемы. Результатом проектной деятельности является создаваемый школьниками продукт, который реализуется в форме доклада, реферата, исследовательской работы, презентации, творческого отчёта.

При рассмотрении проблемы способов включения проектной деятельности в процесс обучения школьников русскому языку необходимо отметить, что система проектной работы охватывает как урочную, так и внеурочную деятельность. Для формирования проектных умений используется два вида урочных занятий. Первый вид – проектный урок, который целиком состоит из работы над проектом. Второй вид – это урок, на котором могут использоваться проекты, выполненные отдельными учениками или группами учащихся во внеурочное время по каким-либо темам предметного содержания, или межпредметные проекты [1; 21].

Опираясь на концепцию А.Н. Леонтьева об основных фазах деятельности, Л.В. Черепанова выделяет следующие этапы работы над исследовательским проектом на уроках русского языка:

1. Этап ориентировки (определение проблемы, цели и задач исследовательской деятельности, направленной на решение проблемы, выдвижение гипотезы исследования, определение методов исследовательской деятельности, определение способов оформления результатов исследования).

2. Этап планирования (составление плана исследования, подбор литературы, обработка источников исследования проблемы, составление вопросов для беседы, анкеты).

3. Этап реализации (анализ и систематизация источников исследования проблемы, составление плана оформления результатов исследования, оформление результатов).

4. Этап контроля (соотнесение полученного текста исследования с основными требованиями к нему, внесение исправлений и дополнений) [4; 46-47].

Приведём пример исследовательского проекта, выполненного группой учеников во внеурочное время. Проект используется на уроке русского языка при изучении темы «Публицистический стиль речи» (11 класс).

«Тема нашего исследования «Особенности употребления метафоры в современной газетной публицистике». Объектом нашего исследования являются печатные издания, поскольку они помогают наиболее полно проследить специфику функционирования языковых средств в современной публицистической речи. Современная газетная публицистика тяготеет к яркости образов, изобразительности, и особую роль в этом играет метафора, особенности употребления которой и стали предметом нашего исследования. Цель нашей работы – выявить функции метафоры в современной газетной публицистике. Для достижения этой цели нами были использованы следующие методы исследования: чтение и анализ научной литературы, анализ периодических изданий, метод лингвистического наблюдения и комментирование.

Обратимся к определению метафоры. Метафора – это троп, основанный на переносе свойств и признаков одного предмета на другой по принципу сходства. В ходе анализа газетных текстов нами был выявлен тот факт, что наиболее часто метафора используется для выражения авторской оценки. Например, в статье, посвящённой проблемам шоу-бизнеса, автор, описывая популярную телевизионную передачу «Фабрика звёзд», отмечает: «При абсолютно одинаковых условиях в инкубаторе пытались вырастить звёзд и пускать их в оборот».

Метафора используется для создания ярких образов. Например: «Женщины устали чувствовать себя нарядными куклами в руках мастеровитых кукловодов-дизайнеров»; «... режиссёры этого фильма – это интеллектуальные отходы Голливуда, кинематографические крысы, выросшие в подвалах голливудских студий».

Метафора в публицистическом тексте может быть использована и как средство создания яркого образа, и как средство юмористического: «Вот весна. Расцветают девушки, распускаются юноши, солнце светит»; «Этот динозавр мировой рок-поп-культуры готовится ударить по вашим ушам и кошечкам своим новым альбомом, а уже в следующем году собирается сделать «контрольный выстрел» по карманам самых преданных поклонников, выпустив документальную ленту о себе».

В современном публицистическом тексте метафора служит для создания эмоционально-образной ситуации, что способствует управлению восприятием читателя: «Многие исполнители бесследно исчезают на бескрайних музыкальных просторах».

Итак, мы можем сделать вывод о том, что основная функция метафоры как средства художественной выразительности в современной публицистике – создание авторской открытой оценочности. Применение образных средств в публицистике подчинено следующей задаче – информировать, воздействовать на умы и сердца читателей, пробуждая интерес к сообщаемому, вызывая ответную реакцию».

Таким образом, проектное обучение как одна из наиболее актуальных педагогических технологий личностно-ориентированного образования способствует формированию у школьников умений самостоятельно приобретать знания, пользоваться приобретёнными знаниями при решении проблем теоретического или практического характера, ориентироваться в информационном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Организация проектной деятельности в школе: система работы / авт.-сост. С.Г. Шербакова и др. – Волгоград: Учитель, 2009. – 189 с.
2. Соколова, Ю.А. Учебный проект и возможность его реализации на уроках русского языка / Ю.А. Соколова // Русский язык в школе. – 2008. - № 6. – С. 3-7.
3. Хуторской А.В. Методика личностно-ориентированного обучения. Как обучать всех по-разному? / А.В. Хуторской. – М.: Владос-пресс, 2005. – 383 с.
4. Черепанова, Л.В. Проектная деятельность в обучении русскому языку / Л.В. Черепанова // Русская словесность. – 2006. - № 5. – С. 46-50.

ПЕДАГОГИКА СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ

А. Боровска

Белостокский политехнический университет (Польша)

В язык педагогики термин «педагогика свободного времени» вошёл в 50-е годы, как следствие развития индустриального общества. В странах Западной Европы область изучения проблемы педагогической организации досуга систематически верифицируется и творчески развивается, примером чего могут служить многочисленные европейские конгрессы, посвящённые данной тематике. В Германии, Австрии и Швейцарии созданы и успешно функционируют педагогические центры организации свободного времени. В то же время данная проблематика до сих пор представляется новаторской в странах Восточной Европы.

В наши дни количество свободного времени систематически возрастает, что обусловлено сокращением рабочего времени и увеличением

продолжительности жизни. Развитие новых технологий ведет к сокращению рабочего времени. Предполагается, что эта тенденция сохранится и усилится, поскольку информационная и коммуникационная революции гарантируют рост производительности труда. Уже сейчас, в результате технологической безработицы, а также более короткой рабочей недели, количество свободного времени заметно увеличилось. В своей работе мы ставим цель охарактеризовать проблему педагогической организации свободного времени, обращая особое внимание на необходимость преобразований в этой области.

Понятие педагогической организации свободного времени используется в польской теоретической литературе наравне со следующими: «подготовка к свободному времени», или «подготовка к отдыху» и понимается как «плановые действия, формирующие в молодом поколении умения рационального использования свободного времени» [2; 26]. То есть, это преднамеренные и целенаправленные действия воспитателей, которые должны повлечь за собой устойчивые изменения в личности молодого человека. Подобная модификация основана на пробуждении интереса к различным формам организации досуга, а также интернализации определенных потребностей, ценностей и основ конструктивного использования свободного времени.

Основная проблема заключается в том, что люди, имеющие большое количество свободного времени, не умеют его использовать конструктивным образом. В наше время, когда сильно возросло влияние потребительского образа жизни, этот вопрос становится особенно важным. Люди знают, как грамотно использовать рабочее время, потому что их этому учили (социология труда, организация труда, распределение времени). Между тем, до сих пор никто не обучал тому, как организовать свободное время, ведь раньше его всегда не хватало.

Исследования польских ученых подтверждают тот факт, что две общественные группы особенно подвержены негативным результатам избытка свободного времени – это молодежь и пенсионеры. Знаменательно, что эти группы обладают наибольшим количеством свободного времени и наименьшими финансовыми возможностями. О досуге состоятельных людей эффективно работает рынок туристических, рекреационных и образовательных услуг. Предложения в этой области довольно богаты и постоянно увеличиваются, отвечающая всем требованиям состоятельных клиентов.

В то же время организацией досуга молодых людей практически никто не занимается, вследствие чего эта группа особенно подвержена всем негативным влияниям потребительского образа жизни, который сегодня повсеместно транслируется средствами массовой информации, СМИ и реклама манипулируют общественным сознанием, распространяя идею массового потребления как продуктов, так и услуг. Молодежь особенно легко поддается различного рода манипуляциям, основанным на применении всех психологических механизмов, в первую очередь, затрагивающих вопросы самооценки. Примеры и образ жизни, пропагандируемые сегодня в СМИ, порождают все большие потребности в области консультирования материальных благ, приводя к фрустрации из-за невозможности удовлетворения растущих

потребностей. Именно отсутствие альтернативных примеров и возможностей использования свободного времени влечет за собой множество социальных проблем. Все чаще и ярче проявляются в молодежной среде такие явления как алкоголизм (все больше несовершеннолетних употребляет алкоголь, несмотря на законодательные ограничения), наркомания, проституция, воровство т.п.

О социальных проблемах, связанных с проведением досуга писал еще в 70-х годах известный польский педагог Александр Каминьский. Он утверждал, что увеличивающееся количество свободного времени опережает умение его организации, а люди самостоятельно не готовы использовать его, поэтому образование в этой области необходимо. Эффектом педагогической организации отдыха должно стать постоянное увеличение уровня культуры досуга личности, групп и общества. По его мнению, педагогическая организация свободного времени должна основываться на:

- создании ценностных образцов при использовании разнообразных психических, социологических и культурных стимулов;
- общественном манипулировании ценностными образцами досуга через привитие новых, или же преобразование уже существующих образцов, а также искоренение нежелательных образцов [1; 35-36].

А. Каминьский писал, что, если принять во внимание, что «свободное время – это большой дар, который преподнес современному обществу технический прогресс и борющийся за лучшую жизнь пролетариат», то это общество, равно как и отдельные личности, обязаны создать условия для полезного использования этого времени. Эти условия таковы:

- подготовка людей к умелой организации досуга с точки зрения здоровья, морали и культуры.
- создание институтов, которые поддерживали бы стремления человека к достижению более высокого качества жизни [там же; 41].

Кроме того, именно образование создает определенный стандарт культурных и образовательных потребностей, а также общественных и физических действий, которые делают возможным саму организацию досуга.

Педагогическая деятельность должна зарождать, пробуждать и усиливать потребности самореализации каждой личности; должна учить, как можно конструктивно использовать свободное время согласно трем его функциям, которые сформулировал А. Каминьский, обращаясь к греческим источникам: отдых, игра и работа над собой. Гармоничное развитие человека – как личностное, так и социальное – требует равномерной реализации этих трех функций:

- 1) отдых (рекреация) – то есть все занятия, обеспечивающие психофизическую регенерацию;
- 2) игра – развлекательная функция свободного времени, основанная на навыке спонтанной игры, которая выполняет много различных функций в психической и социальной жизни человека;

3) работа над собой (автокреция) - то есть все занятия, развивающие личность, приводящие к совершенству в какой-либо области: духовной, материальной, социальной или физической [там же; 47].

Воспитательные организации должны осознанно и целенаправленно воздействовать на общество, чтобы привить ему здоровый, развивающий и культурный образ жизни, повышая тем самым культуру проведения свободного времени, и тем самым поднимая качество общественной жизни, приводя к росту социального капитала.

Деятельность организаций должна быть направлена на решение профилактических и творческих задач. Профилактических, то есть защищающих от деструктивных способов проведения свободного времени, а также творческих, которые вдохновляли бы на проведение свободного времени в творческом и развивающем высшие ценностные ориентиры русле.

Главной воспитательной и образовательной институцией в области организации досуга А. Каминьски считал школу. Это единственная организация, которая собирает большие группы детей и молодежи на длительный период времени, создавая тем самым возможность для систематических, целенаправленных и организованных действий.

Помимо образовательных и воспитательных функций, пробуждения в учениках потребности самобразования, школа должна реализовывать педагогическую организацию досуга в рамках внеурочных занятий, которые должны включать:

1) кружки и группы, под руководством инструкторов, учителей или родителей;

2) художественные, развлекательные, туристические, спортивные и другие мероприятия, организованные для учеников, родителей и местного населения;

3) работу идейно-воспитательных, социальных организаций и школьного самоуправления;

Активность учеников в рамках всех внеурочных занятий приносит разностороннюю пользу:

1) конструктивно заполняет досуг и является альтернативой деструктивным формам использования свободного времени;

2) обеспечивает интеллектуальное, эмоциональное, физическое и социальное развитие; хорошо организованные занятия дают возможность проявиться скрытым талантам и разнообразным творческим возможностям;

3) навсегда приучает к активному и конструктивному проведению свободного времени, прививает здоровые навыки и интересы, которые также будут реализовываться у взрослого человека, и которые он впоследствии передаст своим детям;

4) Благодаря творческим занятиям наступает развитие личности, а также самооценки, которая обуславливает здоровую и удовлетворенную жизнь во всех аспектах: личном и профессиональном.

К сожалению, в Польше школа до сих пор не стала местом, где учащиеся проводят свой досуг. Несмотря на то, что это место просто предназначено для

того, чтобы постоянно прививать культуру проведения свободного времени, и не смотря на материальные условия (здания, лаборатории, спортзалы и стадионы), а также хорошо обученный педагогический состав, школа не выполняет полностью своей образовательной функции и не использует свои возможности в полной мере в большей степени на своих воспитанников и на местное окружение. Причиной этого является отсутствие идей, лидеров и финансов, а также поддержки соответствующих институций.

Чем могла бы стать школа для учеников, родителей и окружения описывают авторы мирового бестселлера «Революция в обучении» [3], которые представляют на страницах своей книги революционные перемены, касающиеся обучения, а также новой роли школы. Там приводится описание нескольких школ, возникших в разных уголках мира, которые стали как для своих учеников, так и для общества, чем-то гораздо большим, нежели традиционная школа. Они открыты с утра до ночи и являются местом пребывания не только учеников, но и их родителей, а также бабушек и дедушек. Авторы подчеркивают особую роль формирования самооценки и художественных занятий. В общем развитии ученика упор при этом делается на творчество.

Представленные там исследования свидетельствуют о том, что школа может эффективно и с большой пользой организовать свободное время молодежи и взрослых.

Результаты отсутствия образования в области организации досуга имеют негативные последствия и без вмешательства определенных институций они будут ухудшаться еще более, поскольку все более распространенным образом жизни становится потребительский стиль. Он особенно опасен для молодежи из-за активной пропаганды посредством рекламы, СМИ и телевидения, которое поглощает основную часть свободного времени, вызывая пассивность и спад мыслительной активности, а также снижая возможности критической оценки.

Свободное время имеет для молодых людей особое значение, так как они переживают критический момент в своей жизни, в который могут открыть себя, свои таланты, определить свои возможности, слабые и сильные стороны, а также сформулировать свои цели и мечты. Мечты очень важны (именно личностные, а не навязанные другими), так как они являются главной мотивацией для действий, работы и достижений, придают смысл жизни.

Оттождествление свободного времени исключительно с потреблением, а также вера в то, что потребление удовлетворит все потребности: не только материальные, но и потребность в общении, любви и самореализации (которые являются вечными и естественными потребностями каждого человека) наносит вред как личности, так и обществу. Личность вырождается на всех уровнях: физическом, эмоциональном, духовном и материальном. Время, посвящаемое избыточному потреблению - это потерянное время, так как растущее количество свободного времени, то есть капитала, посредством потребления благ и услуг массовой культуры служит исключительно росту и обогащению владельцев корпораций, а не росту личности.

В нашей культуре метафорой времени являются деньги, мы говорим: «Время – деньги». Если время это деньги, то их нужно выгодно вложить. Гармоничное использование свободного времени, а в особенности его третьей функции – работы над собой – может быть совершенной формой инвестиций свободного времени, особенно для молодых людей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вознякова Е. Педагогика свободного времени А. Каминьского. Варшава, 1996.
2. Врочиньский Р. Функции общественной педагогики. Варшава, 1979.
3. Дрыдень Г., Вос. И. Революция в обучении. Познань, 2000.

ПОТЕНЦИАЛ ВИРТУАЛЬНЫХ МИРОВ В ОБУЧЕНИИ И ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Е.А. Головкин

Ставропольский государственный университет

Развитие информационных и коммуникационных технологий и, в частности, виртуальной реальности и виртуальных миров, в конце XX века сформировало предпосылки для нового этапа комплексного изучения культуры как сложной системы и места человека в ней. К одной из этих предпосылок можно отнести понимание культуры как метасистемы самостоятельных системных образований (экономика, политика, наука и образование, искусство, СМИ и т.п.) и метамеханизма как основы ее регулирования [2]. Поэтому в связи с массовой, отчасти стихийной виртуализацией общества – виртуальные экономика, университеты, предприятия, работа, лаборатории, музеи, правительства, войны, люди и т.п., а также опережающим развитием технических и программных средств формирования и поддержки компьютерных виртуальных миров перед осмыслением их возможностей и последствий применения, потребовалось философское, психологическое, культурологическое, техническое и др. осмысление этого процесса и его последствий для человека.

В качестве значительных достижений в этой области можно привести работы О. Тоффлера (супериндустриализм как торговля ощущениями), Ж. Бодрийара, А. Моля, Ж. Ланье, М. Хайма, М. Крюгера, Ф. Хэмита, Б.Ф. Егорова, М.Б. Игнатьева, Ю.М. Лотмана, Н.А. Носова, В. Руднева, И. Корсунцева, В. Галева и др. *Виртуальный мир* – это среда обучения, соединяющая в себе «мощные многоцентричные средства воздействия на обучаемого со свободой обучаемого в их выборе» [1; 65-70].

В настоящее время за рубежом виртуальные миры как объект изучения и применения находятся в стадии интенсивных коммерческих и экспериментальных исследований и первых коммерческих применений. Это

направление в приоритетные направления науки и техники Национальной академии наук и Министерства обороны США, в 6-ю Рамочную Программу Европейского сообщества и ряд других международных и национальных программ развитых стран. В России исследования и разработки в области виртуальных миров соответствуют приоритетным направлениям фундаментальных исследований, критическим технологиям и технологиям двойного назначения федерального уровня. В области образования виртуальные миры, как одна из перспективных информационных и коммуникационных технологий, будут способствовать достижению целей и решению задач информатизации стратегических образовательных направлений Министерства образования [3].

Известно, что наилучшим способом совершенствования коммуникативной компетенции является погружение в аутентичную среду изучаемого языка. Так многие студенты-лингвисты российских ВУЗов по программе обмена или по собственной инициативе обучаются в учебных заведениях Европы и Америки. Однако система образования не совершенна и пройти такой курс лекций сможет далеко не каждый. Заполнить этот пробел под силу лишь современным мультимедиа средствам призванным обеспечить возможность максимально приближенной к реальности коммуникации студента с носителями изучаемого им языка и виртуального погружения учащегося в аутентичную среду изучаемого языка. Такие возможности нам предоставляет Интернет, предлагая услуги Интернет-телефонии, видеоконференцсвязи, электронной почты, чат программ и многих других способов обмена информацией. Безусловно, в изучении иностранных языков и совершенствовании иноязычной коммуникативной компетенции студентов-лингвистов данные услуги обладают большим лингводидактическим потенциалом и обеспечивают непосредственную интеракцию студента-лингвиста с носителем языка, однако, не могут в полной мере являться заменой реальному пребыванию в стране изучаемого языка.

Методика практического использования виртуальных (активных) миров в изучении иностранного языка, а именно совершенствовании коммуникативной компетенции студентов-лингвистов в настоящее время находится в стадии разработки в Европейском Образовательном Пространстве, в то время как Российская Высшая Школа уже предлагает различные методики использования виртуальных миров в образовании. Так был создан российский проект – Федерация Интернет Образования ВПО, на официальном сайте которого (<http://www.fio.ru>) расположено колоссальное количество информации, например публикации электронного журнала «Вопросы Интернет - образования» авторы которого обращают свое внимание на разработку вышеупомянутой методики.

Согласно исследованиям ФИО, а так же внимательно рассмотрев виртуальные миры как технологию примененную в образовании, мы вслед за Е.С. Полат пришли к выводу, что использование данной технологии в обучении иностранному языку отвечает основным принципиальным положениям [5]: самостоятельная практика каждого обучаемого, самостоятельная деятельность,

Кроме того, здесь выполняются такие основные методические принципы как: коммуникативность, сознательность, наглядность [4].

Основными характеристиками виртуального мира являются погружение, присутствие и интерактивность, что при обучении и изучении иностранных языков играет важную роль, поскольку у студентов нет возможности обучаться в стране изучаемого языка, а использование виртуальных миров дает им непосредственное ощущение присутствия среди носителей языка [3; 104]:

- погружение – мера степени информации, окружающей и включающей человека через его сенсорные средства;
- присутствие – мера субъективного эмоционального чувства присутствия человека в области среды или пространства;
- интерактивность – мера предоставляемой человеку возможности свободы действий внутри среды, которые основаны на правилах и поведении среды.

Преподавание языков в 3D-пространстве пока ещё находится на ранних этапах развития, но уже рождает немалый интерес у студентов, преподавателей и образовательных консультантов, позволяет обеспечить моделирование реальных жизненных ситуаций и позволить студентам выявить более творческие и наиболее близкие к жизни улучшения навыков языка, а для преподавателей – приобретение навыков работы с новыми информационными технологиями.

Занимательность студентов-лингвистов в компьютерных технологиях велика, соответственно введение Интернет-технологии виртуальных миров в образовательный процесс является мощным мотивационным средством в обучении иностранному языку и выступит в качестве дополнительного к традиционному средством совершенствования самостоятельной работы учащихся, обеспечит процесс новыми ранее недоступными материалами, которые делают учебную деятельность более эффективной и интересной, а также выступит средством создания условий приближенных к реальной среде. Поскольку данная технология обеспечивает полноценную коммуникацию людей, хотя и виртуальную, самым распространенным способом погружения в языковую среду является использование видеоконференции и IP-телефонии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Евдокимова М.Г. Виртуальные форматы для обучения иностранному языку с использованием ресурсов Интернета // Телекоммуникация и информатизация образования. – 2002. – №2. – С.65-70.
2. Егоров Б.Ф., Игнатъев М.Б., Лотман Ю.М. Искусственный интеллект как метамеханизм культуры // Ежеквартальник русской филологии и культуры. Russian Studies. – № 1-4. – 1995. – С.277-287.
3. Игнатъев М.Б., Никитин А.В., Решетникова Н.Н. Технологии виртуальных миров как основа ИТ-образования. Электронный ресурс // <http://2005.edu-it.ru/docs/1/1-04.Ignatjev.Nikitin.Reshetnikova.doc>
4. Минькова Е.Н. Интернет-ресурсы как средство оптимизации процесса изучения иностранного языка. Материалы международного методического

симпозиума. Лемпертовские чтения 6. – Пятигорск, 2004 // <http://pa.pglu.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=99>
5. Полат Е.С. Некоторые концептуальные положения организации дистанционного обучения иностранному языку на базе компьютерных телекоммуникаций // Иностр. языки в школе. – 1998. – №№ 5,6.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ У СТУДЕНТОВ ОПЫТА ПОЗИТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СРЕДСТВАМИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Л.Д. Кривых

Астраханский Государственный Университет

В целом, вузовское образование сегодня обладает необходимым потенциалом, чтобы выполнить «социальный заказ государства на воспитание человека современно образованного, нравственного, предприимчивого, готового самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, способного к сотрудничеству и межкультурному взаимодействию, обладающего чувством ответственности за судьбу страны» (3, 113). «Университетское образование развивает способность оценивать явления с позиции другого человека, разных культур, иной социально-экономической формации» (1,128).

Степень эффективности педагогического управления процессом формирования у студентов опыта позитивных социальных отношений средствами иностранного языка определена рядом условий и совокупностью подходов к организации образовательного процесса.

Исходя из того, что мы рассматриваем социальные отношения в единстве когнитивного, аффективного и деятельностного компонентов, полагаем логичным корреляцию педагогических условий вышеназванному структурному триединству.

Определим следующие условия формирования опыта позитивных социальных отношений:

- интерактивный социоориентированный характер взаимодействия субъектов образовательного процесса при изучении дисциплины «иностраный язык» (соотносится с деятельностным компонентом);
- социально-позитивная атмосфера на занятиях по иностранному языку (соотносится с аффективным компонентом);
- вариативный выбор дифференцированных траекторий формирования опыта позитивных социальных отношений средствами иностранного языка с учетом контентной неоднозначности основополагающей категории исследования, обозначенных критериально-уровневых особенностей социального взаимодействия (соотносится с когнитивным компонентом).

Ведущие методологические основания составляют личностно-деятельностный, личностноразвивающий и компетентностный подходы.

В рамках личностнодеятельностного подхода студент выступает субъектом самостоятельной самоориентированной деятельности; межличностное взаимодействие выстраивается с учетом индивидуально-психологических особенностей и потребностно-мотивационной сферы личности; педагогическое общение личностноориентированно, основано на принципах паритетности и равноправия.

Личностноразвивающий подход предполагает развитие личности через достижение гармонии во внешнем плане (социумность) и внутреннем плане (самость). Опираясь на разработанные Е.Н.Шияновым положения личностно-развивающей образовательной парадигмы, мы выделяем такие ключевые характеристики подхода, как приобщение личности к системе культурных ценностей и выработка своего отношения к ним; раскрытие диапазона и конкретного содержания общечеловеческих норм гуманистической морали и культивирование значимых личностных параметров; развитие интеллектуально-нравственной свободы личности, способности к адекватным самооценкам и оценкам, саморегуляции поведения и деятельности, мировоззренческой рефлексии; возрождение традиций российской культуры, чувства патриотизма и законности страны и гражданскими правам личности, стремления к сохранению и развитию престижа, славы и богатства отечества; формирование отношения к труду как к социально и личностно значимой деятельности, источнику и фактору материальных и духовных ценностей, которые, в свою очередь, обеспечивают возможности личностного роста [4,58].

Использование возможностей компетентностного подхода для формирования опыта позитивных социальных отношений у студентов видится через достижение последним удовлетворительного состояния социального взаимодействия при наличии компетенций (компетентностей), как способности действовать в ситуации неопределенности при решении актуальных на данном этапе проблем. При этом мы выделяем одну из базовых характеристик социального аттитудного кластера - социальную компетентность. В рамках компетентностного подхода предлагаемый алгоритм формирования исследуемого личностного образования включает проектирование и реализацию модельных паттернов совместных социальных действий.

В свете вышеуказанных подходов, для эффективного формирования у студентов опыта позитивных социальных отношений средствами иностранного языка необходимо соблюдение ряда принципов. Соглашаясь с С.В.Даниловой, считаем, что основополагающим принципом является принцип диалога, социального по природе, представляющего собой форму социального взаимодействия, основанного на равенстве и свободное участие в нем сторон, направленного на прояснение, сближение и взаимное обогащение позиций, реализующего фундаментальную потребность человека в общении, взаимодействии, сотрудничестве, сотворчестве [2]. Продолжая данную мысль, подчеркнем, что в рамках нашего исследования принцип Диалога выходит за

рамки речевого взаимодействия и понимается нами в контексте контентного рефлексирования социального аттитудного кластера - как принцип социальной ориентации из собеседника, принцип социального позиционирования, принцип результативности социального взаимодействия, принцип учета индивидуально-дифференцированных характеристик участников процесса и т.д.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бордовская Н.В. Реан А.А. Педагогика. Учебник для вузов - СПб: Издательство «Питер», 2000. - 304 с.
2. Данилова С.В. Педагогические условия развития толерантности студентов младших курсов ВУЗа в процессе обучения (на материале обучения иностранному языку), автореф. к.п.н., Омск 2007
3. Стратегия воспитания в образовательной системе России: подходы и проблемы / Под ред. Проф. И.А. Зимней. Изд. 2-е - М.: Агентство «Издательский сервис», 2005. - 480 с.
4. Шиянов Е.Н. Котова И.Б. Развитие личности в обучении. - М.: Изд. Центр «Академия», 2000. - 288 с.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ ПРИЕМОВ НА ЗАНЯТИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ.

О.Ю. Никонова, Е.А. Шалгина, М.Л. Костарева
Пермский государственный университет

Изменения, происходящие в обществе сегодня, повлекли за собой формирование нового заказа на знание иностранного языка. Основной целью обучения является развитие личности, способной и желающей участвовать в межкультурной коммуникации на иностранном языке.

По нашему мнению, при обучении иностранному языку (ИЯ), использование театральной практики становится все более актуальным, так как театр как образовательный модуль направлен и на изучение языка и на развитие личности.

Театральный подход в изучении языка - один из активных способов передачи знаний: экспрессивный, живой, подвижный, говорящий, развивающийся, при помощи которого учитель и ученик вступают в особые отношения. Каждый из них выходит из своей социальной и групповой роли с одной целью - работа над языком посредством театрального текста. Эти новые отношения лежат в основе обучающих механизмов ИЯ.

Обучение французскому языку (ФЯ) через театральный подход объединяет необходимые составляющие для преподавания ИЯ: условия передачи знания и приобретение этого знания студентом. Следовательно, применение театральных практик совпадает с методикой обучения ИЯ.

Чисто формальный подход в методике преподавания ИЯ не дает устойчивых знаний. Гармоничное использование всех элементов коммуникативного процесса: вербальные, невербальные, полувербальные и применение театрализации, является необходимым условием для достижения наилучших результатов в обучении языку.

На протяжении веков, методы и методологии преподавания ИЯ изменялись, но театр как средство обучения всегда имел своих приверженцев.

« В начале 20-го века на занятиях начинают использовать приемы драматургии, чтобы активизировать работу над языком, присоединяя к лингвистическому аспекту воспитательный. Театральная деятельность на уроке основывается на игре, на театральной практике и на воспитательной составляющей» [2; 9-11].

Сегодня многие преподаватели во Франции и в других странах, уже используют театральные методики в учебном процессе. Обучение посредством театра уже включено в образовательные программы некоторых школ и вузов.

Театр на занятиях по ФЯ дает много преимуществ: изучение и запоминание текста, отработка дикции, произношения, выражение чувств пластикой тела, развитие симпатии, сострадания, нравственных чувств, приобретается опыт работы на сцене и со зрителем, с аудиторией, умение слушать партнера. Можно сказать о театре « что он дает еще такие дополнительные возможности знакомства с культурой посредством работы с текстами французских драматургов, постановкой и игрой на сцене ролей, взятых из франкофонного пространства» [1; 237].

Ценности, которые мы пытаемся распространить в методике обучения устной речи, уже существовали несколько веков назад: коммуникация между учащимися и преподавателями, происходит через устное общение и жесты, через запоминание и подражание аутентичной обстановке – и все это театральные приемы.

Роль успеха: применение знаний и умений на практике, достижение мастерства и успешное осуществление поставленной задачи позволяет не только показать свои приобретенные лингвистические знания, но и нелингвистические тоже. Речь не только о том, чтобы рассказать историю на сцене, но и показать ее с помощью движения, жестов.

Педагогическая роль театра и обучение устной речи: обучение при помощи театра касается сознания публики, где – она адресат, воспринимающий слушатель « в придачу», и ей приходится размышлять над тем, что ей преподносят со сцены. Фразы не заучиваются тотчас, это происходит постепенно, осознанно, приобретается в обстановке, приближенной к естественной.

Зритель это актер: в момент работы над устной речью, студенты – поочередно и актеры, и наблюдатели, они входят в определенные отношения посредством ролевой игры. Те, кто не в игре, наблюдают и делают замечания, у них также происходит коммуникация, как и у тех, кто занят в главных ролях. В театре, актер обращается непосредственно к партнеру по сцене, но его речь

переносится и на зрителей, которые, реагируя, влияют на игру актеров. В обеих ситуациях, публика вовлечена в процесс коммуникации.

«Языковая робость»: возникает в тот момент, когда слушателем является носитель языка. Он воспринимается как критик, вызывая у говорящего «лингвистическую тревогу» и мешая ему вести себя непринужденно. Эта тревожность подобна той, когда актер впервые выходит на сцену. Но такой психологический барьер преодолевается путем многократных повторений, репетиций, дальнейшей языковой практикой.

Группа – класс: понятие «класс» или «группа» в методике преподавания французского языка с помощью театральных приемов, отличается от традиционного представления, основанного на возрасте и языковом уровне студентов. Необходимо сократить значимость этих двух характеристик в пользу нового определяющего преподавателя и учеников, работающих вместе для решения коллективных целей. И театральная практика позволяет работать каждому в своем ритме.

Чтение вслух: чтение про себя влияет на изучение языка, но его воздействие не прямое, потому что происходит ограничение взаимодействия между преподавателем и студентами.

Чтение текста вслух это коммуникативная деятельность, она должна проводиться согласно языковому уровню студентов.

Чтение вслух благоприятно сказывается при обучении, особенно если текст аутентичный и его влияние на коммуникацию прямое: « в классе, где используются аутентичные тексты, у студентов возникает желание прочитать текст до конца и рассказать прочитанную историю» [3; 75]. Между обучающимися устанавливаются особые отношения, когда образуются группы и отрабатываются социальные компетенции, роли.

Как в любой речевой ситуации, так и в театре основные составляющие – это передающий, принимающий информацию и сама информация (текст).

Чтец сообщает информацию, обращаясь к аудитории, которая, реагируя, подбадривает его, и он продолжает читать, не думает больше о тексте, а погружается в процесс чтения, увлекая за собой слушающих. И это похоже на процесс первого чтения пьесы актерами театра. Студент должен прочитать текст целиком, это позволит ему расширить свое воображение, вселит уверенность и поможет понять содержание текста.

Таким образом, театрализация как уникальная синтетическая форма, дающая мощный заряд, возможность сотворчества преподавателя и студента, самовыражения и развития креативного мышления, объединяет культуру, образование и воспитание. Использование театральных практик на занятиях французского языка в ПГУ преподавателями кафедры лингводиалектики, привело к созданию студенческого франкофонного театра «Визави». Его репертуар включает богатую палитру спектаклей: от произведений мировой классики до детских сказок и фольклорных инсценировок. Уникальность театра состоит в том, что актеры говорят по-французски, тем самым пропагандируя язык и французскую культуру. Подготовительная работа включает занятия

фонетикой, танцами и пластикой, сценической речью. Репетиции помогают познать себя, избавиться от комплексов, раскрыть нерализованные возможности. Гастрольная деятельность – выступления в студенческой среде, школах города помогают почувствовать свою значимость, оценить достигнутый результат и стремиться к самосовершенствованию. Кроме того – это замечательная возможность общения близких по духу людей. Таким образом, изучение ИЯ с использованием театральных приемов, становится мощным стимулом развития личности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сук, J.-P. 2003. Dictionnaire de didactique du français langue étrangère et seconde, Paris : Clé International.
2. Mohamed, E. E. H. 2008. Théâtre et enseignement du Français Langue Etrangère.
3. Page, C. 1998. Pratiques du théâtre. Paris : Hachette Education.
4. Pasa, L. 2002. Entrer dans la culture écrite : rôle des contextes pédagogiques et didactiques.

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА.

Л.Ф.Фотьянова

Ставропольский государственный университет

Роль образования на современном этапе развития России определяется задачами её перехода к демократическому и правовому государству, необходимостью преодоления опасностей отставания страны от мировых тенденций экономического и общественного развития в XXI веке.

На сегодняшний день актуальным является вопрос о профессионализме, который определяется качеством полученного образования и его содержанием. Система образования в России признана уникальной за ее фундаментальность и научность, но глобализация современных экономических и социальных процессов обуславливает необходимость вхождения российских вузов в мировое образовательное пространство, обучение человека «навыкам восприятия новых знаний» [3; 30; 2; 17-24], вовлечение его в инновационную деятельность – «процесс преобразования научного знания в физическую реальность, изменяющую общество».

Образовательный процесс в системе общего и профессионального образования строится на дедуктивной основе, в соответствии с которой содержание образования определяется как «совокупность систематизированных знаний, умений и навыков, взглядов и убеждений, а также определенный уровень развития познавательных сил и практической подготовки, достигнутый в результате учебно-воспитательной работы» (Педагогический словарь, 1960). При этом усвоению знаний уделялось особое

внимание. Содержательно традиционное обучение выстраивалось как взаимосвязь двух автономных деятельностей: обучающей деятельности преподавателя и учебно-познавательной деятельности студентов, обучающиеся выступают как объекты управления, как исполнители планов преподавателя. Из соотнесения со Стратегией модернизации образования в России, на всех уровнях системы образования осуществляется ряд последовательных шагов для перехода от формально-знаниевой к личностно-деятельностной (компетентностной) парадигме. Однако парадигма дает представление лишь о наиболее общих направлениях и закономерностях изменений в системе образования. Для ее практического воплощения необходимо конкретизировать ту совокупность приемов, способов, которая будет применяться при непосредственной реализации концептуальных положений, вытекаемых парадигмой, в рамках конкретного образовательного процесса. Представление о таких приемах, способах и принципах дает возможность выработать, определенный подход, применимый к процессу обучения в рамках главенствующей компетенции.

Таким образом, представляется оправданным применение деятельностной методики, при которой основополагающим считается сознательное и постепенное овладение всем набором необходимых и достаточных умений и навыков, осуществляемых через действия, которые адекватны заданной сфере деятельности. Успешность овладения действиями находится в прямой зависимости от степени полноты, системности и обобщенности знаний о них.

Под деятельностным подходом понимают такой способ организации учебно-познавательной деятельности обучаемых, при котором они являются не пассивными «примемниками» информации, а сами активно участвуют в учебном процессе. Деятельностный подход порождает много различных способов организации процесса обучения. Кроме мотивации, необходимо, чтобы учащийся сам активно учился. Задача учителя – подобрать необходимую технологию обучения, руководствуясь при этом поставленными целями. Деятельность преподавателей меняется: от «транслятора» знаний педагогических технологий через работу «мастера», организующего совместную деятельность с целью формирования у студентов педагогических способностей, к позиции «консультантов», совместно со студентом, проектирующим его будущую профессиональную деятельность. В связи с этой актуальной проблемой становится поиск интегративных технологий обучения.

Проблема как учить заключается в обеспечении условия знаний и доведения их до уровня умений и навыков. В деятельностной теории учения, усвоение знаний осуществляется через адекватные действия. В самом общем виде основные посылы проблемы как учить сводятся к следующему:

- На основании знания состава действий и их организационной структуры в заданной деятельности устанавливается последовательность, усвоения действий.
- При усвоении действий следует руководствоваться принципом градации сложностей. В соответствии с этим принципом эффект усвоения находится в обратной зависимости от количества одновременно усваиваемых

действий. Наилучший эффект достигается, если усваивается только одно новое действие.

• Усвоение каждого нового действия складывается из усвоения содержания знания о действии, из отработки действия до уровня умения или навыка и из контроля за процессами усвоения и отработки.[4]

Усвоение содержания знания происходит вне зависимости от метода объяснения. Оно может быть информационным, дедуктивным, индуктивным, проблемным. Проблемность может быть логического или поискового типа. Считается, что наилучшие условия для самостоятельности и творческой активности обучаемого обеспечиваются при проблемном обучении. Это значит, что содержание обучения выводится обучаемым под руководством преподавателя в ходе проблемной беседы, а не дается в готовом виде. Известно, что управляемая преподавателем проблемность логического порядка более экономна по временным затратам и ее применение более целесообразно при формировании умений и навыков. Поэтому проблемность логического порядка более оправдано использовать при усвоении тех знаний, овладение которыми доводится до уровня умений и навыков.

А.А. Вербицкий выделил шесть тенденций в образовании, которые проявляются и будут проявляться в разной степени. Вот некоторые из них:

- Переход от преимущественно информационных форм к активным методам и формам обучения с включением элементов проблемности, научного поиска, широким использованием резервов самостоятельной работы обучающихся. Другими словами, как метафорично отмечает А.А. Вербицкий, тенденция перехода от «школы воспроизведения» к «школе понимания», «школе мышления».

- Следующая тенденция соотносится, по А.А. Вербицкому, «с поиском психолого-дидактических условий перехода от жестко регламентированных контролируемых, алгоритмизированных способов организации учебно-воспитательного процесса и управления этим процессом к развивающим, активизирующим, интенсифицирующим, игровым...». Это предполагает стимуляцию, развитие, организацию творческой, самостоятельной деятельности обучающихся.

- Есть еще тенденции, которые относятся к организации взаимодействия обучающегося и преподавателя и фиксируют необходимость организации обучения как коллективной, совместной деятельности обучающихся, где акцент переносится «с обучающей деятельности преподавателя на познающую деятельность студента».[1; 35-36]

Методы и технологии обучения, используемые в деятельностном подходе, должны позволять приобрести опыт обращения со знаниями, их целесообразного применения. В рамках данного подхода преобладающими будут являться методы, которые обеспечивают саморазвитие, самоактуализацию человека, позволяют ему самому искать и осознавать подходящие именно для него способы решения жизненных ситуаций. Как признают практически все исследователи, наибольшими возможностями для решения задач деятельностного подхода обладают: метод проектов,

ситуационный анализ и технологии портфолио. Основными условиями, детерминирующими отбор методов обучения, являются:

- отбор заданий с опорой на личный опыт учащихся;
- использование учебных заданий с заранее запланированным или неопределенным результатом;
- использование практико-ориентированных ситуаций – как для постановки проблемы (введение в задание), так и для ее непосредственного решения;
- использование избыточной информации для выработки навыков работы в условиях неопределенности;
- преобладание самостоятельной познавательной деятельности учащихся;
- организация индивидуальной, групповой и коллективной работы учащихся;
- возможность поиска учащимися своего способа решения проблемы для создания собственного образовательного продукта;
- усиление когнитивных аспектов обучения;
- использование технологий, позволяющих создание им личностной ответственности за результат обучения;
- организация презентаций и защиты своих познавательных результатов для определения своих достижений в овладении учебным материалом, дальнейшего совершенствования своих знаний и умений.

Вопросу реализации деятельностного подхода в обучении иностранным языкам уделяется немало внимания. Главной причиной этого явления служит тот факт, что «в деятельности изменяется не только сам объект, но и отношение субъекта к объекту. Это означает, что сама деятельность носит динамический характер: жизненные позиции субъекта (отношения, мотивации и т.д.) к объекту меняются в соответствии с ходом деятельности. В этом смысле деятельность является открытой системой для формирования личности».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. - М.: Высшая школа, 1991. – 207 с.
2. Гурова Т. Президентское послание. Функционал президента / Т.Гурова // Эксперт. - 2003. - № 19. - с. 17-21.
3. Животовская И.Г. Глобализация и образование: институциональный и экономический аспекты / И.Г. Животовская // Глобализация и образование: Сб. обзоров / Отв. ред. Зарская С.Л. – М.: ИНИОН, 2001. – 144 с.
4. Концептуальные аспекты подготовки курсов дистанционного обучения на основе компетентностного подхода// http://ict.edu.ru/vconf/index.php?a=vconf&c=getform&t=thesisDesc&d=light&id_sc=85&id_thesis=3022

СОДЕРЖАНИЕ

**СЕКЦИЯ 1.
ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И РЕЧЕВОГО ДИСКУРСА**

Власова Т.М.
Мимические реакции в художественном дискурсе 5

Гавриленко О.В.
К вопросу о пополнении словарного состава (на примере американской ландшафтной лексики) 10

Дюжова М.Б.
Язык как зеркало молодежной культуры: панк, хэви-металл, электроника, рэп 15

Колоколова Н.М.
Типы высказывания женских промиссивов в русском и французском языках: сравнительный анализ 23

Кузнецова Е.В.
Общая характеристика дискуссий русской эмиграции о судьбе русской литературы 25

Кузнецова Е.В.
Мотив Смерти в рассказах Г.Газданова: контекст русской и западной литературы 34

Насибуллина Ф.Ф.
Цветообозначения в рекламном дискурсе на немецком и русском языках 40

Туреханова А.М., Азиебекова Г.Д.
Роль вторичных текстов в осмыслении концептуального пространства технического текста железнодорожного содержания 43

Цестков Ю.Л.
Роль невербальной коммуникации в комедийном дискурсе Гуго Фон Гофмансталя 49

**СЕКЦИЯ 2.
ЛИНГВИСТИКА В НАЧАЛЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ**

Бронник Л.В.
Язык в аспекте сложности 54

Блинова Е.В.
Вычленение как способ образования отфразеологических слов 59

Виноградская М.В.
К вопросу о социолингвистической интеграции и адаптации российских немцев в Германии 62

Рябичкина Г.В.
Стандарт, сленг и смежные формы английского языка: терминологический, понятийный и социально-этический аспект 67

Смирнова О.Б.
Образ матери в сознании носителей русского языка (на материале фразеологических единиц) 72

Жданова Е.В.
Взаимодействие картины мира и образов сознания: этнопсихолингвистический аспект 77

Колесникова Т.В.
Синкретизм как универсальное лингвистическое явление 82

Метельская Е.В.
«Оценка человека через образы животных» в разговорно-сленговой форме английского языка 84

**СЕКЦИЯ 3.
ЛИНГВОДИДАКТИКА КАК ОДНО ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ
НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

Кривых Н.И.
Обстоятельства сопутствующих явлений: видовая специфика 88

Милюк Н.М., Говорова Г.Н.
Экономическая терминология в лингводидактическом аспекте 91

**СЕКЦИЯ 4.
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ**

Абрамова Д.Т., Сюткина Н.П.
К вопросу использования ИКТ в процессе изучения иностранного языка (на примере студентов географического факультета Пермского государственного университета).....97

Бокатица Ю.И.
Проектная деятельность на уроках русского языка.....102

Боровская А.
Педагогика свободного времени.....105

Головкин Е.А.
Потенциал виртуальных миров в обучении и изучения иностранных языков и культур.....110

Кривых Л.Д.
Лингводидактические основания формирования у студентов опыта позитивных социальных отношений средствами иностранного языка.....113

Никонова О.Ю., Костарева М.Л., Шалкина Е.
Применение театральных приемов на занятиях французского языка в вузе...115

Фотьянова Л.Ф.
Обучение иностранным языкам в рамках деятельного подхода.....118

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ЦНТМД)
«БАВИЛОН»

Центр научно-технического перевода и методической деятельности «Вавилон» приглашает Вас принять участие в подготовке **IV Межвузовского сборника научных трудов по филологии**.
Объем статьи – 5-20 страниц
Правила оформления текста:
Microsoft Word, Times New Roman, 14 кегль, поля 2,5 см со всех сторон, межстрочный интервал 1,5, абзац 1,25 см, выравнивание текста по ширине, нумерация страниц **ОТСУТСТВУЕТ**.
Оформление 1 страницы текста:

	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ
<i>И.О. Фамилия автора(ов), название учреждения, город</i>	
Текст текст текст.....	
Текст текст текст	Список литературы *
1.	
2.	
3.	

Список литературы – в алфавитном порядке. Внутритекстовые сноски: [Догин 2005:155].
СТАТЬИ, НЕ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ТРЕБОВАНИЯМ, К ПУБЛИКАЦИИ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ.

К статье необходимо приложить сведения об авторе: ФИО, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, почтовый адрес (для рассылки сборника), контактный телефон, адрес электронной почты.

Статьи и сведения об авторе принимаются по электронному адресу vavilon-asu@yandex.ru в виде двух приложений (Сведения об авторе, Статья). В **теме письма** указать «**Сборник по филологии**».

Выпуск сборника планируется в мае 2009г. Срок предоставления статей – до **15.04.2009г**.

Стоимость публикации – **100 руб** за 1 страницу текста, включая расходы на пересылку сборника.

Оплата производится **ТОЛЬКО** после уведомления автора о включении статьи в сборник, почтовым переводом на адрес Рябичкиной Г.В., который будет выслан вместе с уведомлением о включении статьи в сборник.

С наилучшими пожеланиями,
Директор ЦНТМД «Вавилон»

Рябичкина Г.В.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Центр научно-технического перевода и методической деятельности «Вавилон»
Факультет иностранных языков
Кафедра английского языка и технического перевода ЕИ и ФМИ

Международная очная научно-практическая конференция

«Основные проблемы современного языкознания»
(МК – 0509)

с изданием сборника статей

август-сентябрь 2009 года

Уважаемые коллеги!

Центр научно-технического перевода и методической деятельности «Вавилон», факультет иностранных языков, кафедра английского языка и технического перевода ЕИ и ФМИ Астраханского государственного университета приглашают Вас принять участие в Международной очной научно-практической конференции «Основные проблемы современного языкознания» (МК 0509).

Основные направления конференции:

- Лингвистика текста и речевого дискурса;
- Лингвистические проблемы в контексте межкультурной коммуникации;
- Язык как одна из когнитивных способностей человека;
- Теория коммуникации и переводоведение;
- Инновационные технологии и инновационные методы обучения иностранным языкам;
- Проблемы лингвообразования и этимологии
- Языковая картина мира
- Международное сотрудничество в рамках Болонского процесса

Для участия в конференции необходимо в срок до **25 мая 2009 года** предоставлять в Оргкомитет:

1. Заявку на участие в конференции с указанием формы участия (в соответствии с формой заявки).
2. Материалы доклада, оформленные в соответствии с требованиями, электронной почтой e-mail: vavilon-diz@yandex.ru, xmitovaob@rambler.ru с указанием «Участие в конференции «Основные проблемы современного языкознания»
3. Подтверждение оплаты публикации сканированной копией приложенным файлом.
Материалы доклада высылаются электронной почтой двумя прикрепленными файлами (заявка на участие, материалы доклада). В электронном варианте каждая статья должна быть в отдельном файле. В имени файла укажите фамилию первого автора и первые три слова названия статьи. При отправке материалов электронной почтой обязательно убедитесь в их получении.

126

Требования к оформлению материалов конференции: Microsoft Word, формат страницы А4, поля – 25 мм со всех сторон, шрифт - Times New Roman, размер (келья) - 14, межстрочный интервал - 1,5, абзацный отступ - 1,25, выравнивание по ширине, ориентация - книжная, **без проставки страниц**, без переносов, **без титульных страниц**.

Название статьи - по центру, без отступа, прописными буквами, шрифт - жирный. Ниже через один интервал по середине, строчными буквами - инициалы и фамилия автор(ов), полное название вуза, город. Далее, после отступа в один интервал следует текст статьи - выравнивание по ширине. Ссылки в тексте оформляются по следующему образцу: [Иванов, 2004: 75]. Список литературы приводится в алфавитном порядке в конце статьи.

Пример оформления статьи:

**ПЕРЕВОД КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ОБМЕНА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ
ИНФОРМАЦИЕЙ**

(ШРИФТ 14, ИНТЕРВАЛ 1,5)

И.И. Иванов

Астраханский государственный университет

(шрифт 14, интервал 1,5)

Текст текст текст

ЛИТЕРАТУРА: (отступ 1,25)

- 1.
- 2.

Объем предоставляемых статей - от 5 страниц включительно. **Стоимость 1 страниц** - 100 рублей.

Оплату необходимо перечислить до **25 мая 2009 г.** по банковским реквизитам:

414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а

ИНН 3016009269, КПП 301601001

УФК по АО (АГУ д/лч 03251497480) р/сч 40503810900001000158

Банк: ГРКЦ ГУ Банка России по АО

г. Астрахань БИК 041203001

код ОКОНХ 92110

код ОКПО 02079218

Получатель платежа: **Астраханский государственный университет**

При оплате участия в конференции просьба обязательно указать За участие в конференции «Основные проблемы современного языкознания» (МК - 0509)

Срок предоставления статей до 25 мая 2009 г. При условии предоставления статей в срок, сборник будет издан к началу конференции.

Статьи и сведения об авторе(ах) принимаются по электронной почте: vavilon-ssu@yandex.ru, xmitovaob@rambler.ru

127

Заявка на участие в конференции

Фамилия _____
Имя _____
Отчество _____
Место работы _____
Должность _____
Ученая степень _____
Звание _____
Адрес _____
Телефон рабочий _____
Телефон домашний _____
Факс _____
E-mail _____
Номер платёжного поручения или квитанции почтового перевода _____
Требуется ли проживание в гостинице да/нет, номер 1 местный/2местный _____
Форма участия _____

После получения материалов Вам будет выслано приглашение на участие в конференции. Предлагаемая стоимость оргвзноса очного участия составляет 1000 и включает получение папки участника, кофе-брейк, ознакомительную экскурсию по городу. Все интересующие Вас вопросы Вы можете задать по e-mail: Vavilon-uaip@yandex.ru, spitovtsov@tambler.ru и по телефонам: 8 (8512) 61-09-72, 8 (8512) 44-00-95*130. Экземпляры сборника будут разосланы в ведущие библиотеки РФ. Будем благодарны за распространение информации о нашей конференции. Заранее благодарим за проявленный интерес.

С наилучшими пожеланиями,
Оргкомитет.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ВАВИЛОН»

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ
И ЛИНГВОДИДАКТИКИ**

*Сборник статей III Международной
научно-практической конференции*

15 ДЕКАБРЯ 2008 г.

Редакция авторская

Издательство: Сорокин Роман Васильевич
414040, г. Астрахань, пл. К. Маркса, 33, тел.: (8512) 54-63-95

Подписано в печать 02.03.09. Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 8,0.
Тираж 100 экз. Заказ 10115.

Отпечатано в Астраханской цифровой типографии
414040, г. Астрахань, пл. К. Маркса, 33, тел.: (8512) 54-63-95